

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Н. Д. Саженов

ВНУТРЕННИЕ ФАКТОРЫ
ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ
АФГАНИСТАНА
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

(2001 – НАЧАЛО 2020 г.)

Москва
ИВ РАН
2020

ББК 66.3(5Афг)

С 14

Ответственный редактор

к. и. н. Р. Д. Дауров

Рецензенты

Чрезвычайный и Полномочный Посол, к. и. н. М. А. Конаровский

к. и. н. Ю. П. Лалетин

Утверждено к печати

Редакционно-издательским советом

Института востоковедения РАН

Саженов Н. Д.

С 14 Внутренние факторы во внешней политике Афганистана на современном этапе (2001 – начало 2020 г.) / Отв. ред. Р. Д. Дауров; Ин-т востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2020. – 220 с. : ил.

ISBN 978-5-907384-33-0

В монографии рассматривается роль внутривнутриполитических факторов в процессах формирования и реализации внешней политики современного Афганистана с 2001 г. Всесторонне проанализированы этнополитическая динамика в Афганистане, исламский фактор и проблема внутренней нестабильности в их преломлении во внешнеполитической деятельности Афганистана. Показано, что нестабильность в Афганистане и связанные с ней угрозы безопасности на региональном и глобальном уровнях побуждают соседние государства и крупных международных игроков к активному взаимодействию с афганским правительством и, в ряде случаев, с представителями Движения талибов.

Книга будет полезна как для ученых-востоковедов, так и для широкой читательской аудитории.

ISBN 978-5-907384-33-0

© Саженов Н. Д., 2020

© ФГБН ИВ РАН, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Список сокращений.....	4
Введение.....	6
Общие подходы руководства Афганистана к внешней политике....	18
Глава 1. Этнический фактор.....	23
1.1. Население Афганистана и его демографические параметры.....	24
Структура населения Афганистана и его основные демографические параметры.....	24
Значение этнического фактора во внешней политике Афганистана: роль внерегиональных игроков.....	35
1.2. Разделенность пуштунского этноса Линией Дюранда и ее влияние на отношения Афганистана с Пакистаном.....	50
1.3. Влияние этнического фактора на двусторонние отношения Афганистана с Таджикистаном, Узбекистаном и Туркменистаном.....	62
Глава 2. Религиозный фактор во внешней политике Афганистана.....	76
Глава 3. Фактор внутренней нестабильности и террористической опасности.....	105
3.1. «Торговля безопасностью» и переговоры с экономическими донорами Афганистана.....	105
3.2. Проблема межафганского урегулирования во внешней политике ИРА.....	130
3.3. Отношения Афганистана с Индией и Китаем.....	161
Заключение.....	179
Краткие биографии основных политических деятелей современного Афганистана.....	184
Библиография.....	201
Приложения.....	213

Список сокращений

АБР – Азиатский банк развития

ВВС – Военно-воздушные силы

ГУНБ – Главное управление по национальной безопасности (Афганистан)

ДТ – Движение талибов* (*здесь и далее символом * помечены организации, деятельность которых запрещена на территории РФ*)

ИГ (ИГИЛ) – «Исламское государство» («Исламское государство Ирака и Леванта»)*

ИГ-Х – Исламское государство-Хорасан*

ИДВТ – Исламское движение Восточного Туркестана*

ИДУ – Исламское движение Узбекистана*

ИОА – Исламское общество Афганистана

ИПА – Исламская партия Афганистана

ИРА – Исламская республика Афганистан

ИРИ – Исламская республика Иран

ИРП – Исламская республика Пакистан

КНР – Китайская Народная Республика

КПЭК – Китайско-пакистанский экономический коридор

КСИР – Корпус стражей исламской революции (Иран)

МВД – Министерство внутренних дел

МООНСА – Миссия ООН по содействию Афганистану

МССБ – Международные силы содействия безопасности

НАТО – Организация Североатлантического договора

НДПА – Народно-демократическая партия Афганистана

ОИС – Организация исламского сотрудничества

ОЭС – Организация экономического сотрудничества

ПИЕА – Партия исламского единства Афганистана

ПНЕ – Правительство национального единства

ПРООН – Программа развития Организации Объединенных Наций

СААРК – Южно-Азиатская ассоциация регионального сотрудничества

СБ ООН – Совет Безопасности Организации Объединенных Наций

СУАР – Синцзян-Уйгурский автономный район

ТАПИ – газопровод «Туркменистан – Афганистан – Пакистан – Индия»

УВКБ ООН – Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев

УМР – Управление межведомственной разведки (Пакистан)

ФРГ – Федеративная Республика Германия

ЦК КПК – Центральный комитет Коммунистической партии Китая

ЧВК – Частная военная компания

ЭПШП – Экономический пояс Шелкового пути

ЮНИСЕФ – Детский фонд ООН

APPF – Афганские силы общественной защиты (Afghan Public Protection Forces)

CNPC – Китайская национальная нефтегазовая корпорация (China National Petroleum Corporation)

TAPRI – Инициатива по сокращению бедности Таджикистан-Афганистан (Tajikistan-Afghanistan Poverty Reduction Initiative)

USAID – Агентство США по международному развитию (United States Agency for International Development)

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время афганская проблематика занимает одно из центральных мест в повестке дня мировой политики. Это связано с рядом факторов, в первую очередь, с восприятием Афганистана как источника традиционных и новых, в том числе невоенных, вызовов и угроз. При этом новые вызовы и угрозы, исходящие от негосударственных акторов, обладают трансграничным характером, представляя опасность не только для Афганистана, но и для соседних государств. В стране не снижается активность вооруженной оппозиции, среди которой наибольшей боеспособностью обладают участники Движения талибов (ДТ) и «Сети Хаккани»*, в последние годы на территории страны действуют и ячейки группировки «Исламское государство» (ИГ). Даже вооруженное вмешательство США и Великобритании в 2001 г. не позволило одержать победу над террористическими движениями, которые продолжают свою деятельность на территории Афганистана и в северном Пакистане. Более того, ситуация в стране существенно ухудшилась после прекращения в 2014 г. миссии Международных сил содействия безопасности (МССБ) в Афганистане и существенного сокращения контингента вооруженных сил стран НАТО, размещенных на его территории.

За точку отсчета современного этапа в истории Афганистана мы принимаем декабрь 2001 г., когда после военного поражения талибов была проведена Боннская конференция по Афганистану. По ее итогам участники достигли соглашения по поводу дальнейшего постконфликтного государственного устройства Афганистана, а за этим последовало начало работы Временной администрации под руководством Хамида Карзая.

Однако даже формирование новых органов власти не способствовало стабилизации положения в стране – за 18 лет с момента свержения режима талибов Афганистан сталкивался с затяжными политическими кризисами, в особенности после окончания президентских полномочий Хамида Карзая. Если по поводу его кандидатуры существовал определенный общественный консенсус, позволивший ему одержать победу на выборах 2004 г. и сохранить свой пост по результатам следующих президентских выборов, то в 2014 г. процесс передачи власти столкнулся со скандалом: президентом был избран Ашраф Гани Ахмадзай, однако его оппонент во втором туре голосования Абдулла Абдулла отказался признавать данный результат. Один из официальных представителей его избирательного штаба прямо заявил на пресс-конференции: «Мы не признаем результаты выборов и считаем их переворотом, совершенным против воли народа»¹. В такой ситуации было принято решение создать Правительство национального единства (ПНЕ), а Абдулла Абдулла занял не имеющий аналогов в истории страны (и, пожалуй, в мировой истории) и не существовавший прежде пост главного исполнительного лица.

Президентские выборы 2019 г. принесли стране еще один политический кризис, пожалуй, более глубокий, чем 5 лет назад. В середине декабря 2019 г. Независимая избирательная комиссия огласила предварительные результаты выборов, согласно которым победителем стал Ашраф Гани, набравший 50,64% голосов². Абдулла Абдулла настаивал на пересчете 300 тысяч «спорных» голосов, из-за чего объявление окончательных результатов состоялось лишь в середине февраля

¹ Сетад-е Абдулла: натаэд-и элам шоде ра намипазирим (Штаб Абдуллы: мы не признаем объявленные результаты [выборов]) // Farsnews. URL: <http://www.farsnews.com/newstext.php?nn=13930416001527>

² Натаэд-е Эбтедаи-е Энтехабат-е Афганистан; Гани ва Абдулла дар кадам велаятҳо раёи бештари даштанд? (Предварительные результаты выборов в Афганистане: в каких провинциях Гани и Абдулла набрали большее количество голосов?) // BBC Farsi. URL: <https://www.bbc.com/persian/afghanistan-50883558>

2020 г.³ Никаких изменений в итоговом раскладе не произошло, Ашраф Гани был объявлен победителем. Абдулла Абдулла второй раз не признал результаты выборов, сочтя их сфальсифицированными, и объявил себя победителем. 9 марта 2020 г. Ашраф Гани и Абдулла Абдулла практически одновременно принесли присягу в присутствии своих сторонников и представителей международного сообщества⁴. Выход из этого кризиса был найден лишь спустя 3,5 месяца, когда 17 мая 2020 г. стороны подписали соглашение о разделе власти.

В период первого президентского срока Ашрафа Гани еще одним фактором внутривластной нестабильности в Афганистане в определенной степени выступил и парламент – срок полномочий нижней его палаты (Волуси Джирга) истек еще в 2015 г., до осени 2018 г. выборы членов парламента нового созыва не проводились под предлогом невозможности обеспечения безопасности и прозрачности выборов на всей территории страны. Однако до сих пор не объявлены результаты парламентских выборов во всех провинциях страны, что препятствует окончательному формированию нового состава Волуси Джирги. В начале мая 2019 г. нижняя палата парламента приступила к работе, однако отсутствие новоизбранных депутатов от провинции Газни⁵ и Кабула (результаты к тому моменту не были оглашены, их обнародовали лишь в конце мая 2019 г.) вызывают сомнения в ее легитимности. Скандалы, связанные с парламентскими выборами,

³ Комиссьон-е Энтехабат-е Афганистан, Ашраф Гани ра баренда-е энтехабат-е Реясат-е Джумхури элам кард (Избирательная комиссия Афганистана объявила Ашрафа Гани победителем президентских выборов) // Radio France Internationale. URL: <https://goo.su/3d4N>

⁴ Афганистан: Гани ва Абдулла ду марасем-е тахлиф-е джедогана дар як руз баргузор карданд (Афганистан: Гани и Абдулла провели две отдельные церемонии инаугурации в один день) // BBC Farsi. URL: <https://www.bbc.com/persian/afghanistan-51797576>

⁵ Выборы в Газни перенесены на осень 2019 года и должны были пройти одновременно с президентскими, однако не состоялись. До проведения новых выборов в нижней палате парламента представительство сохранилось за депутатами предыдущего созыва (прим. авт.).

порождают также и дискуссии о способности афганского правительства управлять государством и контролировать внутриполитические процессы.

При анализе ситуации внутри и вокруг Афганистана следует принимать во внимание и иные характерные черты его внутриполитической реальности. Прежде всего, очевидно сохранение многих черт традиционного общества, в частности, родоплеменной системы, где существенную роль играют происхождение и кровнородственные связи, а также многоуровневое влияние религии на государство и общество.

С учетом того, что в современном глобализирующемся мире тесное переплетение внутренней и внешней политики является, по сути, аксиомой, существует необходимость выявления и комплексного анализа внутренних факторов, влияющих на основные направления внешней политики Афганистана. Дополнительно здесь стоит отметить отсутствие опубликованных концептуальных документов по внешней политике современного Афганистана – в такой ситуации приходится ориентироваться в основном на содержание речей представителей афганской элиты и на доступные издания Министерства иностранных дел ИРА⁶. В таких условиях рассмотрение внутриполитических импульсов и процессов представляет определенную исследовательскую ценность и может дать более широкий ракурс для изучения и понимания внешнеполитической линии страны.

В русскоязычной научной литературе данная тема освещена крайне слабо, в основном в рамках анализа внешней политики стран-соседей Афганистана (Ирана, Пакистана и постсоветских государств Центральной Азии), а систематизированные исследования отсутствуют. Тем не менее в россий-

⁶ В частности, заслуживают внимания изданные Министерством иностранных дел ИРА брошюра «Proposal of General Principles of the Foreign Policy», содержащая текст одноименного выступления тогдашнего министра иностранных дел ИРА Р.Д. Спанта перед иностранными и афганскими дипломатами в мае 2008 года, а также сборник «Зариннама-е як карн-е дипломаси» («Золотые страницы одного века дипломатической деятельности»), изданный МИД Афганистана в 2016 г. (прим. авт.).

ском востоковедении (в частности, на базе Института востоковедения РАН и МГИМО МИД России) издано немало качественных работ, материалы которых оказались весьма полезны при подготовке данной монографии, в частности: «Конфликты на Востоке: этнические и конфессиональные» под редакцией А.Д. Воскресенского, а также работы В.Я. Белокреницкого «Пакистан, Южная Азия, Исламский мир, Восток. Избранные публикации 2008–2016 гг.», С.Б. Дружиловского «О теории и практике исламского правления в странах Среднего Востока (Иран, Турция, Афганистан)» и «Шиитский полумесяц на Ближнем Востоке. Миф и реальность», А.А. Казанцева «“Большая игра” с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия», В.Г. Коргуна «История Афганистана. XX век» и «Современный Афганистан: возвращение исламских клерикалов» (статья), А.Ю. Лаврова «Политический ислам в Афганистане», Ю.П. Лалетина «Межэтническое взаимодействие в Афганистане» и «Племя и государство в Афганистане: идеальный тип (модель) политсистемы ряда стран Западной Азии», Н.М. Мамедовой «Афганское направление иранской политики в период М. Ахмадинежада». Биографические данные ряда политических деятелей Афганистана приводились в соответствии с монографией известного востоковеда М.Ф. Слинкина «Народно-демократическая партия Афганистана у власти. Время Тараки-Амина (1978–1979 гг.)». Всесторонний анализ генезиса, идеологии и деятельности радикальных движений в Афганистане проведен, в частности, в монографии В.Я. Белокреницкого и Р.Р. Сикоева «Движение Талибан и перспективы Афганистана и Пакистана» и в работе В.Н. Пластуна «Эволюция деятельности экстремистских организаций в странах Востока».

В западной научной литературе отмечаются попытки комплексного анализа, в особенности на фоне сохранения в Афганистане миссии НАТО, однако в подобных источниках в качестве методологии преобладает прикладной политологический анализ, который зачастую не учитывает исторического

контекста ситуации и специфики внутриафганских реалий. Существенным недостатком западных источников, анализирующих отношения стран НАТО (большинство материалов посвящены США) и Афганистана остается их сосредоточение на действиях первых, «афганоцентричный» взгляд встречается крайне редко, преобладает описательный подход к рассматриваемой проблеме.

Интернет-источники, зарегистрированные в Афганистане, в особенности веб-сайты органов власти ИРА, зачастую предоставляют устаревшую и неактуальную информацию, что является серьезной проблемой при ее поиске и использовании. Целостных материалов, в которых внешняя политика Афганистана увязывалась бы с внутривнутриполитическими вопросами, в открытом доступе практически нет, исключение составляют разве что некоторые материалы средств массовой информации. То есть, можно говорить о недостаточной разработанности комплексного подхода к изучению поставленной проблемы с привлечением междисциплинарных инструментов анализа.

Изучение незападных обществ, тем более тех, которые, подобно Афганистану, сохранили черты традиционного общества, представляет определенную концептуальную сложность. Подавляющее большинство аналитических подходов разрабатывались применительно к реалиям стран Запада, для исследований восточных обществ они обладают в лучшем случае ограниченной применимостью.

В современном российском востоковедении также отмечается подобный недостаток концептуальной базы. В советский период изучение восточных обществ проводилось сквозь призму марксистского подхода, в угоду которому возникали искусственные идеологизированные концепции и термины наподобие «государства некапиталистического пути развития» или же «государства социалистиче-

ской ориентации». До сих пор в современной России сохраняется определенная инерция этого подхода при изучении восточных обществ. Очевидно, что сейчас марксистский подход уже не имеет значения «ключика ко всем дверям» в познании и научной деятельности в частности, ему на смену пришли иные концепции и понимание многовариантности путей эволюции того или иного общества или государства. Однако вопрос концептуального подхода к изучению восточных обществ по-прежнему остается дискуссионным.

В условиях методологической ограниченности использования одиночных теоретических концепций, возникает необходимость комплексного подхода для взвешенного и всестороннего анализа ситуации в Афганистане. В современном мире афганская тематика является весьма острой, дать объективную оценку многих событий затруднительно в силу сложности афганского общества и закрытости общественно-политических процессов для внешнего наблюдателя. Профессиональное стремление понять суть процессов подчас уступает место узким идеологизированным взглядам на проблему, с естественным для таковых делением на «черное» и «белое», большой эмоциональностью в оценках.

Поэтому, как уже отмечалось выше, необходим трехуровневый анализ – к привычным локальному (в страновом масштабе) и глобальному уровням необходимо добавить еще и региональный, что позволит сформировать более целостную картину исследуемого явления. Для целей настоящего исследования представляется целесообразным ограничить региональный уровень анализа непосредственно Афганистаном и его странами-соседями.

Для рассмотрения внутривнутриполитического контекста такой анализ также представляется удачным – согласно модели, предложенной И.А. Истоминым, здесь в фокусе внимания оказываются три уровня взаимодействия субъектов политической системы: социальный, организационный и элитный. На первом уровне применительно к Афгани-

стану важно понимание деятельности этнических и конфессиональных групп как наиболее активных внутривнутриполитических акторов. На втором уровне действуют различные политические организации, однако в Афганистане они довольно слабые и не претендуют на представление интересов какой-либо части общества, а выступают структурированной клиентелой лидера. Третий уровень – национальные элиты. Несмотря на слабую консолидацию, авторитетные политические лидеры, пользующиеся широкой поддержкой на патронатно-клиентельной основе, способны оказывать заметное влияние на принятие политических решений⁷.

Политическая система Афганистана требует системного подхода и должна рассматриваться как совокупность взаимосвязанных элементов. Как отмечает А.Д. Воскресенский, любая система имеет свои свойства: целостность, гомеостаз («соблюдение некоего динамического равновесия, гарантирующего поддержание параметров в определенном диапазоне»⁸), информационность и безопасность⁹. Любая система имеет и свою «среду», т.е. внешнее окружение. Также системе свойственна реактивность практически в духе третьего закона Ньютона – то есть, наличествует не только воздействие субъекта на объект, но и «обратная связь»¹⁰. Такой подход соответствует логике настоящего исследования – взаимодействие политической системы Афганистана с ее внешним окружением вписывается в парадигму рассмотрения внешнеполитической деятельности страны, а параметры безопасности системы как ее целостности и устойчивости применимы при анализе внутривнутриполитической нестабильности.

⁷ Истомин И.А. Логика поведения государств в международной политике. М.: Аспект Пресс, 2019. С. 268–270.

⁸ Восток и политика: Политические системы, политические культуры, политические процессы: Науч.-метод. комплекс / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Аспект Пресс, 2011. С. 17.

⁹ Там же.

¹⁰ Истомин И.А. Логика поведения государств в международной политике. С. 30.

Для лучшего понимания политического процесса в Афганистане целесообразным представляется обратиться к теоретическому аппарату международной политической экономии, которая, в первую очередь, воспринимается как «научная дисциплина, связанная с анализом экономического измерения мировой политики»¹¹. Однако для целей настоящего исследования предпочтительным является не данный аспект предметного поля политэкономии, а ее теоретические построения, используемые для анализа роли в национальной политической системе таких явлений, как деятельность групп давления, принципы функционирования политических рынков, «изыскание политической ренты» со стороны участников политических или экономических отношений.

Преимуществом применения международной политической экономии в качестве теоретической базы является ее богатый и разветвленный методологический аппарат, основывающийся на теории общественного выбора и ее базовом предположении об идентичности мотивов поведения людей как в экономической, так и в политической сфере ради достижения собственных интересов¹². Данный подход представляется релевантным для анализа институтов политического рынка, т. е. «правил и процедур выработки политических решений в процессе взаимодействия субъектов, предъявляющих спрос на эти решения, и субъектов, ответственных за их принятие»¹³. Существенным ограничителем для данного подхода является его отправная точка – теория рационального выбора, которая не всегда срабатывает в условиях традиционного общества, в котором побудительные мотивы к действию не обязательно задаются стремлением каждого участника политического процесса к максимизации собственной выгоды или же ценностно ориентированным

¹¹ Мировое комплексное регионоведение. Введение в специальность. Учебник / Под ред. проф. А.Д. Воскресенского. М.: Магистр: ИНФРА-М, 2017. С. 197.

¹² Афонцев С.А. Политические рынки и экономическая политика. М.: ЛЕНАНД, 2018. С. 31.

¹³ Там же. С. 193.

поведением. В такой среде определяющими, скорее, являются традиционные или неформальные механизмы и нормы поведения, определяемые этнической, родовой или клановой солидарностью, которые хоть и не противоречат как таковые рациональному поведению, но не всегда согласуются с ним.

Отдельно стоит оговорить и методологию исследования взаимосвязанности внутривластных факторов и принятия внешнеполитических решений. В силу наличия нескольких подходящих научно-методологических подходов предполагается многовариантность концептуальных подходов к исследованию этого феномена на Востоке. В числе таковых Е.В. Колдунова и Д.В. Стрельцов выделяют следующие:

- 1) инструменталистский подход;
- 2) системный подход;
- 3) бихевиоралистский подход и связанная с ним модель рационального выбора;
- 4) «бюрократическая модель» – комплексный подход, в рамках которого принятие внешнеполитического решения рассматривается как результат политического торга с участием формальных и неформальных (лоббистские группы, группы давления) элементов политической системы¹⁴.

Из этого перечня видно, что последний концептуальный вариант является наиболее близким к рассматриваемому выше политэкономическому подходу. Помимо данного списка подходов методологические аспекты настоящего исследования следует также дополнить институциональным подходом и рядом отдельных методов. Как уже отмечалось во введении, многие внутренние факторы в Афганистане, так или иначе влияющие на внешнюю политику, имеют давнюю историю, выходящую за рамки настоящего исследования (с 2001 г. по настоящее время). Однако в некоторых случаях важно

¹⁴ Стрельцов Д.В., Колдунова Е.В. Внешнеполитический процесс на Востоке: некоторые подходы к методологии исследования // *Вестник МГИМО*. 2010. № 1 (10). С. 145–152; Колдунова Е.В. Внутренние факторы внешнеполитического процесса в Таиланде // *Вестник МГИМО*. 2010. № 1 (10). С. 212–220.

прослеживать их историческую эволюцию и практическую деятельность. Поэтому помимо политологических методов необходимо использовать и исторические методы анализа. Здесь заслуживают внимания историко-интерпретационный и историко-системный методы.

В то же время рассмотрение каждого из вышеперечисленных подходов показывает их ограниченность по отдельности; тематика настоящего исследования предполагает применение более широкого, комплексного методологического инструментария, основанного на синтезе вышеперечисленных подходов и применении каждого из них в наиболее релевантных для этого областях исследования.

Для анализа внутривосточной обстановки в Афганистане и механизмов принятия внешнеполитических решений одного лишь системного подхода недостаточно, поэтому одновременно целесообразно использовать и институциональный подход, фокусирующийся на деятельности формальных и неформальных политических институтов. К числу последних применительно к реалиям Афганистана относятся разного рода группы интересов, институт полевых командиров и клановые или племенные структуры. Бихевиоралистская модель, смыкающаяся с политической психологией, может быть полезна для выявления на поведенческом уровне мотивировки принятия элитами тех или иных политических решений¹⁵. Тем более это актуально для Афганистана, где сохраняются родоплеменная система и приоритет этнического происхождения при определении идентичности, влияющие на выдвижение и рекрутирование политических элит, а также на распределение ресурсов в пользу той или иной этнической общности. «Бюрократическая» модель, описанная выше, позволяет рассматривать процесс принятия внутри- и внешнеполитических решений в комплексе, с учетом всех заинтересованных акторов и их интересов.

¹⁵ Колдунова Е.В. Внутренние факторы внешнеполитического процесса в Таиланде. С. 214.

Принимая во внимание недостаточную разработанность некоторых аспектов настоящего исследования как в отечественной, так и в зарубежной научной литературе, и слабость массива эмпирических данных об Афганистане, неизбежно использование и описательного подхода с целью фиксации определенных параметров того или иного рассматриваемого явления и фактов о нем. В данном случае описательный подход позволяет заполнить пробелы в знании о рассматриваемом объекте и служит отправной точкой для его анализа с применением уже иных подходов, а также для объяснения сущности внутривнутриполитических процессов в Афганистане в их взаимосвязи с внешней политикой страны. Возможно, какие-то вещи могут показаться искушенному читателю тривиальными и даже банальными, но их приходится постоянно держать в уме при анализе, потому что именно «прописные истины» наподобие особенностей межэтнических и межплеменных отношений, знакомые каждому специалисту по Афганистану, во многом определяют динамику его развития.

Важно отметить, что современное понимание международных отношений дошло до осознания их нелинейности (т. е. возможности различия в масштабах между событием и его последствиями) и многоисходности (одни и те же стартовые условия могут порождать совершенно различные результаты)¹⁶. Еще одним фактором стал феномен, который Нассим Талеб назвал «черным лебедем» – возникновение непредсказуемых событий, обладающих большой силой резонанса¹⁷. Несмотря на очевидную публицистическую, а не научную направленность своей работы, Талеб сумел верно определить еще одно качество сферы современных международных отношений – ее высокую неопределенность (то есть, фактически,

¹⁶ Истомин И.А. Логика поведения государств в международной политике. С. 28, 33, 37–40.

¹⁷ Талеб Н.Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости (2-е изд., доп.). М.: Колибри, Азбука-Аттикус, 2018. С. 14.

сильное и сложно просчитываемое влияние случайных факторов, а также проблемы недостатка информации у субъектов друг о друге). Конечно, невозможно предсказать, какое именно событие станет таким «черным лебедем», но в некоторых случаях можно безошибочно предугадать, какие сферы общественно-политической жизни или какие процессы могут его породить. Впрочем, в таких условиях делать долгосрочные и даже среднесрочные прогнозы весьма затруднительно, поэтому мы ограничимся главным образом краткосрочными прогнозами и фиксированием общих тенденций.

Общие подходы руководства Афганистана к внешней политике

Как уже отмечалось выше, в Афганистане после 2001 г. концептуальные документы о приоритетных направлениях внешней политики страны не публикуются в открытом доступе, а Конституция ИРА дает о ней весьма ограниченное представление. В статье 7 Конституции говорится о том, что она «будет соблюдать положения Устава ООН, межгосударственные договоры, а также международные соглашения, участником которых Афганистан является, и Всеобщую декларацию прав человека». В статье 8 названы принципы «территориальной целостности и невмешательства, добрососедства, взаимоуважения и равноправия», которым ИРА следует во внешней политике¹⁸. Этого явно недостаточно для понимания концептуальных основ внешней политики ИРА.

Первый президент постталибского Афганистана Хамид Карзай неоднократно подчеркивал необходимость регионального сотрудничества для экономического развития Афганистана и борьбы с терроризмом и наркотрафиком,

¹⁸ Канун-е асаси (Конституция) // Джомхури-е Эслами-е Афганистан (Исламская республика Афганистан). URL: <http://president.gov.af/fa/%d9%82%d8%a7%d9%86%d9%88%d9%86-%d8%a7%d8%b3%d8%a7%d8%b3%db%8c/>

делая особый акцент на кооперации со странами-соседями ради достижения этих целей¹⁹. На саммите ШОС в 2009 г. Карзай и вовсе охарактеризовал Афганистан как «надежного друга и союзника стран нашего региона»²⁰ (видимо, под «регионом» он имел в виду страны ШОС). Тем не менее на практике внешняя политика Афганистана после 2001 г. характеризовалась приоритетностью сотрудничества с западными партнерами, в особенности, с США, хотя и позиционировалась как многовекторная²¹. При этом подчеркивалось, что Афганистан руководствуется основными принципами международного права в реализации внешнеполитического курса.

В инаугурационной речи 2009 г. Карзай вновь говорил о региональном сотрудничестве, а также отдельно упоминал роль США как крупнейшего донора Афганистана в сфере безопасности и экономического развития страны и выразил желание получения для Афганистана статуса основного союзника США вне НАТО^{22, 23}. В выступлении на 45-й Мюнхен-

¹⁹ См., в частности: Speech By His Excellency Hamid Karzai, President of the Islamic Republic of Afghanistan // The Afghanistan Support Conference. Paris, France. June 12, 2008. P. 6–7; Statement by His Excellency Hamid Karzai, President of the Islamic Republic of Afghanistan at the London International Conference on Afghanistan. January 28, 2010. P. 3, 11–12; Statement by H.E. Hamid Karzai, President of Islamic Republic of Afghanistan at the Official Reception. Dushanbe, Tajikistan. July 27, 2006. P. 3; Statement by H.E. Hamid Karzai, President of the Islamic Republic of Afghanistan at the Reception in Kabul in Honor of H.E. Asif Ali Zardari, President of the Islamic Republic of Pakistan. January 6, 2009. P. 2.

²⁰ Statement by His Excellency Hamid Karzai, President of the Islamic Republic of Afghanistan at the 9th Summit of the Shanghai Cooperation Organization (English Translation). Yekaterinburg, Russia. June 16, 2009. P. 5.

²¹ Гофтору-е мелли пирамун-е сеясат-е хареджи-е Афганистан (Разговор на национальном уровне о внешней политике Афганистана). Afghan Institute for Strategic Studies. 2017. P. 3. URL: https://www.aiss.af/assets/aiss_flagship/b7e25df5b9c3b-68ca083fe60d98ec172.pdf

²² Un-Official Translation of the Inaugural Speech by H.E. Hamid Karzai President of the Islamic Republic of Afghanistan // Islamic Republic of Afghanistan, Office of the President. URL: https://web.archive.org/web/20100608230700/http://www.president.gov.af/Contents/72/Documents/960/President_Karzai_s_Inaugural_Speech_Nov.pdf

²³ Афганистан получил этот статус в 2012 году (прим. авт.).

ской конференции по безопасности (февраль 2009 г.) президент Афганистана назвал в числе союзников страны (правда, только в борьбе с терроризмом) и Индию²⁴.

Еще одним направлением внешней политики Афганистана после 2001 г. стало сотрудничество с внерегиональными мусульманскими государствами, в особенности, с Саудовской Аравией, ОАЭ и Турцией. При этом Афганистан не столь активно взаимодействует с международными организациями, за исключением разве что ООН и Организации исламского сотрудничества (ОИС). ИРА является членом Движения неприсоединения, СААРК, Организации экономического сотрудничества (ОЭС), а также наблюдателем в ШОС.

Сменивший Хамида Карзая на посту президента Афганистана Ашраф Гани сохранил преемственность взглядов и, по большому счету, не внес кардинальных изменений в подходы афганского руководства к основным направлениям внешней политики страны, но представил их в более структурированной форме, изложив по пунктам. Так появилась концепция «пяти зон/кругов сотрудничества», охватывающая следующие направления внешней политики ИРА²⁵:

- 1) страны-соседи Афганистана;
- 2) мусульманские страны;
- 3) страны Запада (члены НАТО и иные государства, оказывающие Афганистану материальную помощь или содействие в сфере безопасности);
- 4) прочие государства Азии (т. е. не подпадающие под предыдущие пункты – страны Восточной и Юго-Восточной Азии);
- 5) международные организации.

²⁴ Speech by His Excellency Hamid Karzai, President of the Islamic Republic of Afghanistan at the 45th Munich Security Conference. February 2009. P. 5.

²⁵ Пандж халка-е сиясат-е хареджи чи шод? (Что такое пять кругов внешней политики?) // Хафт-е собх. URL: <https://8am.af/what-were-five-foreign-policy-rings/>

В качестве основных целей внешней политики страны при президенте Гани называются обеспечение национальной безопасности и экономического процветания Афганистана, укрепление позиций страны на международной арене, сохранение ее территориальной целостности, обеспечение национальных интересов и превращение Афганистана «из арены противоборства в зону сотрудничества»²⁶.

На исходе почти двух десятилетий, прошедших с момента отстранения от власти режима талибов и формирования новой политической системы Афганистана, его связывают отношения стратегического партнерства с Великобританией, Индией, Норвегией, США. Особая и специфическая форма сотрудничества у Афганистана с Австралией – «всеобъемлющее долгосрочное партнерство» (Comprehensive Long-Term Partnership).

Таким образом, с 2001 г. основные направления внешней политики Афганистана не претерпели кардинальных изменений и включали следующие векторы:

- приоритетное сотрудничество со странами Запада и акцент на взаимодействии с соседними государствами при сохранении и развитии неконфликтного взаимодействия с иными государствами;
- взаимодействие со странами мусульманского мира, солидаризация с их позицией по вопросам, чувствительным для этих стран (в частности, по палестинской проблематике или по борьбе с терроризмом);
- ограниченное участие в работе международных организаций – за исключением ООН и ОИС Афганистан является государством-членом только в СААРК, Движении неприсоединения и ОЭС, а также государством-наблюдателем в ШОС.

²⁶ Даниш З. Ахдаф, эстратежи ва сахтар-е тасмимгири дар сиясат-е хареджи-е Афганистан; аз манзер Канун-е асаси ва Раис Джомхур Мохаммад Ашраф Гани (Цели, стратегия и механизм принятия решений во внешней политике Афганистана с точки зрения конституции и по взглядам президента Мохаммада Ашрафа Гани) // Office of Chief of Staff to the President, Islamic Republic of Afghanistan. URL: https://ocs.gov.af/dr/article_details/52

Данный раздел был посвящен концептуальному содержанию внешней политики ИРА после 2001 г., которое отражает взгляды афганской элиты. В основной части настоящей монографии мы рассмотрим конкретные внешнеполитические сюжеты в их практическом воплощении, связанные с выделенными выше тремя факторами, которые играют основную роль во внутривнутриполитической динамике современного Афганистана.

Глава 1

ЭТНИЧЕСКИЙ ФАКТОР

Изучение внутривнутриполитических процессов в современном Афганистане, как представляется, невозможно без учета этнополитической динамики. И связано это не только с полиэтничностью Афганистана, где соседствуют различные этноконфессиональные группы, но и с изменившейся природой конфликтов в мире – после распада биполярной системы международных отношений на первый план вышли именно этноконфессиональные конфликты, оттеснившие конфликты на идеологической почве²⁷.

По мнению А.Д. Воскресенского, «причины этнических конфликтов связаны либо с отчуждением какой-либо этнической группы от политической власти, либо, наоборот, концентрацией власти <...> в руках какой-либо этнической группы, неравенством в распределении ресурсов внутри государства, опасениями за свою идентичность либо желанием какой-либо части государства или общества использовать этноконфессиональный фактор в политической борьбе»²⁸. В этом отношении Афганистан не является исключением, с момента его возникновения в 1747 г. история страны характеризовалась конфликтным межэтническим взаимодействием, в основе которого лежала депривация этнических меньшинств от доступа к властным ресурсам. Верховная власть в стране традиционно принадлежала пуштунскому большинству, остальные

²⁷ Звягельская И.Д. Этноконфессиональные конфликты современности и подходы к их урегулированию // Конфликты на Востоке: Этнические и конфессиональные: Учеб. пособие для студентов вузов / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Аспект Пресс, 2008. С. 27.

²⁸ Конфликты на Востоке: Этнические и конфессиональные: Учеб. пособие для студентов вузов / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Аспект Пресс, 2008. С. 6.

этноты имели ограниченный доступ к процессам принятия решений.

Также следует учитывать тот факт, что этнополитические конфликты с трудом поддаются урегулированию и очень легко переходят от стадии политической мобилизации на основе этничности к фазе вооруженного противостояния. Практически неизбежным следствием эскалации этнополитического конфликта является оттеснение умеренно настроенных лидеров этнических групп радикалами, четкое разведение сторон конфликта по бинарной дихотомии «свой-чужой» и выстраивание соответствующей мифологии с возвеличиванием собственной этнической общности и уничтожением противостоящей.

Однако ход подобных конфликтов может различаться, равно как и набор переменных, определяющих антагонистическую динамику, и Афганистан не является исключением²⁹. Этнополитические конфликты способны проецироваться и во внешней политике государства; рассмотрению этого фактора и будет посвящена настоящая глава.

1.1. Население Афганистана и его демографические параметры

Структура населения Афганистана и его основные демографические параметры

Афганистан с момента основания являлся государством, на территории которого проживали представители различных этносов. На протяжении всего периода существования независимого Афганистана в стране отмечался специфический *modus vivendi*, основанный на своего рода «разделении социальных ролей» между этносами, составлявшими афганское общество. Пуштуны считались доминирующим этносом,

²⁹ Там же. С. 16.

поскольку составляли большинство населения и имели широкое представительство в сфере государственного управления и силовом аппарате Афганистана (армия, полиция, а на более поздних этапах истории и спецслужбы). Другие этносы к высшей государственной власти не допускались – лишь два правителя Афганистана – Бачаи Сакао и Бурхануддин Раббани – были этническими таджиками. В сумме они находились у власти всего 5 лет, притом легитимность обоих оспаривалась: Бачаи Сакао пришел к власти в результате успешного восстания консервативно настроенной части общества против короля Амануллы, но уже через год был свергнут и казнен. Легитимность Раббани оспаривалась, в первую очередь, его бывшим союзником Гульбеддином Хекматьером, а затем и боевиками Движения талибов, которые за несколько лет сумели планомерно подчинить большую часть территории Афганистана, а к 1999 г. правительство Раббани, опиравшееся на Северный альянс, контролировало лишь две афганские провинции – Бадахшан и Тахар. Можно вспомнить ряд иных государственных деятелей Афганистана непустунского происхождения, занимавших высокие государственные должности в последние десятилетия. К примеру, Султан Али Кештманд (хазарец) был премьер-министром Афганистана во времена нахождения у власти НДПА; в постталибском Афганистане представителями этнических меньшинств являлись все вице-президенты, избранные вместе с президентами Хамидом Карзаем и Ашрафом Гани. Однако пост главы государства, кроме уже названных выше казусов, неизменно занимал пуштун.

Впрочем, к настоящему моменту оценки численности населения Афганистана и этнического баланса в стране демонстрируют утрату пуштунами положения абсолютного этнического большинства (см. приложение 2). Безусловно, представленные данные нельзя воспринимать как истину в последней инстанции, они основываются лишь на оценках ученых. Проверить корректность этих данных по афганским

источникам не представляется возможным, последняя перепись населения в стране проводилась в начале 1979 г. В некоторых источниках можно найти упоминание, что данная перепись охватила лишь две трети территории страны³⁰.

Естественно, за 40 лет в этническом составе Афганистане произошли заметные изменения на фоне перманентного гражданского конфликта. Наблюдался существенный отток населения – представители высоко- и среднеобеспеченных слоев населения мигрировали, главным образом в Европу и США. После 1979 г. и ввода советских войск в Афганистан наметились и другие тенденции в миграционной динамике – потоки беженцев (преимущественно включающие людей с достатком уровня ниже среднего) хлынули в Иран и Пакистан. Отток населения продолжился и в 1990-х годах на фоне продолжающейся гражданской войны и нестабильности в стране, а также экспансии талибов на север, сопровождающейся случаями жестокого обращения с пуштунским населением страны³¹. Однако в подобных условиях фиксирование изменений межэтнического баланса представляется затруднительным, в Афганистане практика его подсчета отсутствует.

В материалах информационного агентства «Афганистан сегодня» за 2015 г. приводятся сведения о проведении переписи населения и хозяйства в ряде провинций Афганистана³², однако, во-первых, полные результаты ее до сих пор не опубликованы, а во-вторых, проведение переписи в ряде провинций по определению не может дать полной картины этнического состава населения в стране. К тому же неясно, как организаторы данного мероприятия планировали обеспечить сбор данных на территориях, подконтрольных вооруженной оппозиции.

³⁰ СМИ: ЮСАИД выделил \$15 миллионов для переписи населения Афганистана // Афганистан сегодня. URL: <http://www.afghanistantoday.ru/node/35526>

³¹ Белокреницкий В.Я. Грани пуштунской цивилизации // Afghanistan.ru. URL: <http://afghanistan.ru/doc/18905.html>

³² СМИ: ЮСАИД выделил \$15 миллионов для переписи населения Афганистана.

В справочнике ЦРУ США «World Factbook» после 2014 г. какая-либо статистика по этническому составу населения Афганистана не приводится вовсе, что объясняется недоступностью данных и низкой достоверностью соцопросов с незначительной выборкой респондентов³³. После 2001 г. соотношение численности этносов в Афганистане могло измениться и из-за оттока очередной волны беженцев на фоне нового витка внутриафганского конфликта, вмешательства коалиции НАТО и последующего возрождения Движения талибов в качестве вооруженной оппозиции. Так, по данным УВКБ ООН за 2015 г., среди так называемых «новых беженцев» афганцы заняли второе место по численности (2,5 млн человек), уступая только сирийцам³⁴. Согласно обновленным данным УВКБ за 2017 г. численность афганских беженцев в мире увеличилась до 2,6 млн человек, притом основными реципиентами остаются два соседних государства – Иран и Пакистан (приняли 950 тыс. и 1,4 млн беженцев из Афганистана соответственно). На территории Афганистана за 2017 г. 1,8 млн человек стали внутренне перемещенными лицами³⁵. Данные УВКБ по состоянию на середину 2019 г. фиксируют очередное незначительное увеличение численности афганских беженцев до 2,7 млн человек³⁶.

Основываясь на картографических данных расселения различных этносов Афганистана, корректным будет вывод о сложившихся ареалах их проживания (см. приложение 3). Так, на юге и на востоке Афганистана (за исключением пустынных зон) доминирующим этносом являются пуштуны; moreover, зоны их анклавного проживания встречаются

³³ The World Factbook. South Asia: Afghanistan // CIA. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/af.html>

³⁴ Доклад Фонда ООН в области народонаселения «Народонаселение мира в 2015 году» // Фонд ООН в области народонаселения. URL: http://www.unfpa.org/sites/default/files/pub-pdf/State_of_World_Population_2015_RU.pdf

³⁵ UNHCR Global Report 2017. P. 96–97, 154.

³⁶ Статистика // УВКБ ООН. URL: <https://www.unhcr.org/ru/wp-content/uploads/sites/73/2019/06/%D0%B4%D0%B8%D0%B0%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%BC%D0%BC%D0%B072-62-1.jpg>

и в северных, и в западных провинциях Афганистана, в особенности в районе Герата, Мазари-Шарифа и Кундуза, что объясняется проводимой с конца XIX в. политикой пуштунизации этих регионов. Она представляла собой целенаправленные усилия государственной власти Афганистана по сохранению этнического доминирования пуштунов в масштабах страны путем искусственного изменения этнического баланса на севере страны. (Ю.П. Лалетин приводит следующую статистику: «В общей сложности в конце XIX – начале XX в. в Афганский Туркестан было переселено 62 тыс. семей этнических пуштунов»³⁷). В западных, северо-западных, северных и северо-восточных провинциях страны проживают афганские таджики; на территории, поделенной между несколькими провинциями Афганистана исторической области Хазараджат (центральный Афганистан) – хазарейцы; афганские узбеки и туркмены компактно проживают в провинциях, примыкающих к Узбекистану и Туркменистану соответственно.

При этом нельзя говорить о сложившейся единой национальной идентичности в Афганистане, в стране первичную роль по-прежнему занимает этническая самоидентификация, а попытки создания «сверху» афганской идентичности успеха не имели. Дело в том, что на территории страны само слово «Афган» (افغان) ассоциируется в первую очередь с пуштунами, что предсказуемо вызывает протесты среди непуштунских этносов страны. Последние видят в такой постановке вопроса стремление пуштунов де-факто закрепить свое доминирующее положение в Афганистане и воспринимают концепт «афганскости» как посягательство на свою идентичность. При этом ст. 4 действующей Конституции Афганистана гласит: «Понятие «афганец» применимо к каждому из граждан Афганистана»³⁸, однако такая форма

³⁷ Лалетин Ю.П. Межэтническое взаимодействие в Афганистане // Конфликты на Востоке: этнические и конфессиональные. М.: Аспект Пресс, 2008. С. 292.

³⁸ Канун-е асаси (Конституция). URL: <http://president.gov.af/fa/%d9%82%d8%a7%d9%86%d9%88%d9%86-%d8%a7%d8%b3%d8%a7%d8%b3%db%8c/>

замещения этнического сознания более широким объединяющим понятием (можно идентифицировать как «гражданское» сознание) пока что не вышла за рамки субсидиарного уровня по отношению к этнической или локальной идентичности и не способствует сглаживанию межэтнических противоречий.

Дополнением к этнической идентичности в условиях Афганистана выступает идентичность племенная, которая, в свою очередь, превалирует над первой. Только афганские таджики сохраняют несколько иной порядок – у них первичная идентификация формируется по городу или региону проживания. То есть, в масштабах Афганистана наблюдается многоуровневая идентификация (род-этнос-страна), притом, чем меньший масштаб она имеет, тем она сильнее: то есть, индивид чувствует гораздо большую принадлежность и сопричастность к своему роду, чем к стране или даже этносу. Наиболее заметен этот феномен у пуштунов, среди которых доминируют два крупнейших конгломерата племен – дуррани (абдали) и гильзай, которые конкурируют за доступ к властным ресурсам в стране. При этом следует оговориться, что в наибольшей степени племенная идентичность характерна для негородских пуштунов, большинство которых проживает вдоль афгано-пакистанской границы, на юге и юго-востоке Афганистана. У городских пуштунов племенная идентичность постепенно размывалась и сейчас уступила приоритет этнической. Размывание племенной или родовой идентичности характерно также для узбеков и хазарейцев, переехавших по различным причинам в крупные города, в особенности за пределами ареала расселения их этноса.

Конфликтное взаимодействие между двумя крупнейшими конгломератами афганских племен заметно уже на уровне мифологии. С момента появления в 1747 г. независимого Афганистана монархическая власть принадлежала представителям пуштунов-дуррани; первый афганский пра-

витель Ахмад-шах происходил из знатного рода Садозаев, а взошедший на афганский престол в 1826 г. после распада державы Дуррани и нескольких лет междоусобных войн шах Дост Мохаммад принадлежал к другой влиятельной дурранийского рода – Баракзай. Происхождение дуррани выводилось от Сарбана, сына мифического родоначальника пуштунов Кайса. Гильзай, второй по величине конгломерат племен, воспринимались как стоящие ниже в иерархии пуштунских племен – согласно легенде, они произошли от дочери второго сына Кайса Беттана и персидского царевича Шаха Хусейна. Зафиксированная в мифе примесь чужеземной крови определила отношение к гильзаям как к «ненастоящим» пуштунам, априори стоящим ниже дуррани³⁹.

С момента возникновения афганского государства в 1747 г. правители страны относились к пуштунам-дуррани. Однако после Саурской революции 1978 г. на короткий срок власть оказалась в руках гильзаев. Первым гильзаем, занявшим высшую должность в Афганистане стал генеральный секретарь ЦК НДПА Нур Мохаммад Тараки. Президент страны в 1987–1992 гг. Мохаммад Наджибулла был представителем клана ахмадзаев – одного из самых влиятельных гильзайских племен сулейманхейль⁴⁰. Выходцем из этого же клана является и нынешний президент страны Ашраф Гани, который до победы на президентских выборах носил племенную фамилию Ахмадзай, от которой впоследствии отказался, дабы избежать идентификации только с одной частью пуштунского этноса. Впрочем, представители дурранийских племен также инкорпорированы в элиту постталибского Афганистана – к примеру, экс-президент Хамид Карзай происходит из племени попользаев ветви дуррани, притом является потомком племенных вождей.

³⁹ Лалетин Ю.П. Племя и государство в Афганистане: идеальный тип (модель) политсистемы ряда стран Западной Азии. М., 2008. С. 10–11.

⁴⁰ Слинкин М.Ф. Народно-демократическая партия Афганистана у власти. Время Тараки-Амина (1978–1979 гг.). Симферополь, 1999. С. 261.

Анализ демографической динамики постталибского Афганистана позволяет отнести его к числу государств, находящихся на этапе перехода от традиционного типа воспроизводства к современному. Данный этап характеризуется резким снижением смертности населения благодаря улучшению медицинского обслуживания, при этом сохраняется высокая рождаемость, которая имеет тенденцию к дальнейшему постепенному сокращению, средний прирост населения довольно высокий: 2–3 % в год⁴¹.

Представляется, что на динамику воспроизводства населения в современном Афганистане, оказывает определенное влияние и экономическая обстановка в стране – в условиях бедности дети с раннего возраста обучаются выполнению работ по хозяйству, впоследствии могут осваивать ремесленные профессии. Таким образом, детский труд, распространенный в стране, служит инструментом выживания для афганских семей, принося им небольшой, но все же относительно стабильный доход. Сдерживающим фактором для роста фертильности являются ограниченность в стране ресурсов, необходимых для комфортного проживания – в первую очередь, земли и воды⁴². Большая часть Афганистана занята горами и пустынями, что существенно осложняет жизнь на этих территориях.

Для подтверждения высказанной выше гипотезы о нахождении современного Афганистана на этапе перехода от традиционного типа воспроизводства к современному, необходимо рассмотреть статистические данные о демографической ситуации в стране. Так, согласно данным Всемирного банка, в 2018 г. естественный прирост населения в Афганистане составил примерно 2,4%. Последний заметный пик прироста населения пришелся на 2002–2003 годы, когда темпы приро-

⁴¹ Белокреницкий В.Я. Пакистан, Южная Азия, Исламский мир, Восток. Избранные публикации 2008–2016 гг. М.: ИВ РАН, 2016. С. 654–655.

⁴² Там же.

ста населения достигали 4,7–4,8% ежегодно, затем наметился период их постепенного падения до почти 2,5%. В настоящее время, после небольшой повышательной динамики, окончившейся в 2013 г. с показателями прироста населения в 3,495%, вновь начался период постепенного снижения прироста населения, который все же сохраняется в диапазоне 2–3% в год⁴³. Однако прямую корреляцию между снижением роста рождаемости и снижением темпов роста в случае Афганистана установить весьма сложно, о ее наличии можно делать предположения, однако необходимо учитывать и прочие переменные, к примеру, варьирующееся год от года число жертв в результате боевых действий или террористических актов.

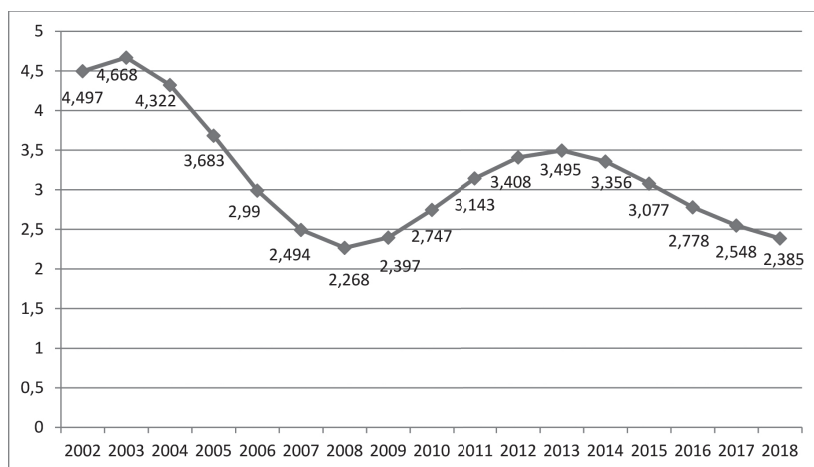

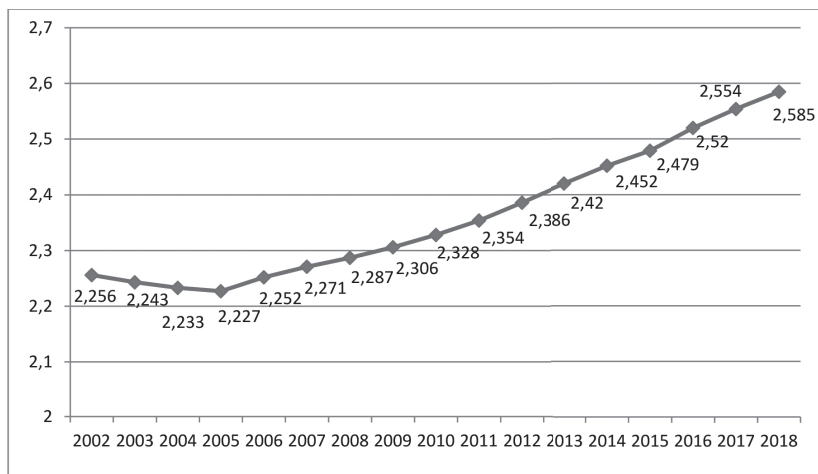
Рис. 1. Годовые темпы прироста населения в Афганистане, 2002–2018 гг., %⁴⁴

Как уже отмечалось выше, в Афганистане сохраняются довольно высокие темпы прироста населения. В то же время для более корректных оценок следует также проанализиро-

⁴³ Population growth, Afghanistan // World Bank. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.GROW?locations=AF>

⁴⁴ Ibid.

вать и сопоставить информацию о рождаемости и смертности в стране (см. приложение 4). Согласно статистическим данным, с 2002 по 2017 г. (более актуальные данные в источнике не приводятся) в Афганистане наблюдается параллельное сокращение рождаемости и смертности при сохранении довольно высоких темпов прироста населения, что вполне вписывается в логику фазы демографического перехода. Логично, что в такой ситуации должно наблюдаться «старение» населения страны, что выражается в повышении доли пожилых людей (старше 65 лет). В целом, это соответствует и прогнозам ООН об увеличении в долгосрочной перспективе среднего возраста населения Земли.

*Рис. 2. Доля населения старше 65 лет
в структуре населения Афганистана, 2002–2018 гг., %⁴⁵*

Выводы, которые можно сделать, рассмотрев и проанализировав данные Всемирного банка, в целом, коррелируют с прогнозами, сделанными в докладе Генерального секретаря ООН «Мировые демографические тенденции», опубли-

⁴⁵ Population growth, Annual (%), Afghanistan // World Bank. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.65UP.TO.ZS?locations=AF>

кованном 21 января 2014 г. Особый интерес представляет следующий вывод: «В настоящее время численность мирового населения ежегодно возрастает на 82 млн человек, причем 54 процента прироста приходятся на Азию и 33 процента – на Африку. Однако к 2050 г. более 80% глобального прироста населения будет иметь место в Африке и лишь 12% в Азии»⁴⁶. Вполне вероятно, что и Афганистан также будет вписываться в общеазиатские долгосрочные тенденции к сокращению прироста населения при условии сохранения текущих демографических процессов.

Однако при анализе рассмотренных данных прогнозирование неизбежного снижения в долгосрочной перспективе внутренней конфликтности в Афганистане представляется преждевременным. Сторонники такой точки зрения апеллируют к изменениям в структуре населения – сейчас в структуре возрастных групп в Афганистане преобладает молодежь в возрасте до 25 лет (при этом около половины населения страны приходится на молодых людей в возрасте до 15 лет⁴⁷)⁴⁸, которая является основной массой населения, затронутой внутриафганским конфликтом. По мере старения этой группы и снижения ее удельного веса в структуре населения Афганистана интенсивность конфликта будет снижаться. Такая точка зрения не лишена смысла и имеет право на существование, однако она уязвима для критики – в частности, она игнорирует такой традиционный для Афганистана фактор потенциальной конфликтности, как сохраняющаяся фрагментированность афганского социума со множеством «линий разлома», которые проявляются, к при-

⁴⁶ Доклад Генерального секретаря ООН «Мировые демографические тенденции» // База документов ООН. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N14/211/01/pdf/N1421101.pdf?OpenElement>

⁴⁷ Population ages 0–14 (% of total), Afghanistan // World Bank. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.0014.TO.ZS?locations=AF>

⁴⁸ Country Population by Sex and Age Group in 2018–19 // Afghanistan Statistical Yearbook 2018–19. July 2019. № 40. P. 4.

меру, в этноконфессиональном дроблении с соответствующими противоречиями, которое подчас ограничивает вертикальную социальную мобильность или же в отчетливой регионализации политических сил. Под последним понимается присутствие региональных или локальных «полевых командиров» или политиков, обладающих значительной базой поддержки, не всегда подчиняющихся правительству в Кабуле.

Не способствует нормализации ситуации в стране и фрагментация государственной власти – правительство в Кабуле контролирует меньшую часть территории страны, ограничиваясь, по сути, крупными городами и прилегающими к ним районами. Конечно, высказываемые оценки о контроле вооруженной оппозицией (в частности, Движением талибов) до 70% территории страны⁴⁹ выглядят явным преувеличением и, видимо, исходят из простой логики: все, что не контролирует правительство, контролируют талибы. Реальность гораздо сложнее, а власть на местах может принадлежать не только талибам, но, как говорилось в предыдущем абзаце, также и вождям местных племен или авторитетным региональным политическим лидерам. Впрочем, слабость верховной власти, фрагментация общества и высокая степень автономности региональных лидеров для Афганистана не новое явление, а своего рода историческое наследие.

***Значение этнического фактора
во внешней политике Афганистана:
роль внерегиональных игроков***

В первой статье действующей конституции Афганистана, принятой в 2004 г., зафиксировано стремление к проведению собственной независимой внешней политики: «Афганистан является Исламской республикой, независимым, еди-

⁴⁹ Около 70% Афганистана находится под влиянием талибов, заявили в МИД России // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20190212/1550727297.html>

ным и неделимым государством»⁵⁰. Однако в реальности Афганистан сталкивается с нехваткой материальных и человеческих ресурсов, осложняющейся нестабильной внутривнутриполитической ситуацией и хронической зависимостью от притока иностранной финансовой помощи. В силу этих обстоятельств Афганистан не в состоянии играть роль активного субъекта международных отношений, что подчас сочетается с положением объекта внешнеполитической активности третьих государств. Впрочем, это никоим образом не означает превращение ИРА в сателлита какой-либо мировой державы и уж тем более речь не идет о реставрации колониальной модели в отношениях Афганистана с западными странами, которая уже осталась в прошлом (подобный дискурс характерен для многих государств третьего мира, и Афганистан здесь не исключение). Положение Афганистана как объекта внешней политики иных стран определяется их активной вовлеченностью в афганскую проблематику для удовлетворения их осознанных потребностей (фактически, интересов), преимущественно связанных с обеспечением собственной национальной безопасности.

Все же, принимая во внимание мозаичность этнического состава населения Афганистана и проживание тех же этносов, что и в Афганистане, на территории его стран-соседей, игнорировать влияние этнического фактора на двусторонние отношения страны件 невозможно. Представляется целесообразным проанализировать наличие или отсутствие устоявшегося взаимодействия основных афганских этносов с рядом акторов мировой политики, поскольку в условиях фрагментации общества по этноплеменному признаку и сохранению патронатно-клиентельных связей каждая подобная группа населения склонна искать поддержки в том числе и у внешних игроков.

Коллективный Запад (под ним здесь понимается совокупность институтов НАТО и ЕС, а также их государств-членов)

⁵⁰ Канун-е асаси (Конституция). URL: <http://president.gov.af/fa/%d9%82%d8%a7%d9%86%d9%88%d9%86-%d8%a7%d8%b3%d8%a7%d8%b3%db%8c/>

в Афганистане традиционно опирался на пуштунское большинство, эта политика не подвергалась ревизии даже во время нахождения у власти Движения талибов, на тот момент практически полностью состоявшего из пуштунов⁵¹. Даже сам факт признания правительства талибов со стороны основных союзников США на мусульманском Востоке – Саудовской Аравии, ОАЭ и Пакистана (последний имеет статус основного союзника США вне НАТО), по мнению В.Я. Белокрыницкого и Р.Р. Сикоева, «обеспечил талибам осторожную благосклонность США»⁵², которая, однако, продлилась недолго. И без того небольшой кредит доверия США к Движению талибов был исчерпан после серии террористических актов против американских посольств в ряде стран Африки (Кения и Танзания) в 1998 г., ответственность за которые взяла на себя организация «Аль-Каида»*. После появления информации о том, что один из лидеров «Аль-Каиды» Усама бен Ладен скрывается на территории Афганистана и пользуется расположением талибов, отношение стран Запада к их режиму и вовсе стало враждебным. В 2001 г. Пакистан под давлением западных стран отозвал свое признание кабульского правительства талибов и разорвал с ним дипломатические отношения.

Как представляется, на современном этапе сотрудничество с пуштунами также является негласным приоритетом коллективного Запада, что было заметно еще при формировании временной администрации под руководством Хамида Карзая. Однако с этого периода наметилась более гибкая линия в пользу расширения сотрудничества стран Запада и с этническими меньшинствами. Так, в ходе военной операции против режима талибов в 2001 г. основным союзником США и Великобритании в Афганистане был укрепившийся

⁵¹ С течением времени в рядах ДТ стало более заметно и присутствие непуштунских элементов, действующих в основном в северных провинциях Афганистана, однако пуштуны по-прежнему составляют подавляющее большинство талибов (прим. авт.).

⁵² Белокрыницкий В.Я., Сикоев Р.Р. Движение Талибан и перспективы Афганистана и Пакистана. М.: ИВ РАН, 2014. С. 144.

в северо-восточных провинциях Тахар и Бадахшан Северный альянс, состоявший преимущественно из афганских таджиков и узбеков. В предыдущее десятилетие взаимодействие стран Запада с его полевыми командирами было минимальным. Однако по итогам Боннской конференции в декабре 2001 г. главой Временной, а затем и Переходной администрации стал пуштун из племени попользаев Хамид Карзай, поддержанный государствами, входящими в воюющую на территории Афганистана международную коалицию.

Взросшее значение Северного альянса после отстранения от власти талибов породило опасения «отчуждения пуштунов» от процессов принятия политических решений. Несмотря на то, что по результатам Боннского процесса во главе страны встал пуштун, основные силовые министерства возглавили полевые командиры моджахедов, преимущественно таджики. Чтобы уравновесить этнический и ресурсный баланс в правительстве, пуштуны возглавили в основном министерства экономического блока⁵³.

Поддержкой США и иных государств-членов НАТО удалось заручиться и нынешнему президенту Афганистана Ашрафу Гани (по происхождению он пуштун-гильзай), который, в условиях функционирования «правлящего тандема» с таджиком Абдуллой Абдуллой преимущественно занимается связями с коллективным Западом. Так, в марте 2015 г. президент Гани прибыл в США с пятидневным визитом (как правило, длительность подобных визитов глав государств не превышает 1–2 дня), где обсуждал с президентом США Бараком Обамой будущее армейского контингента США в Афганистане⁵⁴. Также Ашраф Гани провел личную встречу с тогдашним министром обороны США Эштоном Картером. В научной

⁵³ Afghanistan: The Problem of Pashtun Alienation // International Crisis Group Asia Report. 5 August 2003. № 62.

⁵⁴ Гани произвел впечатление // Afghanistan.ru. URL: <http://afghanistan.ru/doc/83693.html>

литературе также можно встретить упоминание, что не последнюю роль западные страны сыграли также в формировании⁵⁵ и легитимизации сформированного в 2014 г. Правительства национального единства (ПНЕ): вовлечение его лидеров в различные международные мероприятия «не могло не оказать влияния на представителей внутренних политических сил, внимательно следивших за мнением внешних игроков»⁵⁶. По сути, речь здесь идет о том, что «политика вовлечения» представителей ПНЕ в международные дела на время приглушила голоса критиков афганского режима, ставящих под сомнение легитимность оформления и функционирования ПНЕ.

С преемником Барака Обамы на президентском посту Дональдом Трампом Ашраф Гани встречался гораздо реже, преимущественно на полях заседаний в международном формате. В основном личные контакты между ними осуществлялись в телефонных разговорах. Со стороны складывается впечатление, что и сам Трамп не очень стремился к установлению плотных контактов с президентом Афганистана. Возможно, здесь сыграла свою роль появившаяся в прессе во время президентской кампании 2016 г. в США информация об участии президента Гани в финансировании штаба Хиллари Клинтон, называлась сумма в 1,5 млн долларов США⁵⁷. Впрочем, такие сведения циркулировали в основном в иранских и небольших афганских СМИ, ни в одном серьезном издании, как в этих двух странах, так и в мире подобная информация не тира-

⁵⁵ Имеется в виду посредническая деятельность тогдашнего госсекретаря США Джона Керри, благодаря которой был найден такой выход из возникшего после президентских выборов 2014 года политического кризиса в Афганистане (прим. авт.).

⁵⁶ Дауров Р.Д., Нессар М.О., Окимбеков У.В. Афганистан: политика, экономика (2011–2019) / Отв. ред. В.Я. Белокреницкий. М.: ИВ РАН, 2020. С. 123.

⁵⁷ См. в частности: Афша-е комак-е мали-е Ашраф Гани ба сетад-е энтехабати-е Клинтон аз канал-е хонавадеги (Обнародование информации о финансовой помощи Ашрафа Гани предвыборному штабу Х. Клинтон по семейным каналам) // Аль-Вакт. URL: <https://goo.su/3EUo>; Комак-е мали-е Афганистан ба сетад-е энтехабати-е Хиллари Клинтон (Финансовая помощь Афганистана предвыборному штабу Хиллари Клинтон) // Fars News. URL: <https://goo.su/3euP>.

жировалась, а потому проверить ее достоверность затруднительно. Но, бесспорно, во время своего обучения и проживания в США⁵⁸ Ашраф Гани был близок к Демократической партии, а Трамп избрался от Республиканской.

За время президентского срока Дональда Трампа с 2016 по 2020 г. состоялись лишь две его встречи с Ашрафом Гани. Первая прошла в сентябре 2017 г. на полях заседания Генеральной Ассамблеи ООН и была посвящена обсуждению вопросов безопасности в стране на фоне принятия в США новой стратегии по Афганистану, в корне отличающейся от подходов администрации Барака Обамы и предусматривающей в первую очередь давление на Пакистан в целях оказания последним влияния на террористические движения в Афганистане, прежде всего, на ДТ⁵⁹. Вторая встреча состоялась в ноябре 2019 г. на базе ВВС НАТО в Баграме – президент Трамп прибыл туда для встречи с американскими военными, и переговоры с главой Афганистана не были основным событием его визита⁶⁰.

Афганский вектор внешней политики России существенно отличался от американского – после распада СССР на некоторое время контакты с Афганистаном практически полностью прекратились. В тот период на первый план в России вышли внутривнутриполитические вопросы, связанные с болезненным сломом советской системы и переходом к новой. Внешнеполитическая деятельность сводилась преимущественно к контактам с развитыми странами и не подразумевала большой активности в отношениях с развивающимися странами. С середины 1990-х годов Россия вновь обратилась

⁵⁸ Ашраф Гани окончил Колумбийский университет, затем преподавал в Калифорнийском университете в Беркли и в университете Джонса Хопкинса. Более подробно см. биографический очерк об А. Гани в разделе «Краткие биографии основных политических деятелей современного Афганистана» (прим. авт.).

⁵⁹ President Ghani Meets President Trump // President of Islamic Republic of Afghanistan (Official Page). URL: <https://president.gov.af/en/president-ghani-meets-president-trump/>

⁶⁰ Trump Visits Afghanistan, Says Taliban Want to Make Deal // Tolo News. URL: <https://tolonews.com/afghanistan/trump-visits-afghanistan-says-taliban-want-make-deal>

к афганской проблематике – набирало силу и захватывало провинцию за провинцией Движение талибов. В такой ситуации Россия поддержала наиболее боеспособное противостоящее им объединение – Северный альянс⁶¹. Талибы воспринимались как прямая угроза, которая могла не только принести идеи исламского фундаментализма в Центральную Азию, но и оказать поддержку чеченским боевикам: ДТ признало независимость Ичкерии и дало согласие на открытие ее постоянного представительства в Кабуле⁶². Можно спорить, насколько подобные опасения были оправданы, тем более принимая во внимание стремление талибов прийти к власти только в Афганистане, не выходя за пределы его границ. Но их деятельность рассматривалась как потенциальный спусковой крючок дестабилизации обстановки в Центральной Азии и на Северном Кавказе. В России существовала (и существует до сих пор) и серьезная обеспокоенность из-за наркотрафика из Афганистана.

К настоящему времени в российской политике на афганском направлении сформировалось сбалансированное и многовекторное сотрудничество с основными действующими лицами на афганской политической арене вне зависимости от их этнической принадлежности. Так, с 2001 г. Россия поддерживала деятельность кабульского правительства при обоих президентах⁶³, направленную на борьбу с терроризмом и наркотрафиком⁶⁴. Эти две темы являются основными в под-

⁶¹ Россия поддерживает войну против террористов и Северный Альянс, борющийся с талибами, заявляет Путин (Орфография и пунктуация заголовка сохранены – прим. авт.) // NewsRu.com. URL: https://www.newsru.com/russia/24sep2001/putin_onafgan.html

⁶² Россия и страны Востока в постбиполярный период: Учеб. пособие / Под ред. Д.В. Стрельцова. М.: Аспект Пресс, 2014. С. 126.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С.В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции по итогам переговоров с Министром иностранных дел Афганистана С. Раббани, Москва, 7 февраля 2017 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/ckNonkJE02Bw/content/id/2630440

ходах РФ. Параллельно поддерживаются вызывающие неоднозначную реакцию в афганском обществе контакты с талибами, которые, по словам российских официальных лиц, поддерживаются только в целях «обеспечения безопасности российских граждан и содействия мирному процессу в Афганистане»⁶⁵. Впрочем, контакты с талибами поддерживают все региональные и внерегиональные игроки, стремящиеся к активному участию в афганском мирном процессе – в частности, США, Китай, Узбекистан и Пакистан. Ограниченность ресурсов и нечеткость целеполагания (во главу угла ставится не реализация какой-либо долгосрочной стратегии, а реагирование на происходящие события) не позволяет России действовать активно в Афганистане. Во многом, поэтому Россия в настоящее время стремится к прагматичной политике на данном направлении и поддержанию рабочих политических контактов с основными игроками.

В подходе Саудовской Аравии можно найти схожие черты. В 1980-е годы на фоне советской кампании в Афганистане, Саудовская Аравия, взаимодействуя с моджахедами, отдавала предпочтение пуштунским командирам, разделяющим идеологию исламского фундаментализма – Гульбеддину Хекматъяру, Абдурахиму Вардаку, Абдуррасулу Сайяфу. Также Королевство, как уже отмечалось выше, было одним из трех государств, установившим дипломатические отношения с Исламским эмиратом Афганистан под руководством талибов. Но, пожалуй, корректнее было бы сказать, что для Саудовской Аравии приоритетную роль имел не этнический фактор, а конфессиональный, о котором речь пойдет в следующей главе. Поэтому утверждение, что Саудовская Аравия в Афганистане поддерживала только пуштунов, представляется неточным, и уже на примере событий в постталибском Афганистане можно найти примеры взаимодействия саудовцев, в частности, с таджиками.

⁶⁵ Александр Грушко: Контакты России с талибами проходят при участии афганского правительства // Afghanistan.ru. URL: <http://afghanistan.ru/doc/108715.html>

В октябре 2016 г. трехдневный визит в Королевство совершил Абдулла Абдулла, на тот момент занимавший должность Главного исполнительного лица Афганистана. Его сопровождал тогдашний губернатор провинции Балх Атта Мохаммад Нур, еще один заметный представитель афганских таджиков в политической системе страны. В данном контексте любопытную оценку визита дал эксперт Центра изучения современного Афганистана Андрей Серенко: «Обсуждение в ходе переговоров в Эр-Рияде возможности саудовских властей повлиять на местных шейхов, продолжающих оказывать финансовую помощь афганским талибам, можно расценивать как готовность сыграть на стороне непуштунских групп афганской элиты, заинтересованных в ослаблении Талибана и связанных с ним радикального пуштунского проекта»⁶⁶.

Как представляется, действительно, Абдулла Абдулла стремился заручиться поддержкой Саудовской Аравии, но не ради противодействия талибам, которые, к тому же не выступают сейчас под лозунгами пуштунского национализма. В их рядах есть и представители этнических меньшинств (особенно в северных провинциях страны), и акцент в их идеологии делается все же на религиозной теме. Более важным представляется наличие разногласий Абдуллы Абдуллы с президентом Афганистана и противоречий в самом Правительстве. К тому моменту Ашраф Гани довольно четко обозначил свою внутривластную линию, направленную на оттеснение от процессов принятия политических решений главного исполнительного лица. Шатким и непрочным оказалось положение Абдуллы и среди своих союзников, которые выступали с заявлениями о том, что поддержка его кандидатуры на выборах и работа в его команде были ошибкой. Абдулле изначально было непросто удержать свои позиции среди таджикской общины, где конкуренцию ему составляли более известные и авторитетные личности, как Атта

⁶⁶ Серенко А. Саудовская игра: Афганистан вступает в эпоху новых политических коалиций // Afghanistan.ru. URL: <http://afghanistan.ru/doc/103851.html>

Мохаммад Нур, Исмаил-Хан, Юнус Кануни и клан Масуда⁶⁷. В сентябре 2016 г. о прекращении поддержки Абдуллы заявил и ряд представителей узбекского и туркменского этносов, в частности, бывший министр шахт и горной промышленности Вахидулла Шахрани и бывший парламентарий Сардар Рахманоглу⁶⁸. В сложившейся ситуации поиск партнеров, в том числе и среди внешних игроков, был вполне естественным и логичным шагом для Абдуллы, который, впрочем, успехом не увенчался – к настоящему времени у него довольно узкая база сторонников внутри Афганистана, что вряд ли делает его подходящей фигурой для ставки внешних игроков.

В период пересчета голосов на президентских выборах 2019 г. Абдулла посетил иранское посольство и оставил запись в книге соболезнований по случаю гибели иранского генерала Касема Сулеймани в результате удара американского беспилотника в Ираке⁶⁹. Вероятно, этот шаг во многом обусловлен существенным изменением во внутривнутриполитических раскладах Афганистана: к тому моменту Абдулла Абдулла заявил о непризнании предварительных результатов президентских выборов, выразив намерение идти до конца и не соглашаться на статус проигравшего. Изменилось и его позиционирование в политической системе страны – если раньше он был ее частью, то с непризнанием результатов выборов и попытками (пока, впрочем, неудачными) создать подчиняющиеся ему органы власти, Абдулла утратил аффилиацию с правительством Гани до заключения в мае 2020 г. нового соглашения с Ашрафом Гани, согласно которому

⁶⁷ Ата Мохаммад Нур ба хатер-е поштибани аз Абдулла Абдулла маазаратхохи кард (Ата Мохаммад Нур высказал сожаления о своей поддержке Абдуллы Абдуллы) // Ariana news. URL: <https://goo.su/3eUu>

⁶⁸ Report № 285. Afghanistan: The Future of The National Unity Government // International Crisis Group. URL: <https://www.crisisgroup.org/asia/south-asia/afghanistan/285-afghanistan-future-national-unity-government>

⁶⁹ US Was “Afraid” of Soleimani: Iran Envoy // Tolo News. URL: <https://tolonews.com/afghanistan/us-was-%E2%80%98afraid%E2%80%99-soleimani-iran-envoy>

возглавил Высший совет по национальному примирению. В таких условиях Иран выглядел естественным партнером команды Абдуллы в регионе, который, к тому же скептически смотрит на военное присутствие США в соседней стране и на кабульское правительство Гани. Дополнительным фактором, побудившим Абдуллу обратить внимание на взаимодействие с Ираном, могли быть сформировавшиеся еще в XX веке отношения ИРИ с Северным альянсом, выходящем из которого Абдулла и является. Однако пока сложно оценить, вырастет ли на этой почве какое-либо долгосрочное его сотрудничество с иранской стороной и сумеет ли он извлечь из этого какую-либо пользу.

Появились сведения и об обострении отношений Ирана с Афганистаном после объявления результатов последних президентских выборов 2019 г., что привело к высылке из Афганистана двух иранских дипломатов. Напряженность между двумя странами вновь проявилась в сфере безопасности, ряд оппозиционно настроенных по отношению к иранским властям персоязычных изданий писал, что поводом стали обвинения в шпионаже⁷⁰. Российский эксперт А. Серенко со ссылкой на источники в Афганистане сообщил о провокационном поведении высланных дипломатов, призывах начать войну против США после гибели иранского генерала Касема Сулеймани, а также о попытках повлиять на исход президентских выборов в пользу Абдуллы Абдуллы⁷¹. Если эта информация правдива, то логика поведения Абдуллы Абдуллы и его взаимодействие с иранской сто-

⁷⁰ См., в частности: Ду карманд-е сефарат-е Иран дар Афганистан ба далил-е джа-суси эхрадж шоданд (Два сотрудника посольства Ирана в Афганистане высланы из страны за шпионаж) // Iran International. URL: <https://goo.su/3eUV>; Ду дипломат-е ирани дар Кабул ба далоел-е фаалият-и эстехбарати ва озвият дар Сепак эхрадж шоданд (Два иранских дипломата в Кабуле высланы из-за их разведывательной деятельности и принадлежности к КСИР) // Iran International. URL: <https://goo.su/3EuV>

⁷¹ Серенко А. Кабул сократил штат иранского посольства // Независимая газета. URL: http://www.ng.ru/world/2020-03-20/100_afghanistan200320.html

роной становятся более или менее объяснимы. В пользу корректности такой информации говорит осторожность иранской стороны в признании результатов выборов – представители ИРИ не присутствовали на церемонии принесения присяги Ашрафом Гани.

Демонстративное принесение присяги Абдуллой в качестве самопровозглашенного президента в 2020 г. во многом основывалось на партнерстве с одним из лидеров хазарейской общины Афганистана Мохаммадом Мохаккиком и совпадении интересов с оказавшимся в оппозиции Ашрафу Гани бывшим первым вице-президентом Абдуррашидом Дустумом. Вопрос о формировании им параллельного правительства и его реальном функционировании остался открытым: сформировать эти органы ни де-факто, ни де-юре Абдулла был в состоянии, сложно было представить, чтобы они получили реальную власть. Тем более, американская сторона выступила категорически против формирования параллельных органов власти в стране, и здесь их поддержка не на стороне Абдуллы. Впрочем, после заключения соглашения о новой конфигурации политической системы между вновь избранным президентом Гани и Абдуллой, этот вопрос утратил актуальность.

Также можно предположить, что взаимодействие с таджикским меньшинством может рассматриваться в Саудовской Аравии как антииранский шаг, предпринимаемый на фоне резкого ухудшения в начале 2016 г. двусторонних отношений Королевства с Ираном и разрыва дипломатических отношений. В понимании саудовского руководства, Иран стремится выстроить «пояс безопасности» из лояльных ему государств и/или этнорелигиозных меньшинств (ставка делается на исповедующих шиитский ислам имамитского толка). Такой подход подкрепляется квазинаучным мышлением в духе классической геополитики, где во главу угла ставится контроль над территорией. Проще говоря, правящие круги Саудовской Аравии воспринимают персоязычный Афгани-

стан как еще одно «поле битвы» с Ираном. С учетом того, что афганские таджики близки к Ирану с культурно-языковой точки зрения, в глазах руководства Саудовской Аравии они могут рассматриваться как потенциальные союзники или сторонники Ирана в регионе⁷².

После обострения в начале 2016 г. конфликт удалось постепенно погасить, однако отношения двух стран все равно задаются негативным восприятием друг друга – сложившиеся образы обладают большой силой инерции и с трудом вытесняются поиском точек соприкосновения и каким-либо содержательным наполнением сотрудничества. Как показали события сентября 2019 г., когда нефтяные объекты саудовской компании Saudi Aramco были атакованы беспилотниками, а ответственность за атаку взяли на себя йеменские повстанцы-хуситы, пользующиеся поддержкой Ирана, вероятность эскалации все равно сохраняется.

Безусловно, во многом такие подходы надуманны и являются хорошим примером реализации на практике теоремы Томаса: «если действие мыслится реальным, оно реально по своим последствиям». Но логика противостояния все же является доминирующей в ирано-саудовских отношениях.

В этническом составе Афганистана присутствуют и тюркские народы – узбеки, туркмены; тюркские корни в сочетании с иранскими и даже монгольскими имеют и хазарейцы. Этот фактор обуславливает наличие интереса к Афганистану со стороны Турции, где политической элитой периодически эксплуатируются пантюркистские лозунги, в особенности с приходом к власти в 2002 г. Партии справедливости и развития. Впрочем, и Турция в своей политике не ограничивается приоритетным сотрудничеством лишь с тюркскими этносами и их лидерами (к примеру, один из лидеров узбекской общины Афганистана генерал Абдуррашид Дустум неоднократно посещал Турцию), что констатируют и неко-

⁷² Россия и страны Востока в постбиполярный период: Учеб. пособие / Под ред. Д.В. Стрельцова. С. 130.

торые ученые-тюркологи, фиксируя укреплений отношений Турции и с пуштунами⁷³.

Такой подход соответствует основным положениям внешней политики Турции в отношении Афганистана, перечисленным на официальном сайте Министерства иностранных дел страны: «поддержание целостности Афганистана, обеспечение безопасности и стабильности в стране, ликвидация террористической угрозы и содействие формированию устойчивой политической структуры на основе народного представительства»⁷⁴. Реализация подобных положений невозможна без поддержания отношений с кабульским правительством, в котором основную роль играют все же пуштуны.

Заслуживает внимания также факт продвижения классического для Турции способа проведения своей внешней политики в постбиполярный период международных отношений, а именно – развития образовательных структур. Так, Турция ежегодно выделяет квоты на льготное или бюджетное обучение в турецких университетах афганских студентов (до 180 человек)⁷⁵, после 2001 г. в Афганистане были открыты 12 афгано-турецких школ, из которых до строительства школы в провинции Фарьяб в 2017 г. только одна находилась в зоне преимущественного расселения тюркских этносов Афганистана – в провинции Балх, где большая часть населения приходится на узбеков и туркмен. По решению президента Афганистана Ашрафа Гани управление этими школами было передано правительству Турции, которое после попытки государственного переворота в 2016 г. сделало соответствующий запрос афганским властям, мотивируя это нахождением

⁷³ См., в частности: Иванова И.И. Турция и Афганистан // Афганистан-2010. Политические и экономические реалии современного Афганистана в условиях геостратегической экспансии Запада, М., ИВ РАН, 2010. С. 185.

⁷⁴ Turkey-Afghanistan Bilateral Political Relations // Republic of Turkey, Ministry of Foreign Affairs. URL: http://www.mfa.gov.tr/turkey_afghanistan-bilateral-political-relations.en.mfa

⁷⁵ Торкея дар Афганистан чи миконад? (Что хочет Турция в Афганистане?) // Entekhab.ir. URL: <https://goo.su/3EUz>

данных школ в ведении движения «Хизмет», основывающегося на идеях Фетхуллаха Гюлена, который находится в оппозиции правящему режиму в Турции⁷⁶.

На этом история «гюленовских» школ в Афганистане не закончилась. В декабре 2017 г. появились сведения о задержании четырех преподавателей афгано-турецкой школы для девочек в Кабуле силами безопасности Афганистана. Задержанные подозревались в связях с движением «Хизмет», однако информация о том, что их арест был произведен по запросу турецкой стороны, отсутствует⁷⁷. В пользу того, что афганские спецслужбы действовали без запроса турецкой стороны, говорит тот факт, что впоследствии они были освобождены. В начале 2018 г. Турция направила в этих школы 120 новых учителей, а процесс передачи зданий и инфраструктуры под управление Министерства национального образования Турции завершился только летом 2019 г. При этом, по некоторым данным, в ряде случаев не обошлось без применения силы против несогласных с подобной политикой учителей и даже учеников данных школ⁷⁸.

Но в целом внешнеполитическая линия Турции также не подразумевает поддержку какой-либо одной этнической группы в Афганистане, равно как и ни одна из последних не ориентируется исключительно на Турцию как внеш-

⁷⁶ Мактабхо-е афган-торк тахт-е эдара-е давлат-е Торкея фаалият хоханд кард (Афгано-турецкие школы будут работать под управлением правительства Турции) // Tolo News. URL: <https://goo.su/3ev0>

⁷⁷ Чахар тан аз моаллемин-е мактаб-е афган-торк вабеста ба горух-е террористи-е Гюлен дар Кабул боздошт шоданд (В Кабуле задержаны четыре учителя афгано-турецкой школы, связанные с террористической группой Ф. Гюлена) // TRT Dari. URL: <https://www.trt.net.tr/dari/trkhyh/2017/12/14/chhrtn-zm-lmyn-mkhtb-fgn-trkh-wbsth-bh-grwh-trwrysty-gwln-drkhbl-bzdsht-shdnd-868218>

⁷⁸ См., в частности: Торкея бара-е макатеб-е афган-торк 120 амугар-е джадид ферестад (Турция направила 120 новых учителей в афгано-турецкие школы) // BBC Farsi. URL: <https://www.bbc.com/persian/afghanistan-43531587>; Энтекал-е модирреят-е макатеб-е афган-торк дар Афганистан ба боньяд-е моареф-е Торкея паян ёфт (Завершилась передача управления афгано-турецкими школами в Афганистане турецкому Фонду просвещения) // BBC Farsi. URL: <https://www.bbc.com/persian/afghanistan-48878944>.

него партнера. Как представляется, в Турции осознают свое положение потенциально привлекательного для Афганистана актора – мусульманского государства и незаинтересованного внешнего игрока. Однако в деле внутриафганского урегулирования Турция к настоящему моменту утратила одну из ведущих ролей. В 2007 г. турецкая сторона запустила трехсторонний консультационный механизм Турция-Афганистан-Пакистан, а в 2011 г. ею был инициирован «Стамбульский процесс», который в перспективе мог бы стать подходящей переговорной площадкой для обсуждения различных аспектов афганского кризиса⁷⁹. Однако эти форматы не привели к каким-либо существенным подвижкам по афганской проблематике, трехсторонний формат и вовсе был свернут в 2014 г., и сейчас профиль Турции на афганском направлении понизился. Вряд ли Турция полностью отстранится от афганского урегулирования, но среди когорты внешних акторов в краткосрочной перспективе будет только «одним из», ее претензии на какую-либо лидирующую роль пока не просматриваются.

1.2. Разделенность пуштунского этноса Линией Дюранда и ее влияние на отношения Афганистана с Пакистаном

Факт несовпадения границ Афганистана с границами проживания того или иного этноса и мозаичная этническая структура страны порождают одну из основных проблем в отношении Афганистана с его странами-соседями. Такая ситуация приводит к возникновению проблемы этносов, части которых проживают на территории нескольких государств, но при этом объединены одним языком (что естественно для этноса), в некоторых случаях и общей идентичностью.

⁷⁹ Умаров А.А. Политика Турции в Афганистане // Азия и Африка сегодня. 2017. № 7. С. 53.

В афганских реалиях этот фактор особенно заметен на примере пуштунского этноса, проживающего на территории Афганистана и Пакистана, и разделенного проведенной еще в 1893 году т. н. Линией Дюранда, де-факто ставшей границей Афганистана с Британской Индией по договору между афганским эмиром Абдуррахманом и британским дипломатом Мортимером Дюрандом. После распада Британской Индии Линия Дюранда стала государственной границей между Афганистаном и Пакистаном.

Своего рода предтечей договора 1893 г. о границе между Афганистаном и Британской Индией стал заключенный в 1879 г. во время Второй Англо-афганской войны Гандамакский договор, согласно которому Афганистан утратил право на проведение самостоятельной внешней политики и контроль над территорией Куррама, Сиби и Пишина (нынешняя территория Пакистана). Договор 1893 г. был призван лишь зафиксировать новое положение границы.

Как было указано в статье 4 договора между эмиром Абдуррахманом и М. Дюрандом, делимитация и демаркация границы должна быть осуществлена специальными объединенными афгано-британскими комиссиями⁸⁰, деятельность которых завершилась к 1896 г. В то же время делимитации подверглись не все участки Линии Дюранда – к примеру, участок от пика Сиракам до прохода Нава, где проживало пуштунское племя момандов, в договоре 1893 г. не упоминался вовсе. Лишь в 1921 г. после подписания англо-афганского договора, подтверждающего провозглашенную двумя годами ранее независимость Афганистана, была проведена делимитация и демаркация этого участка границы.

В афганской публицистике широко распространено утверждение, что Линия Дюранда никогда не признавалась

⁸⁰ Sultan-I-Rom Dr. The Durand Line Agreement (1893): – Its Pros and Con // Valley Swat. Vol. 1, 2004. URL: http://www.valleyswat.net/literature/papers/The_Durand_Line_Agreement.pdf

афганскими властями в качестве легитимной границы с Британской Индией, а затем и с Пакистаном. Однако для данной точки зрения характерно весьма вольное обращение с историческими фактами – после подписания соглашения 1893 г. Линия Дюранда признавалась в качестве южной границы Афганистана в двустороннем договоре с Великобританией, который подписал сын Абдуррахмана эмир Хабибулла⁸¹. Более того, признание Линии Дюранда содержалось и в статье 5 Равалпиндского мирного договора с Великобританией, который завершил Третью англо-афганскую войну⁸²; в уже упомянутом англо-афганском договоре 1921 г. официальное признание было подтверждено⁸³.

Категорическое непризнание Линии Дюранда в качестве законной южной границы Афганистана впервые было озвучено только в 1949 г. в ходе сессии афганского Парламента, в это же время соглашение об установлении Линии Дюранда и иные соглашения Афганистана с Британской Индией были денонсированы⁸⁴. С этого момента афганская сторона последовательно занимала позицию непризнания Линии Дюранда как южной границы страны, что серьезно осложняет двусторонние отношения с Пакистаном⁸⁵. Исключение было только одно – положения Женевских соглашений 1988 г., заключенных Афганистаном и Пакистаном при участии СССР и США в качестве гарантов, можно трактовать как имплицитное признание спорной границы. В тексте двустороннего соглашения о принципах взаимоотношений между Афганистаном и Пакистаном говорится об уважении сторонами суверенитета и территориальной целостности друг друга, отказе от наруше-

⁸¹ Белокреницкий В.Я. Пакистан, Южная Азия, исламский мир, Восток. С. 312.

⁸² Коргун В.Г. История Афганистана. XX век. М.: ИВ РАН, 2004. С. 63.

⁸³ Там же. С. 73.

⁸⁴ Ая хич замамдари «Дюранд» ра ба расмият нашенхта аст? (Неужели ни один правитель [Афганистана] не признавал Линию Дюранда?) // Mandegar Daily. URL: <https://goo.su/3Fqb>

⁸⁵ Белокреницкий В.Я. Пакистан, Южная Азия, исламский мир, Восток. С. 312.

ния границ другой стороны⁸⁶. В постталибском Афганистане дискуссия по поводу южной границы возобновилась. При этом конфликт, по сути, существует только с одной стороны – Афганистан выступает ревизионистской стороной, тогда как для Пакистан придерживается позиции статуса-кво, в его понимании проблемы не существует в принципе.

В Афганистане проблема Линии Дюранда воспринимается очень болезненно – сказывается багаж исторически сложных отношений с Пакистаном вкупе с разделением границ пуштунских племен и территориальным вопросом. В афганской прессе, особенно в националистически настроенных изданиях, а подчас даже в работах местных деятелей науки можно встретить словосочетание «навязанная граница» (مرز تحمیلی)⁸⁷. Говорится даже и о том, как британцы якобы обманули эмира Абдулрахмана – при подписании соглашения он получил только один экземпляр на английском языке, которым не владел⁸⁸. Подобная риторика лежала и в основе аргументации недействительности данного соглашения для афганской стороны наряду с тезисом об утрате договором юридической силы в связи с прекращением существования одной из сторон (т. е. Британской Индии). В публицистике часто встречается утверждение, якобы соглашение 1893 г. было заключено сроком на сто лет, однако этот тезис неверен – в тексте договора никаких сроков длительности не предусмотрено.

⁸⁶ Key Sections of Accords on Afghanistan as Signed In Geneva // Daneshnoma-e Aryana. URL: <https://www.nytimes.com/1988/04/15/world/key-sections-of-accords-on-afghanistan-as-signed-in-geneva.html>

⁸⁷ Хатт-е Дюранд (Линия Дюранда) // Данешнама-е Ариана (Энциклопедия «Ариана»). URL: http://database-aryana-encyclopaedia.blogspot.ru/2008/10/blog-post_6977.html

⁸⁸ Тем не менее в мемуарах Абдулрахмана, записанных с его слов, не упоминается ничего, что было бы связано с принуждением или обманом при подписании указанного соглашения (прим. авт.). См., в частности: The Life of Abdur Rahman, Amir of Afghanistan / Ed. by Mir Munshi Sultan Mahomed Khan. Vol. 2. London: John Murray, 1900. P. 154–164.

Впрочем, в восприятии проживающих в приграничных районах афганцев никаких линий разграничения не существует – на большей ее части граница абсолютно прозрачна и свободно пересекается местными жителями-пуштунами, а порой и контрабандистами, наркоторговцами и участниками террористических формирований. Попытки Пакистана укрепить границу больших результатов пока не принесли.

Проблема Линии Дюранда, учитывая сложные, подчас откровенно враждебные отношения Афганистана и Пакистана, и проживание представителей пуштунского этноса на территории обеих стран, до сих пор остается осложняющим фактором в их двусторонних отношениях. Показательны здесь приведенные ниже высказывания двух афганских президентов после 2001 г. – Хамида Карзая и Ашрафа Гани (оба – пуштуны) по вопросу Линии Дюранда. Они демонстрируют актуальность данной проблемы для Афганистана и присутствие этой весьма болезненной темы на повестке дня.

В первое десятилетие своего правления президент Карзай придерживался весьма осторожной политики и риторики в отношении Пакистана, делал акцент на потенциальном сотрудничестве стран в борьбе против терроризма. Более жесткая риторика в отношении ИРП проявилась у Карзая ближе к окончанию президентских полномочий – к тому моменту его политическая линия заметно сместилась в сторону умеренного пуштунского национализма. Так, уже после завершения двух своих президентских каденций в 2016 г. Хамид Карзай в ходе пресс-конференции заявил, что «Линия Дюранда <...> принесла немало страданий афганскому народу и народностям, живущим по обе ее стороны. Когда Линия Дюранда была навязана Афганистану, Пакистана еще не существовало; потому мы не упрекаем правительство Пакистана, но, учитывая то, что он является преемником британской [колониальной] администрации, мы настаиваем, что Пакистан должен знать и понимать: непризнание Афганистаном Линии Дюранда не является недружественным

жестом против Пакистана, поскольку Афганистан с первого дня своего существования не признавал Линию Дюранда»⁸⁹. Еще раньше, во времена своего президентства, Карзай прямо заявил: «Афганистан никогда не признавал Линию Дюранда и не признает»⁹⁰, тогда фоном для этого высказывания стали столкновения афганских и пакистанских пограничников в провинции Нангархар.

Его преемник Ашраф Гани придерживался более осторожной линии в высказываниях по этому вопросу. Через год после вступления на пост президента он лишь отметил в интервью, что «никогда не обсуждал с пакистанской стороной проблематику Линии Дюранда». По его мнению, «данный вопрос должна рассматривать Лойя Джирга, а не президент»⁹¹. Однако при этом президент Гани резко негативно отзывался о Пакистане в целом: «Пакистан давно ведет против Афганистана необъявленную войну»⁹². Подобная риторика Ашрафа Гани на начальном этапе его президентского срока объяснялась достаточно миролюбивым подходом к Пакистану, что вписывалось в концепцию Гани о приоритетности налаживания устойчивых связей со странами-соседями. Второй президент Афганистана поначалу отказался от характерной для афганцев жесткой риторики в отношении Пакистана, вернувшись к ней лишь в середине своего президентского срока на фоне критики подходов к Пакистану со стороны ряда представителей афганской элиты и в усло-

⁸⁹ Карзай: ба расмият нашенхатан-е Хатт-е Дюранд ба маани-е душмани бо Пакистан нист (Х. Карзай: непризнание Линии Дюранда не означает вражды с Пакистаном) // Istaqlal.com. URL: <http://istaqlal.com/?p=18600>

⁹⁰ Карзай: Хат-е марзи-е Дюранд ра хич вақт ба расмият намешиносим (Х. Карзай: пограничную Линию Дюранда никогда не признаем) // BBC Persian. URL: http://www.bbc.com/persian/afghanistan/2013/05/130504_k02-karzai-pakistan

⁹¹ Ашраф Гани: бо Пакистан дар мовред-е Хатт-е Дюранд бахс накардам (Ашраф Гани: вопрос Линии Дюранда с Пакистаном я не обсуждал) // Etilaatroz.com. URL: <http://www.etalatroz.com/21455>

⁹² Ашраф Гани: ба джо-е Талибан бояд бо Пакистан мозакере шавад (Ашраф Гани: вместо Движения талибов необходимо вести переговоры с Пакистаном) // Middle East Press. URL: <https://goo.su/3fqG>

виях весьма скромных результатов, достигнутых его правительством, и фактического отсутствия позитивных изменений в происходящих в стране процессах.

Фактором ухудшения двусторонних отношений Афганистана и Пакистана также является и упомянутая выше проблема свободного перемещения боевиков террористических организаций (прежде всего, Движения талибов) через границу и создание сети тренировочных лагерей, баз и опорных пунктов в приграничных районах. Основная масса боевиков ДТ и близкой к ним организации «Сеть Хаккани» – этнические пуштуны, которые Линию Дюранда не признают и попросту игнорируют. К тому же относительная прозрачность границы и возможность террористов укрываться среди пуштунского населения приграничных районов делает практически невозможным эффективное их преследование в этих районах. Подобная ситуация порождает и различного рода инциденты, не способствующие сближению двух стран – например, в феврале 2017 г. Вооруженные силы Пакистана нанесли несколько ракетных ударов по территории Афганистана, мотивировав это необходимостью уничтожения лагерей террористов. В ответ Афганистан охарактеризовал пакистанские обстрелы как «акт агрессии»⁹³.

Вопрос положения пуштунов в самом Пакистане – довольно широкая тема для дискуссии, здесь стоит лишь в общих чертах обрисовать их статус. Как отмечает пакистанский ученый Г. Маджид, «Пуштуны не создали существенных проблем для целостности Пакистана <...>, поскольку были более состоятельными и оказались лучше интегрированы в экономические и властные структуры Пакистана»⁹⁴. Здесь же стоит отметить определенные охранительные тен-

⁹³ Kugelman M. Danger on Durand Line. Tensions Rise Between Afghanistan and Pakistan // Foreign Affairs. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/afghanistan/2017-03-02/danger-durand-line>

⁹⁴ Majeed G. Ethnicity and Ethnic Conflict in Pakistan // Journal of Political Studies. Vol. 1. Issue 2. P. 59.

денции в политике Пакистана по отношению к пуштунскому меньшинству, спровоцированные, по всей видимости, именно притоком беженцев в сочетании с нестабильной обстановкой на северо-западе страны в первом десятилетии XXI в. Так, в феврале 2017 г. пакистанская газета «The Nation» сообщила о распространении полицией штата Пенджаб среди своих сотрудников инструкции, в которой говорится о необходимости вести тщательное наблюдение за этническими пуштунами как за потенциальными носителями террористической угрозы. В этой же публикации утверждается, что «каждый всплеск деятельности пенджабской полиции против терроризма на деле означает заключение под стражу большого числа пуштунов»⁹⁵. Принимая во внимание высокий уровень террористической опасности в Пакистане и прозрачность пакистано-афганской границы, можно предположить, что подобная политическая линия сохранится в Пакистане и в дальнейшем. В то же время это не отменяет вовлеченности пуштунов в систему государственных органов Пакистана – широкое их представительство наблюдается в вооруженных силах, иногда им удается даже занять и высшие руководящие посты в стране – так, к примеру, нынешний премьер-министр Пакистана Имран Хан является этническим пуштуном.

Впрочем, Линию Дюранда правомерно рассматривать еще и как объединительную силу в масштабах Афганистана – во-первых, эта карта разыгрывается заинтересованными кругами (в основном пуштунскими националистами, в некоторых случаях и государством) как инструмент сплочения населения против «внешнего врага», а во-вторых, обладает существенной значимостью для пуштунов, выступая в некоторой степени подпиткой для пуштунского национализма в Афганистане, который во главу угла ставит не государственные границы (тем более «навязанные»), а общее этническое происхождение. Эти два вопроса превратились в устойчивый и живучий полити-

⁹⁵ Pashtun Profiling // The Nation. URL: <http://nation.com.pk/columns/25-Feb-2017/pashtun-profiling>

ко-пропагандистский миф, эксплуатирующий сюжеты «национального унижения» и обладающий к тому же еще и долей сакрализованности. Отсылка к внешнему врагу заодно позволяет хотя бы частично вынести вовне ответственность за происходящее в стране. В афганском обществе любой, кто заведет разговор о возможности признания Линии Дюранда в качестве законного участка государственной границы, рискует прослыть врагом (دشمن) или, что еще хуже, предателем (خائن), и подвергнуться остракизму⁹⁶. Поэтому от любого афганского политика, тем более пуштуна, ожидать признания Линии Дюранда не приходится, это автоматически означало бы конец политической карьеры.

Учитывая разные подходы двух стран к территориальному вопросу, на внешнеполитический уровень подчас выплескивается проблема т.н. Пуштунистана, корнями также уходящая к временам подписания договора о проведении границы между Афганистаном и Британской Индией. Под Пуштунистаном в афганском дискурсе, как правило, понимаются территории Пакистана, населенные пуштунами. В ряде источников территория Пуштунистана расширяется и до Аравийского моря, охватывая и территорию пакистанской провинции Белуджистан. Этот вопрос не является основной линией афганской внешней политики, но сохраняет свое фоновое значение в отношениях ИРА и ИРП, в особенности, если речь идет о политике Пакистана в отношении пуштунского меньшинства. В Афганистане тематика Пуштунистана

⁹⁶ Это, впрочем, не означает, что по вопросу южной границы Афганистана в обществе существует стопроцентный консенсус, равно как и не означает отсутствия в ИРА пропакистанских элементов. Встречаются и точки зрения, альтернативные существующему в Афганистане нарративу, хотя они находятся в явном меньшинстве. Например, такая точка зрения изложена в монографии афганского автора Гуляма Мохаммада Мохаммади, собравшего аргументы в пользу признания Линии Дюранда в качестве законной границы Афганистана. При этом автор не занимает пропакистанскую позицию, вполне традиционно для афганского дискурса возлагая на ИРП ответственность за нынешние проблемы страны (*прим. авт.*).

См.: Мохаммади Г.М. Барреси-е тарихи-е Хатт-е Дюранд (Историческое исследование Линии Дюранда). 2010.

также главным образом поддерживается пуштунскими националистами, т. е. проецируется в основном на низовом уровне, власти страны придерживаются очень аккуратной позиции по данному вопросу⁹⁷.

Радикальную позицию националистов по тематике Пуштунистана в концентрированном виде изложил в 2013 г. отставной генерал Вахид Таккат (этнический пуштун), выступавший экспертом на телевизионном ток-шоу. По его словам, «во-первых, афганец – значит «пуштун», и пуштун – значит «афганец»; во-вторых, Афганистан также может называться Пуштунистаном, поскольку большинство его граждан – пуштуны; в-третьих, афганская идентичность – пуштунская; в-четвертых, те, кто не хочет называться афганцами, должны уехать в свои страны происхождения»⁹⁸. Последняя ремарка относилась к национальным меньшинствам Афганистана. Несмотря на внутривнутриполитическую направленность данного заявления и отсутствия упоминания в нем проблемы пакистанских пуштунов, ситуация потребовала публичной реакции президента Карзая. Таккат был арестован и отпущен лишь после принесения публичных извинений⁹⁹. Такие радикальные взгляды, впрочем, остаются маргинальными в Афганистане и не привели к каким-либо заметным политическим практикам с подобной повесткой.

Впрочем, и президенты Афганистана не воздерживаются от контактов с представителями пакистанских пуштунов. Так, в частности, Хамид Карзай неоднократно встречался с лидером пакистанской «Awami National Party» Исфахьяром Вали Ханом, внуком известного пуштунского политического деятеля и соратника Махатмы Ганди Абдул Гаффара Хана. В период президентства Ашрафа Гани примером подоб-

⁹⁷ Munoz A.G. Pashtun Tribalism and Ethnic Nationalism. Tribal Analysis Center, 2010. P. 10–11.

⁹⁸ Rahi A. Afghanistan's Growing Ethnic and Linguistic Divides // OSCE Academy, Central Asia Security Policy Briefs. № 22. Bishkek, February 2015. P. 13.

⁹⁹ Ibid. P. 13–14.

ных действий со стороны афганского правительства может служить реакция на задержание в январе 2020 г. молодого пакистанского активиста Манзура Паштина – лидера «Движения в защиту пуштунов», которое выступает за соблюдение их прав в Пакистане. Президент Гани выступил в его поддержку, написав в «Твиттере»: «Я обеспокоен арестом Манзура Паштина и его коллег. Полностью разделяю опасения «Amnesty International» по этому поводу и надеюсь на их немедленное освобождение. В то время, как наш регион страдает от зверств экстремизма и терроризма, правительства стран региона должны поддерживать и поощрять мирные гражданские движения за справедливость и избегать любого применения силы против них»¹⁰⁰. С осуждением действий пакистанских властей выступил и Хамид Карзай.

Отношения Афганистана и Пакистана по поводу Линии Дюранда на современном этапе находится в тупиковом состоянии, равно как и двусторонние отношения в целом. Афганский официоз постоянно обвиняет Пакистан в стремлении к дестабилизации ситуации в Афганистане ради достижения собственных целей. О том, что Пакистан сам не является образцом политической и экономической стабильности, а потому, напротив, заинтересован в стабилизации региона во избежание цепной реакции, афганские элиты предпочитают умалчивать. Концепт «стратегической глубины», который в ряде афганских источников трактуется едва ли не как готовность Пакистана к аннексии Афганистана, по существу, означает обеспечение для пакистанской стороны нейтралитета ИРА в случае гипотетического военного конфликта с Индией.

Так или иначе, сложившаяся ситуация обуславливает обращение Афганистана именно к Индии как к потенциаль-

¹⁰⁰ Ashraf Ghani (Official Page) // Twitter. URL: <https://twitter.com/ashrafghani/status/1221781369887580160>; <https://twitter.com/ashrafghani/status/1221781373066928128>

ному противовесу Пакистану в регионе, открывая возможности для развития экономических и политических связей двух стран, но при этом только подпитывая конфликтные отношения с Пакистаном. Индия же демонстрирует прагматичный подход к отношениям с Афганистаном, дистанцируясь от наиболее болезненных или сложных вопросов в запутанном клубке интересов региональных акторов. В части, касающейся проблемы Линии Дюранда, Индия воздерживается от явной поддержки какой-либо из сторон, и это даже порождает среди пуштунов Афганистана мнения, что индийская сторона поступает несправедливо по отношению к ним¹⁰¹.

С учетом сложившейся ситуации в регионе потенциальными точками сближения Афганистана и Пакистана остаются разве что крупные торгово-экономические проекты (к примеру, проект газопровода ТАПИ из Туркменистана в Индию через Афганистан и Пакистан или региональный проект электроснабжения CASA-1000, охватывающий Кыргызстан, Таджикистан, Афганистан и Пакистан), однако возможность их реализации пока остается крайне малой из-за нестабильной внутривнутриполитической обстановки в обеих странах и невозможности обеспечить необходимый уровень их охраны от возможных нападений террористов.

Поэтому вариант развития событий, когда одна из сторон по вопросу Линии Дюранда пойдет на уступки или хотя бы на диалог, практически невероятен. В обеих странах политические элиты являются заложниками общественного мнения и нестабильной внутривнутриполитической обстановки. Афганская сторона не согласится на диалог из-за опасений столкнуться с обвинениями в предательстве, для пакистанской элиты вопрос закрыт, а дальнейшие переговоры могут сыграть на руку сторонникам сепаратизма внутри страны. Поэтому наиболее реальным вариантом развития событий между двумя странами по поводу Линии Дюранда, по-види-

¹⁰¹ Krishnamurthy R. India's Afghanistan Policy and Perceptions // India in South Asia. Challenges and Management / Ed. by Ranjan A. Springer, 2019. P. 4.

тому, будет сохранение статус-кво с взаимными обвинениями и спорадическими попытками сторон укрепить границу, чтобы противодействовать свободному передвижению террористов и наркоторговцев.

1.3. Влияние этнического фактора на двусторонние отношения Афганистана с Таджикистаном, Узбекистаном и Туркменистаном

Среди этносов Афганистана не только пуштуны проживают на территории других государств, но также таджики, узбеки и туркмены. Последние являются этническими меньшинствами в стране, однако весьма активно принимают участие в деятельности государственных органов Афганистана, стремятся расширить свое представительство в них и оппонируют доминированию пуштунов в политической системе. Пожалуй, только туркмены из этих трех этносов занимают пассивную политическую позицию, не имеют сильных лидеров общины и широкого представительства в государственных органах страны.

Внушительным представительством на внутриафганской политической арене обладают таджики, среди которых выделяются действующий глава исполнительной власти Абдулла Абдулла, бывший губернатор провинции Балх Атта Мохаммад Нур, один из «культовых» полевых командиров моджахедов и многолетний губернатор Герата Исмаил-хан (Туран Исмаил) и выходцы из клана Ахмад Шаха Масуда, еще одного известного полевого командира.

Представительство узбеков в политической системе Афганистана канализируется через фигуру бывшего в 2014–2019 гг. первым вице-президентом страны Абдуллаха Дустума, однако череда скандалов и обвинений, выдвинутых против него в последние 2 года, и самоустранение Дустума от исполнений обязанностей первого вице-президента

серьезно пошатнули его позиции в политической системе страны. Дустум перешел в оппозицию президенту Гани после его переизбрания на второй президентский срок и по-прежнему сохраняет лидерство среди узбекской общины Афганистана, однако в обозримом будущем не исключено появление в ней альтернативных лидеров.

Этнические меньшинства в стране не могут оставаться в стороне от происходящих политико-экономических процессов, учитывая тот факт, что, как уже отмечалось выше, по некоторым подсчетам, их совокупная численность уже превысила численность пуштунов.

Несмотря на долгий опыт проживания в соседних провинциях севера Афганистана, между афганскими узбеками и таджиками периодически происходят столкновения, в основном на бытовом уровне¹⁰². Если не брать в расчет бытовые представления о другом этносе как о «чужом» (а на севере страны влияние пуштунов ограничено, их ареал расселения сводится к сформировавшимся еще в начале XX в. анклавам проживания), то, как представляется, в основе конфликтных отношений лежит борьба за доступ к материальным и властным ресурсам. Сложные отношения связывают и лидера узбекской общины Афганистана генерала Дустума с элитами афганских таджиков. Так, еще с середины 1990-х годов широко известны факты боестолкновений отрядов Дустума и Атта Мохаммад Нура, и до сих пор им не удалось примириться, а сведения о вооруженных столкновениях отрядов двух генералов появлялись и в постталибском Афганистане¹⁰³.

Впрочем, следует отметить, что для государств Центральной Азии наличие на территории Афганистана этнические

¹⁰² Этнические узбеки и таджики устроили массовую драку в Афганистане // Рос-Балт. URL: <http://www.rosbalt.ru/world/2013/07/02/1147654.html>

¹⁰³ 6 кошта ва захми хасел-е даргири мян-е хамейон-е Ата ва Дустум дар шамал-е Афганистан (Шесть человек убиты и ранены в результате столкновений между сторонниками А.М. Нура и А. Дустума на севере Афганистана) // Tasnim News. URL: <https://goo.su/3fQQ>

родственных групп населения не является основным фактором сотрудничества с ним. В восприятии трех северных соседей Афганистана на первом месте стоят проблемы безопасности и деятельности террористических и фундаменталистских группировок, поэтому эти государства по возможности стремятся поддерживать отношения не только с кабульским правительством, но и с определенными этническими группировками. То есть, этнический фактор в данном случае вторичен и выступает производной от необходимости обеспечения национальной безопасности. Так, известно об установлении контактов между группировкой Абдуллаха Дустума и правительством Узбекистана еще с середины 1990-х годов. Узбекистан видел в территориях, контролируемых Дустумом, своего рода буфер, который мог бы сдерживать потенциальный поток беженцев в Узбекистан, контрабанду наркотиков и проникновение религиозных фундаменталистов¹⁰⁴, однако узбекско-афганская граница все равно была очень серьезно укреплена.

Еще до прихода к власти режима талибов вопросы обеспечения национальной безопасности стали главными темами на повестке дня центральноазиатских государств, граничащих с Афганистаном. Недопущение дестабилизации обстановки в государствах Центральной Азии находилось и на повестке дня в России, которая традиционно рассматривала постсоветское пространство как привилегированную сферу своего влияния. Даже получивший в 1995 г. статус постоянно нейтрального государства и закрепивший это положение в Конституции страны¹⁰⁵ Туркменистан стал уделять большее внимание процессам, протекающим в Афганистане, есть сведения и об активном взаимодействии туркменского руковод-

¹⁰⁴ Шарипов У.З., Хашимбеков Х.Х. Исторический и современный аспекты социального и политического положения афганских узбеков // Афганистан-2010. Политические и экономические реалии современного Афганистана в условиях геостратегической экспансии Запада. М., ИВ РАН, 2010. С. 136–137.

¹⁰⁵ Конституция Туркменистана (новая редакция) // Туркменистан. Золотой век. URL: <http://turkmenistan.gov.tm/?id=11808>

ства с талибами после их прихода к власти¹⁰⁶. Среди экспертов даже встречаются оценки, где утверждается, что Туркменистан стремится также создать буферную зону в приграничных провинциях Афганистана, опираясь на этнических туркмен. В частности, Туркменистан содействовал формированию туркменского ополчения в уезде Каркин провинции Фарьяб, одновременно продвигая собственные гуманитарные проекты, предназначенные для афганских туркмен¹⁰⁷.

Таджикистан, напротив, не опирается на возможности афганских таджиков по формированию местного ополчения, способного воспрепятствовать инфильтрации боевиков с территории Афганистана. Более того, обеспечение безопасности Таджикистана от проникновения экстремистских элементов даже не упомянуто среди трех стратегических целей страны, которые сводятся к обеспечению энергетической безопасности, выходу из коммуникационного тупика и обеспечению продовольственной безопасности¹⁰⁸.

Современное состояние приграничного экономического сотрудничества двух стран также оставляет желать лучшего, этническая общность населения по обе стороны границы в данном случае объединяющим фактором не является. Сотрудничество канализируется в основном через программу TAPRI (Инициатива по сокращению бедности Таджикистан-Афганистан), которую осуществляет Программа развития ООН (ПРООН) при финансовой поддержке Японии¹⁰⁹.

¹⁰⁶ Bleuer C., Kazemi S.R. Between cooperation and insulation. Afghanistan's relations with the Central Asian Republics. Afghanistan Analysts Network, June 2014. P. 50–51.

¹⁰⁷ Мендкович Н. Туркменистан в системе афганских угроз // Afghanistan.ru. URL: <http://afghanistan.ru/doc/73872.html>

¹⁰⁸ Се хадафи стратегии Тоджикистон: Таамини истиклолияти энергетика, раҳои аз бунбасти коммуникатсионӣ ва хифзи амнияти озукавори // Министерство иностранных дел Таджикистана. URL: <http://www.mfa.tj/?l=tj&cat=96&art=221> (на тадж. языке).

¹⁰⁹ Вклад в развитие трансграничной торговли и сотрудничества // ИА Asia-Plus. URL: <https://news.tj/ru/news/tajikistan/20120601/vklad-v-razvitie-transgranichnoi-torgovli-i-sotrudnichestva>

В целях развития взаимодействия таджикского и афганского бизнеса на территории таджикских районов Фархор и Кумсангир созданы два центра поддержки бизнеса и трансграничного сотрудничества. В качестве их основных целей значатся налаживание связей между бизнесменами обеих стран и проведение необходимых консультаций¹¹⁰. Реализация данной программы подразумевает сотрудничество между приграничными районами двух стран, но, по сути, она работает в пользу Таджикистана и является связующим звеном между ним и бизнес-сообществом афганских таджиков в северных провинциях страны. Однако с афганской стороны подобные встречные инициативы, выдвигаемые на двустороннем уровне или по линии органов ООН, отсутствуют.

Принимая во внимание широкое участие афганских таджиков в политической системе Афганистана на современном этапе (в частности, во время правления Хамида Карзая первым вице-президентом был маршал Мохаммад Фахим, а после его смерти вакантный пост занял таджик Юнус Кануни, в настоящее время Абдулла Абдулла является главным исполнительным лицом Афганистана), Таджикистан стремился поддерживать рабочие отношения с лидерами таджикской общины, но основные и важные политические вопросы решались через президента Афганистана. К примеру, в 2011 г. первый вице-президент Афганистана Мохаммад Фахим совершил официальный визит в Таджикистан, где провел переговоры по экономическим и энергетическим вопросам с президентом Таджикистана Эмомали Рахмоном и принял участие в церемонии открытия линии электропередач из Таджикистана в Афганистан «Сангтуде – Пули – Хумри»¹¹¹. В 2014 г. после завершения формирования Правительства национального единства главным исполнительным лицом Афганистана Абдулла Абдулла

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ Гозареш-е аз сафар-е маршал Фахим ба Таджикистан (Сообщение о визите маршала Фахима в Таджикистан) // *Afghanpaper*. URL: <http://afghanpaper.com/nbody.php?id=28694>

совершил свой первый зарубежный визит именно в Таджикистан, однако и в этом случае на повестке дня находились в первую очередь экономические вопросы¹¹².

При этом вопрос ирредентизма среди этносов северного Афганистана и присоединение их территорий к центрально-азиатским государствам всерьез никогда не рассматривался и не выносился в плоскость международных отношений. Более того, подобные идеи довольно слабо резонируют в общественном мнении этих народностей Афганистана и не выходят за рамки положения маргинальной точки зрения. Соответственно, о формировании в Афганистане каких-либо крупных общественных движений, выступающих с позиций ирредентизма, речь не идет. Как представляется, одной из основных причин неприятия идей ирредентизма в Афганистане является расхождение моделей модернизации, в рамках которых развивались и жили таджикский, узбекский и туркменский этносы, а именно российской¹¹³ и собственной афганской модели¹¹⁴ (британский тип модернизации Афганистан практически не затронул – страна не стала колонией Великобритании и сохранила самостоятельное управление, хотя после подписания в 1879 г. Гандамакского договора утратила право проводить самостоятельную внешнюю политику). Соответственно, участие территорий, населенных этническими таджиками, туркменами и узбеками в двух различных модернизационных проектах и обусловило расхождение их векторов развития.

Советский Союз проводил политику форсированной модернизации пяти центральноазиатских республик – в ее основе лежало создание на этих территориях дееспособной

¹¹² Даставард-е сафар-е Абдулла ба Таджикистан (Достижение визита Абдуллы в Таджикистан) // Etilaatroz. URL: <http://www.etilaatroz.com/24333>

¹¹³ В данном контексте целесообразнее употреблять термин «русская модернизация Центральной Азии», поскольку данный процесс начался еще в период присоединения этих территорий к Российской империи и продолжился в СССР, хотя уже на принципиально иных основаниях (прим. авт.).

¹¹⁴ Акимбеков С.М. История Афганистана. Астана-Алматы: ИМЭП при Фонде Первого Президента, 2015. С. 124.

системы судопроизводства на основе светских правовых установок (во времена Российской империи ограниченно применялись нормы адата), развитие образовательной системы, создание механизмов социальной мобильности для местного населения. Но некоторые аспекты модернизации опирались на встраивание традиционных для стран Востока институтов¹¹⁵ – например, создание колхозов оформлялось как реставрация общинного строя¹¹⁶.

Казахстанский ученый С. Акимбеков называет следующие характерные черты российской модели модернизации для народов Центральной Азии:

1) Сохранение традиционных управленческих систем. Как отмечалось выше, во времена Российской империи на территориях Центральной Азии ограниченно действовали нормы адата, только в советский период судопроизводство и система юстиции в данном регионе стала основываться на всесоюзных правовых основах и нормативно-правовых актах в качестве базы своей деятельности;

2) Встраивание рудиментов и пережитков прежней, традиционалистской системы в российский, а затем и советский модернизационные проекты;

3) Строительство широкой сети железных дорог и развитие инфраструктуры как средство укрепления экономических связей с данными регионами и установления контроля над политической ситуацией (развитая сеть железных дорог позволяла бы в случае необходимости осуществить быструю переброску войск)¹¹⁷. Однако экономическая система, сложившаяся в данном регионе и закрепившаяся в советский период, замыкалась на Москву и носила заметный колониальный характер (аграрно-сырьевая специализация, хронологически позднее и анклавное развитие промышленности).

¹¹⁵ Казанцев А.А. «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия. М.: МГИМО-Университет, 2008. С. 173.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Акимбеков С.М. История Афганистана. С. 126–138.

Здесь, как представляется, нас не должно смущать смешивание политики периодов Российской империи и Советского Союза, даже несмотря на принципиальную разницу в подходах этих двух систем: для целей настоящего исследования важнее продемонстрировать сложившиеся различия условий жизни рассматриваемых этносов в рамках разных моделей государственности и модернизационных проектов. В то же время перечень характерных черт модернизационной политики России и Советского Союза вовсе не сводится к этим трем пунктам. Идеология марксизма-ленинизма игнорировала этнические различия, делая акцент на единой общности граждан СССР. Так, 21-я статья Конституции СССР 1936 года¹¹⁸ гласит, что «Каждый гражданин союзной республики является гражданином СССР»¹¹⁹. Помимо попыток формирования единой наднациональной идентичности, советский модернизационный проект уделял внимание и иным аспектам культурно-образовательного развития центральноазиатских народов, в частности:

1) Доступ граждан к благам социального государства, включая бесплатное высшее образование и бесплатную медицину. По выражению российского историка С. Абашина, «эта социальная идеология стала во многом определять общественные институты и социальную мобильность людей»¹²⁰;

2) Как следствие из первого пункта – акцент делался в том числе и на вопросы народного просвещения и языковой

¹¹⁸ Видится некорректным анализировать модернизационную политику СССР исходя из норм Конституции 1924 года, поскольку на тот момент центральноазиатские территории еще не входили в его состав (прим. авт.).

¹¹⁹ Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических республик (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 года) // Сайт Конституции Российской Федерации. URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/red_1936/3958676/

¹²⁰ Сергей Абашин: В известном смысле мы и сегодня живем в логике больших имперских проектов // ИАЦ МГУ. URL: <https://ia-centr.ru/han-tengri/articles/orientalii/sergey-abashin-v-izvestnom-smysle-my-i-segodnya-zhivyem-v-logike-bolshikh-imperskikh-proektov-/>

политики: принятие новых алфавитов на основе кириллицы для языков Центральной Азии. Развитие трехступенчатой системы образования (начальное, среднее, высшее), открытие университетов и научно-исследовательских центров, развитие медицины. Во многом именно такое форсированное просвещение и обусловило иной тип развития центральноазиатских народов Советского Союза по сравнению с другими этническими группами региона, проживающими за пределами СССР¹²¹;

3) Приобщение этносов Центральной Азии к европейским культурным формам через проникновение и распространение русского языка и культуры;

4) Не блокировалось участие представителей коренных этносов в выработке и реализации государственной политики – на рубеже 1950–1960-х годов появилась практика назначения первыми секретарями ЦК Коммунистической партии в союзных республиках представителей титульного этноса, хотя вторым секретарем, как правило, являлся назначенец из Москвы¹²². К этому же пункту можно отнести и процессы национального строительства. Вновь обратимся к словам С. Абашина: «У этого строительства были свои ограничения. Были репрессии, насильственная секуляризация, отчасти русификация и контроль из Центра. Но факт остаётся фактом: границы и многие институты нынешних национальных государств Средней Азии имеют советское происхождение»¹²³.

Модернизация внутри Афганистана проходила совершенно иначе, несмотря на почти синхронное начало с рос-

¹²¹ Казанцев А.А. «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия. С. 176.

¹²² Богатуров А.Д., Дундич А.С., Коргун В.Г. и др. Международные отношения в Центральной Азии: События и документы: Учеб. пособие для студентов вузов / Отв. ред. А.Д. Богатуров. – 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект-Пресс, 2014. С. 202.

¹²³ Сергей Абашин: В известном смысле мы и сегодня живем в логике больших имперских проектов. URL: <https://ia-centr.ru/han-tengri/articles/orientalii/sergey-abashin-v-izvestnom-smysle-my-i-segodnya-zhivyem-v-logike-bolshikh-imperskikh-proektov/>

сийскими попытками модернизации территорий современных Туркменистана, Узбекистана и Таджикистана в конце XIX века. С. Акимбеков выделяет следующие характерные черты афганской модели модернизации:

1) приоритет отдавался линии на преодоление отставания от западных стран в военной сфере, акцент делался на создании боеспособной армии и заводов, производящих вооружение и боеприпасы, при этом развитию иных видов инфраструктуры внимание уделялось по остаточному принципу, чего не хватало для поступательного развития периферийных регионов страны;

2) создание жесткой, централизованной политической системы, материальные и властные ресурсы концентрировались в руках эмира, увеличивалась налоговая нагрузка, ограничивалось участие иностранцев в национальной экономике страны из-за опасений формирования зависимости от внешних сил;

3) система образования развивалась в русле ориентации, прежде всего, на текущие нужды и запросы вооруженных сил и государственного аппарата¹²⁴. Ее охват в целом был заметно ниже, задачи обеспечения всеобщей грамотности даже не ставились.

Другими словами, туркменский, узбекский и таджикский народы по мере формирования северной границы Афганистана и экспансии России в Центральной Азии оказались вовлечены в различные системы модернизации, которые по-разному обеспечивали развитие человеческого капитала и делали разные акценты на приоритетных задачах. Советская модель модернизации (а именно она, как представляется, оказала гораздо большее влияние на этносы Центральной Азии, чем модернизационный подход Российской империи) позволила центральноазиатским республикам встроиться в общесоветский интеграционный проект, хотя не все их

¹²⁴ Акимбеков С.М. История Афганистана. С. 126–139.

характеристики в конечном счете удалось изменить – в частности, коррупция и клановость оказались сильнее попыток их преодоления.

Модернизационные процессы в Афганистане, в свою очередь, к значительному прогрессу в развитии страны не привели – сказались ограниченность ресурсов, постоянные смены политического курса и узость решаемых задач. Но, пожалуй, главный фактор, обусловивший неудачу всех модернизационных начинаний в Афганистане – неизменность социально-политической структуры афганского общества, которую давление «сверху» изменить не смогло, а перерождения «снизу» не получилось. Попытки экономического развития через преобразования в промышленной сфере успеха не принесли; этноплеменные противоречия, сопровождавшие борьбу за ресурсы, сохранились, равно как и высокий уровень коррупции.

За почти 150 лет существования в рамках различных модернизационных проектов, представители «центральноазиатской» и «афганской» частей одного этноса заметно разошлись в уровне развития и собственном мировосприятии и склонны воспринимать друг друга скорее как «чужих», а не «родственников». Согласно опубликованным данным социологических опросов, например, граждане Таджикистана воспринимают Афганистан как «опасную и отсталую страну, в которой живут жестокие люди; они – афганцы, даже если и являются этническими таджиками»¹²⁵. Такие высказывания, хоть и относятся к категории чувственно-эмоционального, а не рационального мышления, наглядно иллюстрируют восприятие афганских таджиков в качестве чуждой общности, а не части таджикского этноса. Схожие процессы наблюдаются в Узбекистане и Туркменистане: жители этих стран не чувствуют общности с представителями своего этноса, живущими на территории Афганистана¹²⁶.

¹²⁵ Bleuer C., Kazemi S.R. Between cooperation and insulation. Afghanistan's relations with the Central Asian Republics. P. 27.

¹²⁶ Ibid. P. 40–41, 52–53.

Проблематика модернизации в афганском обществе также тесно связана с вопросами вертикальной социальной мобильности и наличия адекватных социальных лифтов для представителей национальных меньшинств – в системе государственной власти традиционно преобладали пуштуны, отстраняя представителей национальных меньшинств от доступа к принятию политических решений. Эта мысль проходит красной линией и в научной литературе, касающейся межэтнических взаимоотношений в Афганистане; так, по мнению У. Шарипова и Х. Хашимбекова, «Афганистан в правовом отношении считается унитарным государством, в котором руководящие бразды сосредоточены в руках пуштунов: представителей главных племенных образований и сформировавшейся в течение последних веков феодально-чиновной элиты, состоявшей преимущественно из пуштунов, и частично из отдельных личностей таджикского, узбекского и хазарейского происхождения. В рамках такой государственности национальным меньшинствам не предоставлено ни политической, ни административной, ни культурной и экономической автономии»¹²⁷. Вряд ли представляется корректным увязывание авторами формирования элит Афганистана именно с феодализмом, к использованию этого термина за пределами средневековой истории Запада стоит подходить более аккуратно и осторожно, учитывая в первую очередь его *правовую* природу, но сущность межэтнических отношений по поводу доступа к власти передана верно.

В Афганистане такие работающие механизмы вертикальной мобильности для представителей национальных меньшинств не сформировались до сих пор, поэтому выходцам из общин нацменьшинств очень сложно пробиться на высшие руководящие должности в стране, не обладая устойчивыми клановыми или кровнородственными связями в государственном аппарате. Единственный способ карьерного роста

¹²⁷ Шарипов У.З., Хашимбеков Х.Х. Исторический и современные аспекты социального и политического положения афганских узбеков. С. 128.

в политике – примыкание к команде сильного политика, являющегося выходцем из национальных меньшинств и действующего на уровне центральных органов власти. Таким образом, в Афганистане складывается своего рода порочный круг ограничения участия представителей национальных меньшинств в политической системе и элитарность примыкания к ней, т. е. не каждый человек непустунского происхождения может сделать успешную карьеру за пределами местных и региональных органов власти. Впрочем, несмотря на это, с 2001 г. роль национальных меньшинств в политическом процессе в Афганистане заметно усилилась¹²⁸.

Из всего приведенного выше массива теоретической и эмпирической информации представляется корректным отметить второстепенную роль этнического фактора применительно к внешнеполитической линии Афганистана в отношении трех северных стран-соседей (Таджикистана, Узбекистана и Туркменистана).

В свою очередь для этих государств характерна прагматичная и осторожная внешнеполитическая линия в сочетании со стремлением избежать однозначного крена в сторону какой-либо стороны, это касается и афганского вектора их внешней политики, где основное внимание уделяется вопросам безопасности и экономического сотрудничества. При этом таджикские и узбекские эксперты все же говорят о нежелательности единоличной концентрации власти в руках пуштунского большинства в Афганистане и необходимости учета интересов непустунских этносов¹²⁹. Примечательно, что речь идет об этнических меньшинствах Афганистана в целом, а не о поддержке «своей» этнической группы.

¹²⁸ Более подробно об этом процессе см. в частности: Нессар М.О. Этноплеменной фактор и политический процесс в современном Афганистане // Нации и национализм на мусульманском Востоке / Отв. ред. В.Я. Белокреницкий, Н.Ю. Ульченко. М.: ИВ РАН, 2015. С. 379–383.

¹²⁹ Kassenova N. Relations between Afghanistan and Central Asian States after 2014. Incentives, Constraints and Prospects. Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI). May 2014. P. 14.

Схожие подходы разделяют и элиты этнических меньшинств на севере Афганистана – если есть возможность сотрудничать с кем-либо из трех северных соседей ИРА, они от нее не уклоняются. Однако их деятельность в основном сфокусирована на «родных» регионах, где сосредоточены фундаментальные интересы этих элит, и где они имеют существенное политическое влияние, а также на взаимодействии с кабульским правительством.

В рассмотренных случаях для северных соседей Афганистана все же первичны вопросы безопасности и экономического сотрудничества, тогда как в отношениях Афганистана и Пакистана этнический фактор играет более заметную роль. Таким образом, стоит констатировать, что взаимодействие Таджикистана, Узбекистана и Туркменистана с соответствующими этносами на территории Афганистана не носит системного характера и реализуется *ad hoc*, исходя из первостепенных внешнеполитических задач трех стран и взаимовыгодных интересов, без выстраивания какой-либо четкой стратегической линии.

Глава 2

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ АФГАНИСТАНА

Религиозный фактор во внешней политике Афганистане на первый взгляд слабо заметен внешнему наблюдателю. Несмотря на зафиксированное в Конституции Афганистана от 2004 г. положение о том, что Афганистан является исламской республикой¹³⁰, роль политического ислама в стране после отстранения от власти режима талибов в результате вооруженной операции международной коалиции воспринимается как невысокая, особенно если сравнивать с соседним Ираном, где исламские нормы заметны во всех сферах общественной жизни, или даже с Турцией, где уже восемнадцатый год у власти находятся умеренные исламисты. И все же было бы некорректно полностью пренебречь религиозным фактором при анализе внешней политики Афганистана, тем более учитывая его многогранность – от исламского ренессанса как «попытки традиционных восточных обществ использовать исторические и культурные особенности и традиции мусульманских народов для ускорения их социального и экономического развития»¹³¹ до исламистского экстремизма и присутствия в Афганистане представителей разнообразных исламских течений, включая суфиев и исмаилитов.

¹³⁰ Канун-е асаси (Конституция). URL: <http://president.gov.af/fa/%d9%82%d8%a7%d9%86%d9%88%d9%86-%d8%a7d8%b3%d8%a7d8%b3db%8c/>

¹³¹ Дружиловский С.Б. О теории и практике исламского правления в странах Среднего Востока (Иран, Турция, Афганистан) // Ислам и политика (взаимодействие ислама и политики в странах Ближнего и Среднего Востока, на Кавказе и в Центральной Азии). М.: ИВ РАН, 2001. С. 68.

Представляется корректным разделить религиозный фактор во внешней политике Афганистана на два измерения в соответствии с формами его проявления:

1) политический ислам в Афганистане, оказывающий влияние на двусторонние отношения с другими игроками на внешнеполитической арене;

2) проживание на территории Афганистана общин представителей религиозных меньшинств – последователей ислама шиитского толка (в Афганистане они представлены в основном этническим меньшинством хазарейцев и компактными группами последователей исмаилитской ветви ислама).

Прежде всего, следует сделать небольшое концептуальное уточнение, связанное с многовариантностью определения политического ислама в научной литературе (в некоторых источниках дефиниция не приводится вовсе, считая понятие политического ислама будто бы априорно ясным). Отсутствие единства в научной среде относительно сущности политического ислама обуславливает выбор какого-либо одного подхода к его дефиниции для целей прикладных исследований.

Не углубляясь в детальное рассмотрение и сопоставление различных взглядов на эту проблему в научных дискуссиях¹³², мы остановимся на определении А. Малащенко, который понимает политический ислам как *совокупность внутригосударственных акторов, являющихся сторонниками привлечения норм ислама в сферу политики ради создания дееспособного государства*¹³³. Определение довольно широ-

¹³² О дефинициях и сущности политического ислама только в российской науке см., в частности: Ланда Р.Г. Политический ислам: предварительные итоги. М., 2005. С. 40–47; Мирский Г.И. «Политический ислам» и западное общество // Полис. Политические исследования. 2002. № 1. С. 78–86; Рагозина С.А. Дискурс политического ислама (на примере интернет-пространства Северо-Восточного Кавказа) / Предисл. А.Л. Рябина, Г.В. Лукьянова. М: Либроком, 2013. С. 43–60; Ислам в политике: идеология или прагматизм? Аналитический доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». Москва, 2013. URL: http://vid-1.rian.ru/ig/valdai/Islam_in_politics_rus.pdf

¹³³ Малащенко А. Политический ислам (видео) // ПостНаука. URL: <https://post-nauka.ru/video/7785>

кое, но оно позволяет рассмотреть различные аспекты проявления этого феномена, в том числе и во внешнеполитической плоскости. То есть в фокусе внимания будет практическая деятельность внутриафганских сил, выступающих под религиозно-политическими лозунгами – партий, движений, богословов и их объединений.

Политический ислам в Афганистане после 2001 г. в определенной степени остается наследием правления Движения талибов, которое ввело в стране жесткие шариатские законы. В то же время в отдаленных провинциях страны все еще сохраняются не только принципы шариата в судопроизводстве и в общественной жизни, но и такие бесчеловечные пережитки прошлого, как, например, побивание камнями неверных жен. Подавляющее большинство политических движений и партий в современном Афганистане непременно имеют в своем названии прилагательное «исламский», даже если они стоят на позициях национализма, а не исламского фундаментализма. Впрочем, основная масса политических партий Афганистана сочетает в своей идеологии эти два течения, вопрос заключается лишь в их соотношении. В структуре современной политической системы Афганистана сохранился и такой орган, как Совет улемов – собрание мусульманских богословов, сфера ответственности которого сводится к надзору за соответствием принимаемых правовых актов принципам ислама¹³⁴ (в статье 3 Конституции страны указано: «Ни один законодательный акт не может противоречить нормам и предписаниям ислама»¹³⁵).

В постталибском Афганистане существует и прослойка мусульманских богословов, являющихся носителями ультраконсервативной идеологии, которая занимает довольно актив-

¹³⁴ Коргун В.Г. Современный Афганистан: возвращение исламских клерикалов // Исламский фактор в истории и современности / Отв. ред. В.Я. Белокреницкий, И.В. Зайцев, Н.Ю. Ульянов. М.: Вост. лит., 2011. С. 325.

¹³⁵ Канун-е асаси (Конституция). URL: <http://president.gov.af/fa/%d9%82%d8%a7%d9%86%d9%88%d9%86-%d8%a7%d8%b3%d8%a7%d8%b3%db%8c/>

ную позицию и предпринимает усилия для расширения своего влияния в стране. Так, в 2005 г. группа исламских богословов приняла решение о запуске вещания «религиозного телеканала, призванного компенсировать вред, наносимый обществу аморальным светским телевидением»¹³⁶.

Однако основы современного афганского государства, заложенные в Конституции 2004 г., безоговорочно являются светскими, несмотря на законодательное признание верховенства норм ислама. В такой ситуации неизбежным выглядит расхождение подходов кабульского правительства, выступающего на практике за светский характер Афганистана, и ультраконсервативных клерикалов, которые в случае гипотетического открытого конфликта могут апеллировать к негородскому населению страны, особенно в периферийных провинциях. Естественно, духовенство стремится по возможности влиять на правительство Афганистана в целях продвижения своей повестки дня и собственных взглядов на происходящее в стране и вокруг нее. Такая деятельность подчас резонирует и с внешнеполитической линией страны.

Немало способствует сохранению и развитию политического ислама нынешняя стадия эволюции афганского общества. Начавшееся еще в XIX веке соприкосновение с Западом, пользование его культурными и материальными достижениями и попытки реформирования страны в вестернизаторском духе (вспомним хотя бы инициированные примерно 100 лет назад прогрессивные реформы короля Амануллы или создание новой политической системы по западному образцу после 2001 г.) способствовали постепенному, медленному размыванию традиционного бытового уклада в Афганистане.

Этот процесс еще не стал в стране всеобщим, охватив лишь небольшой слой вестернизированных элит и интеллигенции, но он спровоцировал заметную дискуссию в обществе по вопросам ценностей. В глубоко традиционном обществе

¹³⁶ Лавров А.Ю. Политический ислам в Афганистане. Издание первое. М.-Б., 2010. С. 157.

быстрый слом веками господствующих устоев не мог пройти незаметно, без сопротивления. И обращение к нормам традиционного, «чистого» ислама, к построению общества на принципах шариата стало в Афганистане (да и во всем исламском мире) одной из форм ответа на этот ценностный вызов.

Существенный рост политической мобилизации среди исламских консерваторов в Афганистане, подпитываемый идеями исламизма, наблюдался в 2005–2008 годах, когда на двусторонние отношения Афганистана с некоторыми государствами Европейского Союза оказал влияние крупный международный скандал, спровоцированный публикациями в датской газете «Jyllands-Posten» карикатур на пророка Мухаммеда, которые затем были растражированы в ряде европейских печатных изданий.

Исламские страны мира отреагировали солидарно: во многих государствах Ближнего и Среднего Востока были зафиксированы массовые протесты и погромы, не остался в стороне и Афганистан. Так, в феврале 2006 г. ультраконсервативная часть афганского духовенства приняла участие в организации протестов в крупных городах, которые привели к столкновениям митингующих с полицией, в результате чего 5 человек погибли¹³⁷. В Кабуле манифестанты забросали камнями посольства Дании, Франции и Великобритании, затем пытались пробиться на территорию военной базы НАТО в Баграме¹³⁸. Однако на уровне официоза Афганистан придерживался довольно мягкой позиции и, в отличие от соседнего Ирана, отзывавшего своего посла из Дании, не пошел на обострение отношений¹³⁹.

Президент Афганистана Хамид Карзай также не стал нагнетать обстановку. В своем выступлении он осудил публи-

¹³⁷ Muslim cartoon fury claims lives // BBC News. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/south_asia/4684652.stm

¹³⁸ Muslim Protests Against Cartoons Spread // New York Times. URL: <http://www.nytimes.com/2006/02/07/world/middleeast/muslim-protests-against-cartoons-spread.html>

¹³⁹ Ibid.

кацию антиисламских карикатур и призвал страны Запада принять «решительные меры для того, чтобы подобные материалы не были опубликованы вновь»¹⁴⁰. В то же время Карзай в продолжение темы высказался в примирительном тоне, расходящимся с лозунгами афганской «улицы»: «Мы, как мусульмане, должны иметь мужество простить [авторов публикации – *прим. авт.*] и не превращать это событие в предмет споров между религиями и культурами»¹⁴¹.

Следующий всплеск манифестаций «в защиту ислама», проведенных при участии исламского духовенства, пришелся на весну 2008 г. Поводом стала публикация в датских и голландских газетах очередных карикатур на пророка Мухаммеда, а также публичный показ документального фильма «Испытание», снятого при поддержке ультраправого нидерландского политика-популиста Герта Вилдерса¹⁴². Этот фильм отличается ярко выраженной антиисламской тональностью, сам ислам называется «фашистской идеологией», а Коран сравнивается с известной книгой Адольфа Гитлера «*Mein Kampf*»¹⁴³. Несмотря на очевидную некорректность сравнения, подобный шаг вновь вызвал болезненную реакцию в исламском мире, а Афганистан вновь не остался в стороне от массовых протестов. Так, 5 марта 2008 г. в городе Пуле-Алам провинции Логар были проведены демонстрации против оскорбления ислама в западных средствах массовой информации. Именно во время этих протестов митингующие впервые выдвинули политические требования, без которых обошлись предыдущие массовые протесты 2006 г. Эти требования сводились к немедлен-

¹⁴⁰ Muslim cartoon fury claims lives. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/south_asia/4684652.stm

¹⁴¹ Muslim Protests Against Cartoons Spread. URL: <http://www.nytimes.com/2006/02/07/world/middleeast/muslim-protests-against-cartoons-spread.html>

¹⁴² Коргун В.Г. Современный Афганистан: возвращение исламских клерикалов. С. 328.

¹⁴³ Суд оправдал голландского правого политика Герта Вилдерса // Русская служба BBC. URL: http://www.bbc.com/russian/international/2011/06/110622_geert_wilders_verdict.shtml

ному выводу из Афганистана датских и нидерландских воинских контингентов, притом речь об остальных странах-участниках миссии НАТО в Афганистане не шла¹⁴⁴. По данным информационного агентства «Reuters», в тот момент на территории Афганистана в составе сил НАТО находились 1650 голландских военнослужащих и 550 датских¹⁴⁵. Массовые протесты длились около месяца и сошли на нет после эвакуации дипломатического корпуса Дании и Нидерландов из Кабула, при этом их посольства закрыты не были и возобновили свою деятельность после прекращения протестов¹⁴⁶.

В последнее десятилетие на внутривластной сцене Афганистана заметную активность проявляет упомянутый выше Совет улемов, однако, его деятельность в основном сводится к публикации заявлений по ключевым внутри- и внешнеполитическим вопросам Афганистана. Более того, с течением времени Совет улемов в своих заявлениях постепенно утрачивает независимость суждений и выступает в открыто проправительственном ключе¹⁴⁷: если в 2009 г. богословы осудили деятельность контингента НАТО в Афганистане¹⁴⁸, то во времена президентства Ашрафа Гани они воздерживаются от высказываний по поводу присутствия в Афганистане иностранных войск. Их заявления затрагивают преимущественно соседние страны, главным образом, Иран и Пакистан. Так, в 2015 г. в средствах массовой информации появилась информация об объявлении Советом улемов Афгани-

¹⁴⁴ Коргун В.Г. Современный Афганистан: возвращение исламских клерикалов. С. 328.

¹⁴⁵ Afghans chant death in cartoon protest // Reuters. URL: <http://www.reuters.com/article/us-afghan-cartoons-idUSISL1279420080322>

¹⁴⁶ Коргун В.Г. Современный Афганистан: возвращение исламских клерикалов. С. 331.

¹⁴⁷ Что, в общем-то, логично: члены Совета улемов находятся на государственном содержании. Это обстоятельство служит основным аргументом для вооруженной оппозиции (ДТ, в частности) для дискредитации данного органа (прим. авт.).

¹⁴⁸ Совет улемов Афганистана выступил с официальным заявлением // Afghanistan.ru. URL: <http://afghanistan.ru/doc/14736.html>

стана джихада Пакистану после резонансного террористического акта в Кабуле¹⁴⁹. Весной 2017 г. Совет улемов также отметился громким политическим выступлением, в ультимативной форме потребовав от Ирана прекращения отправки афганской молодежи на войну в Сирию¹⁵⁰.

Как представляется, такие резкие заявления Совета улемов в русле политической линии кабульского правительства рассчитаны, прежде всего, не на внешнюю аудиторию, а на внутреннюю. Совет улемов не является органом, принимающим политические решения, поэтому его позиция, скорее, используется для тестирования общественного мнения или, реже, реакции международного сообщества (или конкретного внешнего актора) по отношению к какому-либо существенному вопросу внутренней или внешней политики Афганистана. Кроме того, Совет улемов Афганистана играет важную роль в политической системе постталибского Афганистана, легитимизируя с точки зрения религиозного авторитета некоторые практические действия или политические решения руководства страны¹⁵¹.

По всей видимости, на современном этапе в уста Совета улемов вкладываются те послы кабульского правительства, которое оно само озвучить не может: практически невозможно представить себе президента Афганистана или кого-либо из министров, которые, например, объявляют джихад Пакистану. Корректным представляется предположение, что правительство отслеживает реакцию на подобные заявления для корректировки собственного курса и принятия политических решений. Но это не одностороннее воздействие: богословы имеют доступ к правительственным кругам и могут

¹⁴⁹ Совет улемов Афганистана объявил «джихад» Пакистану // Афганистан сегодня. URL: <http://www.afghanistantoday.ru/node/35447>

¹⁵⁰ Совет улемов Афганистана: Иран должен прекратить отправку афганцев на войну в Сирию // Афганистан сегодня. URL: <http://afghanistantoday.ru/node/42616>

¹⁵¹ Osman B. The Ulama Council: Paid to Win Public Minds – But Do They? // Afghanistan Analysts Network. 2012. P. 3.

доносить до них свою точку зрения по тем или иным политическим вопросам.

После прихода к власти Ашрафа Гани кабульское правительство предпринимало попытки установления диалога с представителями фундаменталистской оппозиции, вовлечь ее в легальную деятельность в рамках существующей политической системы Афганистана. О Движении талибов как о главной оппозиционной силе в стране подробно речь пойдет в следующей главе. В настоящем разделе наибольшего внимания заслуживают успехи Кабула на переговорах с представителями Исламской партии Афганистана (ИПА) под руководством Гульбедин Хекматъяра, с которым в сентябре 2016 г. удалось заключить мирное соглашение. Согласно его условиям, правительство Афганистана принимало на себя обязательства по обеспечению снятия с ИПА международных санкций и исключения ее из списка международных террористических организаций Совета Безопасности ООН. ИПА получила возможность вернуться в правовое поле Афганистана и занялась легальной политической деятельностью, в начале 2019 г. ее лидер Гульбедин Хекматъяр даже объявил о намерении баллотироваться в президенты страны¹⁵². Сам Хекматъяр по условиям соглашения с афганским правительством получил возможность беспрепятственного возвращения в Афганистан и свободного выбора места проживания¹⁵³.

В свою очередь ИПА обязалась следовать конституционным нормам и положениям действующего законодательства Афганистана, отказаться от вооруженного сопротивления властям и не сотрудничать с иными террористическими движениями¹⁵⁴. Параллельно в 2017 г. велись переговоры между

¹⁵² Хекматъяр принял участие в президентских выборах 2019 года и занял 3 место, набрав 3,85% голосов и не победив ни в одной провинции страны (*прим. авт.*).

¹⁵³ Матн-е камел-е таваффокама-е сольх-е давлат-е Афганистан ва Хезб-е ислами-е Хекматъяр (Полный текст мирного соглашения между правительством Афганистана и Исламской партией Афганистана Г. Хекматъяра) // Tasnim News. URL: <https://goo.su/3fTH>

¹⁵⁴ Ibid.

одной из старейших афганских партий, умеренно исламистским «Исламским обществом Афганистана» («Джамаат-е ислами» или ИОА) и президентом Гани, однако здесь положение совсем иное: ИОА находится на легальном положении, но требует расширения своего доступа к участию в политических процессах¹⁵⁵.

В то же время говорить о каком-то существенном изменении расстановки сил в политической системе Афганистана не приходится: партия Хекматъяра практически не имеет шансов на приход к власти законным путем. Во-первых, неизбежно скажется пуштунский национализм Хекматъяра и его слабое внимание к проблемам национальных меньшинств, которые не готовы голосовать за него. Во-вторых, авторитет Хекматъяра серьезно пошатнулся после событий 1992–1993 гг., когда его отряды блокировали Кабул и несколько недель расстреливали город ракетами и артиллерией с окружающих его гор. В-третьих, ИПА к началу XXI в. уже утратила статус сильнейшей группировки моджахедов и заметно ослабла. Многие деятели этой партии перешли на сторону идейно близких талибов, придерживающиеся более умеренных взглядов, и примкнули к правительству или вернулись к мирной жизни, зарегистрировав ИПА как политическую партию и дистанцировавшись от боевого крыла Хекматъяра. Немалую роль в этом сыграла принятая правительством Хамида Карзая программа амнистии для боевиков, желающих сложить оружие и вернуться к мирной жизни. Ряд представителей легализованной части ИПА работали в аппарате Правительства, Парламента, а также занимали руководящие должности на уровне провинций и уездов¹⁵⁶. Существенно сократилась и материальная база Исламской партии Афганистана под руководством Хекматъяра – в середине 1990-х годов

¹⁵⁵ СМИ: Атта Мохаммад Нур участвует в тайных переговорах с Ашрафом Гани // Afghanistan.ru. URL: <http://afghanistan.ru/doc/104600.html>

¹⁵⁶ Talking About Talks: Toward a Political Settlement in Afghanistan // International Crisis Group, Asia Report № 221. March 26, 2012. P. 30.

пакистанская сторона, с которой ранее взаимодействовала ИПА, предпочла поддержать ДТ.

В случае же с Исламским обществом Афганистана переговоры не достигли какого-либо значимого результата, да и сама партия в настоящее время фрагментирована на фракции нескольких авторитетных лидеров и вряд ли в состоянии выступить единой политической силой.

Однако далеко не все антиправительственные группировки идут на контакт с правительством в Кабуле. Если в случае с ДТ был достигнут определенный, хотя и пока весьма условный прогресс¹⁵⁷, то группировку «Сеть Хаккани» по-прежнему не удастся вовлечь в легальный политический процесс. Несмотря на противоречивость сведений о ней и слабom присутствии в медийном поле, «Сеть Хаккани» остается заметным актором политического ислама в Афганистане.

По своим убеждениям члены группировки являются носителями идей радикального ислама, что роднит их с представителями «Аль-Каиды» и Движения талибов. Основатель движения Джалалуддин Хаккани ранее был полевым командиром Исламской партии Афганистана под руководством Юнуса Халеса, которая откололась от одноименной партии во главе с Гульбеддином Хекматъяром. Но сфера деятельности «Сети Хаккани» существенно уже и ограничивается юго-восточными провинциями Афганистана, где проживает пуштунское племя дзадран, выходцем из которого и являлся Джалалуддин Хаккани. Основные базы «Сети Хаккани» находятся на территории Пакистана, в качестве ее штаб-квартиры называется город Мираншах в Северном Вазиристане¹⁵⁸. Из этого следует, что основной базой для вербовки сторонников являются пуштунские племена (в первую очередь, родовое племя Хаккани – дза-

¹⁵⁷ И то основная заслуга в этом принадлежит американской дипломатии, которой удалось добиться подписания договора между ДТ и США о постепенном выводе войск США из Афганистана и начале межафганских переговоров (*прим. авт.*).

¹⁵⁸ Асатрян Г. Прошлое и будущее «Сети Хаккани» в Афганистане и Пакистане // Международная жизнь. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/15748>

дран) в юго-восточных провинциях Афганистана, прилегающих к пакистанской границе (Хост, Пактия и Пактика). Для «Сети Хаккани» не просматривается возможность конфликта с другими радикальными группировками по «территориальному вопросу»: для ДТ основные базы рекрутирования находятся в южных и юго-западных провинциях, а также в очагах активности талибов на востоке и севере страны, группировка «Вилаят Хорасан»*, использующая символику ИГ, действует преимущественно на востоке страны в провинции Нангархар.

Только в 2012 г. группировка «Сеть Хаккани» была признана террористической организацией в США, хотя она возникла раньше Движения талибов и, предположительно, еще в 2000-е годы стояла за рядом нападений на военные объекты НАТО в Афганистане и террористическими актами в крупных городах, повлекшими гибель гражданского населения. «Сеть Хаккани» иногда называют аффилированной с Движением талибов, однако она имеет свои источники дохода и за счет этого сохраняет независимость от талибов.

Перспективы вовлечения «Сети Хаккани» в мирный процесс в Афганистане в настоящее время представляются практически нереалистичными – группировка не терпела крупных военных поражений, ставящих под угрозу ее существование, обладает небольшой, но устойчивой ресурсной базой и придерживается радикальной идеологии. Остаются открытыми вопросы, готовы ли представители «Сети Хаккани» вести переговоры напрямую с кабульским правительством, которое они, подобно талибам, считают «марионетками стран Запада», а во-вторых, кто выступит посредником на данных переговорах. Возможно привлечение к потенциальным переговорам старейшин племени дзадран, которые в декабре 2017 г. выражали свое желание посредничать¹⁵⁹, однако пока что данная инициатива не получила развития.

¹⁵⁹ Амадеги-е саран-е каум-е задран бара-е падармеяни мян-е хокумат ва шабака-е Хаккани (Готовность элит племени дзадран к посредничеству между правительством и «Сетью Хаккани») // Tolo News. URL: <https://goo.su/3fTK>

Другим заслуживающим рассмотрения измерением политического ислама в Афганистане представляется фактор проживания в стране групп религиозных меньшинств, исповедующих ислам имамитского толка (шииты-хазарейцы) и исмаилизм – направление в исламе, близкое к шиизму. Последователи исмаилитского ислама проживают преимущественно на северо-востоке Афганистана в провинции Бадахшан.

Территории проживания шиитов-хазарейцев (историческая область Хазараджат), а также западные провинции Афганистана в целом являются объектом пристального внимания Ирана, что весьма точно описал немецкий исследователь Р. Хеннинг: «Иран имеет сильное влияние на западные провинции Афганистана <...> Он тратит сотни миллионов долларов на восстановление этой страны, создает региональные торговые сети, соединяющие Центральную Азию и афганские провинции – и таким образом выстраивает специальные экономические зоны, где доминирует ИРИ»¹⁶⁰. Иран предпочитал действовать в первую очередь экономическими и культурными методами, но не отказывался и от политической поддержки проиранских групп в Афганистане, представленных в основном шиитским населением.

Развитие политической системы Афганистана способствовало политической мобилизации хазарейского меньшинства, которое последние десятилетия выступало с позиций дискриминируемой прослойки населения, борясь за предоставление им равных прав и расширение доступа к системе управления государством. Некоторые хазарейцы не гнушались и радикальных методов – во второй половине XX в., на заре развития политических движений и партий Афганистана, они составляли основу леворадикального движения «Шоале-е Джавид», значительное их число вошло в группировку «Сетам-е мелли», действовавшей насильственными методами.

¹⁶⁰ Акмалов Ш. О некоторых аспектах внешней политики Ирана в отношении Афганистана. 11.04.2014. URL: <http://carnegieendowment.org/2014/04/11/o-некоторых-аспектах-внешней-политики-ирана-в-отношении-афганистана/h7x7#>

В 1990 г. в Иране была основана Партия исламского единства Афганистана (ПИЕА), руководителем которой стал известный полевой командир хазарейского происхождения Абдул Али Мазари. После его гибели в 1995 г. руководителем партии стал будущий второй вице-президент Афганистана в правительстве Хамида Карзая Карим Халили¹⁶¹. Созданная партия изначально позиционировала себя как выразителя интересов хазарейского этноса и, учитывая исторически низкое положение хазарейцев среди народов Афганистана, для этой партии логичным шагом стал поиск союзников за рубежом. Иран, связанный с хазарейцами конфессиональной общностью, представлялся в данном случае естественным союзником. С 1980-х годов на Иран ориентировался еще один авторитетный лидер моджахедов – Исмаил-хан, действовавший как раз в Герате, одной из приграничных с Ираном провинций, и впоследствии ставший ее губернатором¹⁶².

Партия исламского единства Афганистана существует и в настоящее время. За почти 30 лет своего развития она сумела абсорбировать ряд мелких партий и движений афганских шиитов, хотя после гибели Мазари фактически раскололась на несколько фракций, среди которых наиболее сильны группы Карима Халили, Мохаммада Мохаккика и Мохаммада Акбари. Некоторые фракции впоследствии были зарегистрированы как отдельные политические партии, название которых так или иначе отсылает к ПИЕА (например, Партия исламского единства афганского народа, возглавляемая Мохаммадом Мохаккиком). Оригинальное название ПИЕА сохранилось за группой Карима Халили. Партия по-прежнему остается одним из основных выразителей интересов хазарейцев в Афганистане, поэтому особого внимания заслуживает ее внешнеполитическая программа – она выдержана в рамках довольно либеральных по афганским меркам принципов:

¹⁶¹ Лалетин Ю.П. Межэтническое взаимодействие в Афганистане. С. 301.

¹⁶² Слинкин М.Ф. Народно-демократическая партия Афганистана у власти. Время Тараки Амина (1978–1979 гг.). С. 224.

1) декларируется уважение к нормам и принципам Устава ООН, Всеобщей декларации прав человека и к международным договорам, а также партия выступает за соблюдение положений резолюций ООН всеми без исключения странами мира;

2) признавая право наций на самоопределение, партия стремится к установлению и развитию дружеских отношений со всеми странами мира и региона на основе национальных интересов, принципов территориальной целостности, невмешательства, добрососедства, взаимоуважения и равноправия;

3) стремление к установлению мирового порядка и развитию международных отношений на основе справедливости и принципов демократии, а также полной ликвидации оружия массового уничтожения;

4) совместная борьба всех членов международного сообщества с бедностью, неграмотностью, безработицей, болезнями и контрабандой;

5) сохранение присутствия Международных сил содействия безопасности в Афганистане до установления стабильности и безопасности¹⁶³ (материал был опубликован в 2007 г., поэтому речь идет еще о МССБ, чья миссия в Афганистане завершилась в 2014 г. – *прим. авт.*).

Со второй половины 1990-х годов на территорию Ирана перебрались несколько сотен тысяч афганских беженцев, основная доля которых пришлось на хазарейцев – они спасались от наступления талибов, которые в 1997–1998 гг. вступили на территорию исторического Хазараджата. Тогда наступление талибов на север Афганистана сопровождалось самой настоящей бойней в Хазараджате – хазарейцев талибы убивали массово и жестоко, движущим фактором была ненависть по конфессиональному признаку¹⁶⁴. Об определен-

¹⁶³ Хезб-е Вахдат-е Ислами-е Афганистан (Партия исламского единства Афганистана) // Payam Aftab News Network. URL: <https://goo.su/3FTn>

¹⁶⁴ Казанцев А.А. «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия. С. 311.

ных устоявшихся связях Ирана с этим этническим меньшинством косвенно говорит и результат хазарейского кандидата Мохаммада Мохаккика на президентских выборах 2004 г. В избирательном округе, вынесенном на территорию Ирана, где могли голосовать афганские граждане, Мохаккик набрал 44% голосов, лишь на 0,4% уступив Хамиду Карзаю¹⁶⁵.

В отношении афганских беженцев в Иране Н.М. Мамедова приводит следующие цифры: на 2010 год в Иране находились около 940 тысяч зарегистрированных беженцев из Афганистана, а согласно заявлениям министра внутренних дел Ирана, на территории страны на нелегальном положении находятся еще 2 миллиона афганцев¹⁶⁶. Если рассматривать только численность официально зарегистрированных беженцев, то на территории Ирана находится вторая по численности группа афганских беженцев в мире, больше их только в Пакистане.

Рубеж XX–XXI вв. ознаменовал интенсификацию проникновения Ирана в Афганистан, которое подкреплялось применением «мягкой силы» в классическом ее понимании – т.е. деятельности, направленной на создание позитивного образа страны. Шиитский ислам выступает одним из основных инструментов этой политики Ирана, что зачастую подвергается широкой критике в Афганистане, где в подобных действиях видят стремление Ирана установить свое влияние в стране. В основе иранской деятельности в Афганистане лежат неполитические виды взаимодействия, в первую очередь, в экономической и образовательной сферах. Одним из самых успешных и известных проектов Ирана является построенный при его содействии университет «Хатам

¹⁶⁵ Дауров Р.Д., Нессар М.О., Окимбеков У.В. Афганистан: политика, экономика (2011–2019) / Отв. ред. В.Я. Белокрыцкий. М.: ИВ РАН, 2020. С. 40.

¹⁶⁶ Мамедова Н.М. Афганское направление иранской политики в период М. Ахмадинежада // Иран при М. Ахмадинежаде. Памяти А.З. Арабаджяна. М.: ИВ РАН, 2013. С. 127.

аль-Набиин», основателем которого был аятолла¹⁶⁷ Мохаммад Асеф Мохсени¹⁶⁸. Ректором созданного университета стал Абдулкаюм Саджади, обучавшийся в Иране и защитивший там докторскую диссертацию¹⁶⁹. По непроверенным данным, Саджади исповедует шиитский ислам¹⁷⁰. Сведения о его национальности и/или происхождении отсутствуют, однако, по косвенным признакам можно осторожно предположить, что он является этническим хазарейцем или таджиком – Саджади родился на территории провинции Газни, где шиитское население представлено в основном этими двумя народностями. Как сообщил в интервью один из студентов, в вышеупомянутом университете «все преподаватели являются афганцами, обучавшимися в Иране или в иных зарубежных странах»¹⁷¹.

В 2011 г. Иран предложил администрации провинции Бамиан, где хазарейцы составляют большинство населения, построить здание больницы на 200 мест и безвозмездно предоставить для этих целей 30 млн долларов США¹⁷². Не обошлось и без условий со стороны Ирана, но они не были связаны с необходимостью возврата потраченных средств и на первый взгляд казались несущественными – больница должна быть названа в честь аятоллы Рухоллы Хомейни,

¹⁶⁷ Титул «Аятолла» используется только среди шиитского духовенства (прим. авт.).

¹⁶⁸ Controversial Madrasah Builds Iran's Influence In Kabul // Radio Free Europe. URL: http://www.rferl.org/a/Controversial_Madrasah_Builds_Irans_Influence_In_Kabul/2212566.html

¹⁶⁹ Раис-е данешгах (Ректор) // Университет Хатам аль-Набиин. URL: <http://khu.edu.af/about/%d8%b1%d8%a6%db%8c%d8%b3%d8%af%d8%a7%d9%86%d8%b4%da%af%d8%a7%d9%87/>

¹⁷⁰ Сейед Абдулкаюм Саджади // Банк-е эттелаат Раджаль. URL: <https://goo.su/3ftp>.

¹⁷¹ Controversial Madrasah Builds Iran's Influence In Kabul. URL: http://www.rferl.org/a/Controversial_Madrasah_Builds_Irans_Influence_In_Kabul/2212566.html

¹⁷² Спонсируемая Ираном больница в Афганистане вызывает подозрения // Радио Азаттык. <http://rus.azattyq.org/a/tehran-sponsored-hospital-eyed-with-suspicion-in-afghanistan/25415196.html>

первого рахбара (верховного правителя) Ирана. Также Иран в обмен на выделение средств просил предоставить ему управление больницей сроком на 50 лет. Афганская сторона сочла последнее условие неприемлемым, после долгих и сложных переговоров стороны договорились о передаче больницы под управление Ирана всего на 5 лет, по истечении которых она перешла под руководство Министерства здравоохранения Афганистана. Аналогичная судьба ожидала и культурный центр Ирана при университете в той же провинции Бамиан, однако в 2012 г. он был закрыт после протестов студентов и из-за опасения распространения и закрепления влияния Ирана в провинции¹⁷³.

Приведенные эмпирические данные демонстрируют, что даже в таких случаях, далеких от большой политики, Афганистан зачастую выступает объектом приложения внешнеполитических усилий ряда региональных игроков, в частности, Ирана. Однако его внешнеполитическая деятельность подчас сталкивается с определенными трудностями в Афганистане, с отторжением даже среди хазарейцев, которые, как и иранцы, придерживаются норм шиитского ислама. Иногда в афганских средствах массовой информации, выражающих взгляды хазарейцев или близких к их общинам, можно встретить статьи откровенно антииранской направленности под соответствующими заголовками, например: «Хазарейцы подвергаются пыткам в Иране и жертвуют собой ради него»¹⁷⁴ или «Хазарейцы – основная жертва политики вмешательства Ирана в дела Афганистана»¹⁷⁵.

¹⁷³ Ibid.

¹⁷⁴ Хазарахо дар Иран шеканджа ва ба хатер-е Иран курбани мишавад (Хазарейцы подвергаются пыткам в Иране и гибнут за него) // Kabul Press. URL: <http://www.kabulpress.org/article3564.html>

¹⁷⁵ Хазарахо бозоргтарин курбан-е сиясат-е модахеладжуёна-е Иран дар Афганистан (Хазарейцы – самая крупная жертва политики вмешательства Ирана в Афганистане) // Hazara International Network. URL: <http://www.hazarapeople.com/fa/?p=18261>

Как представляется, главным препятствием в развитии и укреплении отношений между Ираном и хазарейцами Афганистана является их различающаяся этническая идентичность. И это различие не сглаживается конфессиональной общностью. Иран остается государством, где сосуществуют различные этносы, в том числе и довольно крупные по численности; но хазарейцы идентифицируют себя, во-первых, со своей национальной общностью, а не с персами и уж тем более иранскими азербайджанцами (если рассматривать два крупнейших этноса Ирана). Во-вторых, хазарейцы склонны идентифицировать себя как часть афганского государства, несмотря на исторически дискриминируемое социальное положение.

В качестве реакции социума на активную иранскую политику возможны случаи проявления таких подходов, которые в Афганистане определяются как «патриотизм», выражающихся в основном в недоверии по отношению к деятельности иностранцев в стране, склонности видеть в ней инструмент «закабаления» Афганистана и попыток поставить страну под внешний контроль. Опциональным приложением к такому типу политического дискурса является «комплекс жертвы», культивирующий чувство униженности в результате действий сторонних акторов. Впрочем, в условиях Афганистана говорить о полном принятии хазарейцами подобного рода дискурса не приходится – скорее, он носит характер фонового явления с эпизодическими вспышками открытого проявления. Схожую риторику в афганских СМИ и иных публицистических материалах можно увидеть и в отношении политики внешних акторов в различные периоды истории страны, начиная взаимодействием с Британской империей и заканчивая присутствием на территории Афганистана войск СССР или НАТО. Описанный в данном абзаце паттерн политического поведения более характерен для этносов, обладающих более широким политическим представительством.

Описанное выше явление, как представляется, является свидетельством различий в «политическом языке» незападных и западных стран. Первые пользуются понятиями, сформировавшимися в западных странах, однако, адаптируясь в условиях иной политической культуры, они приобретают иное смысловое наполнение по сравнению с тем, которое уже устоялось на Западе.

Внешнеполитическая деятельность Ирана по отношению к Афганистану, как уже говорилось в первой главе, во многом подчиняется логике противостояния с Саудовской Аравией, которая позиционирует себя в качестве лидера арабских (и суннитских) стран. Резкое ухудшение отношений между Ираном и Саудовской Аравией берет начало еще в 1979 г., когда пришедшая к власти в результате Исламской революции новая элита страны объявила курс на «экспорт исламской революции». Такой подход встретил закономерное сопротивление среди государств региона, в особенности ему противились монархии Персидского залива, где идеи аятоллы Хомейни воспринимались как угроза для правящих династий. Как отмечает С.Б. Дружиловский, «в тот период иранское руководство переоценивало свои силы, считая, что легко удастся поднять мусульманские народные массы для свержения правящих в арабских странах Персидского залива режимов и установить там правление по иранскому образцу. Бесславное окончание ирано-иракской войны заставило иранское руководство частично пересмотреть свои радикальные установки и снять с повестки дня тезис об экспорте исламской революции»¹⁷⁶. И в настоящее время вопрос об «экспорте революции» не стоит, но государственные интересы Ирана (а фактически интересы правящего режима) никто не отменял.

Однако Иран и Саудовская Аравия продолжают действовать в русле взаимного конфликтного восприятия, в том числе

¹⁷⁶ Дружиловский С.Б. Шиитский полумесяц на Ближнем Востоке. Миф и реальность // Иран во втором десятилетии XXI века: вызовы и перспективы. М.: ИВ РАН, 2016. С. 53.

и на афганском направлении. Иран в основном делал ставку на двусторонние экономические отношения и «мягкую силу», Саудовская Аравия отдавала предпочтение политическим методам и прямому финансированию отдельных проектов. Так, в 2015 г. Королевство пригласило Афганистан участвовать в антитеррористической коалиции мусульманских государств в Йемене¹⁷⁷, через год во время визита в Саудовскую Аравию главного исполнительного лица Афганистана Абдуллы Абдуллы Афганистан дал согласие на присоединение к этой коалиции¹⁷⁸. Действия Саудовской Аравии в культурно-образовательной сфере все же отстают от политических: из крупных проектов в данной области можно выделить разве что предложенный Королевством в 2016 г. проект создания учебного исламского центра в юго-восточной провинции Нангархар¹⁷⁹.

Последний факт вписывается в тезис, озвученный в предыдущей главе – Саудовская Аравия не делает ставку на какой-либо этнос в Афганистане, для нее важнее исламский фактор, который обуславливал поддержку исламистских группировок, придерживающихся суннитского ислама, в различные периоды истории ИРА в XX и XXI веках, начиная от моджахедов и заканчивая талибами. В афганской прессе и публицистике широко распространено мнение, что саудовцы таким образом стремятся распространить в стране идеи ваххабитского течения ислама, которого они сами придерживаются¹⁸⁰. Однако такие заявления представляются не вполне корректными в силу того, что ваххабитский ислам основан на нормах ханбалитского мазхаба (богословско-правовой школы), распространенного на Аравийском полуострове. В Афганистане подавля-

¹⁷⁷ Саудовская Аравия приглашает Афганистан вступить в антитеррористический исламский блок // Afghanistan.ru. URL: <http://afghanistan.ru/doc/92809.html>

¹⁷⁸ Афганистан примкнул к антитеррористической коалиции, созданной Саудовской Аравией // Afghanistan.ru. URL: <http://afghanistan.ru/doc/103532.html>

¹⁷⁹ Акценты Недели: Политический процесс в Афганистане 10–16 октября 2016 года // Afghanistan.ru. URL: <http://afghanistan.ru/doc/103481.html>

¹⁸⁰ Накша-е ваххабиho-е сауди бара-е Афганистан (Замысел саудовских ваххабитов в отношении Афганистана) // Ariana News. URL: <https://goo.su/3FTR>

ющее большинство суннитов придерживаются норм ханафитского мазхаба. Даже фундаменталистская деобандийская ветвь ислама, характеризующаяся крайним пуританством и разделяемая представителями Движения талибов, формировалась на основе ханафитского мазхаба. Вряд ли простые афганцы и местные богословы окажутся восприимчивы к несколько иным трактовкам норм ислама, потому корректнее, пожалуй, будет говорить, что на афганском направлении Саудовская Аравия стремится к поддержанию устойчивых связей с местными суннитами в целом. Как верно замечает Шахрбану Таджбахш применительно к Саудовской Аравии, «на афганской сцене конфессиональные вопросы не обязательно транслируются через поддержку основных суннитских групп (таких как большинство партий с преобладанием таджиков), но тех, которые могут обеспечить соблюдение исламской морали в государственном управлении и установление шариата в качестве основы законодательства страны»¹⁸¹.

Отрицать заметную роль Ирана во внешней политике Афганистана невозможно, в том числе и рассматривая последнюю с учетом религиозного фактора. При этом было бы абсолютно неверно рассматривать шиитское меньшинство Афганистана как проводника интересов Ирана в стране, а политику Ирана как направленную исключительно на мобилизацию шиитов в странах-соседях ради противостояния суннитским государствам Ближнего Востока и присутствия западных воинских контингентов в Афганистане. Тем более, попытки Ирана добиться абсолютной лояльности среди шиитских общин не только в Афганистане, но и в других странах Ближнего Востока, выглядят утопичными. С.Б. Дружиловский справедливо отмечает: «Идея создания антисуннитского шиитского полумесяца во главе с Ираном выглядит совершенно нереалистичной. <...> Иран, несомненно, использует шиитский фактор в своей внешней политике, но не для

¹⁸¹ Tadjbaksh S. The Persian Gulf and Afghanistan: Iran and Saudi Arabia's Rivalry Projected // Peace Research Institute Oslo. March 2013. P. 45.

шиитской идеологизации мусульманского мира, а как средство для решения вполне земных прагматических задач, отражающих национальные интересы ИРИ»¹⁸². Действительно, Иран пытается разыгрывать карту шиитского меньшинства в Афганистане, взаимодействует с ним, и вряд ли откажется от этой линии в дальнейшем, то есть применительно к афганскому направлению внешней политики ИРИ ориентируется на конфессиональный фактор, а не на этнический. Здесь действует парадигма обеспечения безопасности от исходящих с территории Афганистана угроз и реализации экономической повестки. При этом нельзя не подчеркнуть еще раз, что в подходах иранской стороны подчас прослеживается квазинаучная логика классической геополитики, что на афганском направлении увязывается с присутствием контингентов НАТО и ее союзников и в определенной степени оказывает корректирующее влияние на политику Ирана по отношению к Афганистану. Так, после 2001 г. Иран весьма осторожно подходит к поддержанию прямых контактов с руководством страны, воспринимая этих людей как проводников интересов коллективного Запада.

Еще одним важным фактором, сдерживающим влияние Ирана среди шиитских меньшинств и ограничивающим применение политических инструментов, в том числе и в Афганистане, является его конституционная система «веляят-е факих», предусматривающая сосредоточение реальной власти в руках выдающегося богослова, рахбара, который де-факто считается высшим конституционным органом в системе государственной власти. Однако в шиитском богословии существуют и альтернативные трактовки догматических вопросов: до прихода «сокрытого» двенадцатого имама Махди духовенство не имеет право брать верховную власть в свои руки, потому что «истина» доступна лишь Махди. И нынеш-

¹⁸² Дружиловский С.Б. Внешнеполитический процесс в Республике Иран // Внешнеполитический процесс на Востоке: Учеб. пособие / Под ред. Д.В. Стрельцова. М.: Аспект Пресс, 2017. С. 97.

няя система власти в Иране воспринимается в ряде шиитских общин скептически, как узурпация власти последнего Имама и выхолащивание сути шиитского учения.

Еще одно измерение тематики политического ислама в Афганистане, имеющее внешнеполитическую проекцию, связано с расселением на территории северо-восточной провинции Бадахшан и, в меньшей степени, в центральном Афганистане общин исмаилитов. Районы их проживания ограничиваются несколькими горными долинами – Шугнан, Вахан и Рушан, часть которых находится на территории Таджикистана. В регионе активно действуют структуры духовного лидера исмаилитов Ага Хана IV, в частности, Фонд Ага Хана, обладающий широкой географией деятельности – помимо Афганистана, Фонд представлен в двадцати девяти государствах мира, поэтому будет корректно говорить уже о глобальном, а не региональном масштабе его деятельности¹⁸³. В Афганистане Фонд представлен во всех провинциях страны, но особую активность он проявляет в семи провинциях, где присутствуют общины исмаилитов (см. Приложение 5). Все эти провинции (Баглан, Бадахшан, Бамиан, Кундуз, Парван, Саманган и Тахар) расположены либо на северо-востоке страны, либо в центральном Афганистане, на территории исторической области Хазараджат¹⁸⁴. Внутри Афганистана политические интересы исмаилитов в основном канализируются через фигуру их лидера Сайеда Мансура Надери и управляемую им «Партию национальной солидарности Афганистана». Однако имеющаяся информация об их деятельности позволяет сделать выводы об их небольшой значимости в политической жизни Афганистана и слабой вовлеченности во внешнеполитические вопросы, поэтому целесообразнее будет сфокусироваться на деятельности Фонда Ага Хана.

¹⁸³ Рассчитано по данным доклада «Overview of the Aga Khan Development Network» // AKDN.URL: http://www.akdn.org/sites/akdn/files/media/publications/2016_06_akdn_overview_eng.pdf

¹⁸⁴ Afghanistan. Annual report // Aga Khan Foundation. 2015. P. 7.

Одно из основных направлений работы Фонда на территории Афганистана связано с проблематикой восстановления и развития инфраструктуры. Ага Хан IV еще в 2002 г. в ходе первой Токийской конференции по экономическому восстановлению Афганистана принял на себя обязательства по выделению для этих целей 75 млн долларов США. Однако Фонд впоследствии заявлял о существенном превышении реальных объемов выделения денежных средств Афганистану над первоначальными обещаниями Ага Хана IV – почти на 80%¹⁸⁵. То есть, суммарный объем выделенных средств составил примерно 135 млн долларов США. Тогда же Ага Хан IV выделил три главных направления деятельности Фонда в Афганистане, три стратегические цели:

1) создание «пояса безопасности» в Центральной Азии путем выборочного инвестирования средств в различные отрасли во всем регионе <...>;

2) поддержка репатриации беженцев и возвращения к мирной жизни бывших боевиков таким образом, который обеспечивал бы признание и уважение прав, обычаев и традиций этнических групп внутри страны;

3) «создание компетентных, стабильных, прозрачных и ответственных государственных органов, которые соответствовали бы нуждам большинства населения и обеспечивали бы процессы укрепления доверия и демократии, а также содействовали развитию страны»¹⁸⁶.

Последняя цель представлялась особенно актуальной именно в 2002 г., когда после силового отстранения от власти представителей Движения талибов Афганистан столкнулся с проблемой формирования новой политической системы страны. Поскольку на тот момент еще не была известна окончательная конфигурация этнического баланса в политических органах страны (а этнические меньшинства выступали кате-

¹⁸⁵ AKDN Activities in Afghanistan // Aga Khan Development Network. URL: <http://www.akdn.org/where-we-work/central-asia/afghanistan-0>

¹⁸⁶ Ibid.

горически против пуштунизации государственного аппарата), не исключено, что подобным образом Ага Хан добивался хотя бы ограниченного включения представителей исмаилитов (в массе своей не являющихся пуштунами) в новую систему государственных органов страны.

Стоит вновь подчеркнуть, что активность Фонда по восстановлению инфраструктуры и экономики Афганистана все же сводилась в основном к присутствию в северо-восточных и центральных провинциях Афганистана. Наиболее заметным реализованным проектом на этом направлении стал запуск совместной с Таджикистаном трансграничной программы укрепления социально-экономических связей афганской провинции Бадахшан и Горно-Бадахшанской автономной области в Таджикистане¹⁸⁷. В 2003 г. Фонд Ага Хана профинансировал строительство в афганской части Рушанской долины (также провинция Бадахшан) телефонной станций¹⁸⁸. Позднее на средства Фонда в Кабуле был построен первый пятизвездочный отель; по некоторым данным, его строительство потребовало вложения примерно 36 млн долларов США.¹⁸⁹ В начале 2017 г., при поддержке посольств Франции и Канады было завершено строительство госпиталя в провинции Бамиан, где проживает крупная община исмаилитов¹⁹⁰.

Еще одним направлением работы Фонда стала образовательная деятельность, в частности, расширение доступа к получению образования, строительство новых школ¹⁹¹. В Кабуле представлены и программы высшего образования – их реализует базирующийся на территории Пакистана Уни-

¹⁸⁷ Ibid.

¹⁸⁸ Шабака-е тавсеа-е Ага Хан (Система развития Ага Хана) // Aga Khan Development Network. 2007. P. 13.

¹⁸⁹ Ibid. P. 21.

¹⁹⁰ Дидар-е шахдохт Захра Ага Хан бо моавен-е Раис Джомхур (Встреча принцессы Захры Ага Хан с заместителем президента) // Second Vice-President of the Islamic Republic of Afghanistan. URL: <http://www.vpo.gov.af/news/item/1778-2017-04-25-03-46-35>

¹⁹¹ Шабака-е тавсеа-е Ага Хан (Система развития Ага Хана). 2007. P. 28.

верситет Ага Хана при поддержке Французского института детской медицины. Подготовка специалистов ведется в настоящее время по семи направлениям¹⁹². Партнерами Фонда при реализации образовательных программ являются правительства Афганистана и Франции, а также французская НПО «La Chaîne de l'Espoir»¹⁹³.

Фонд Ага Хана занимается в Афганистане и коммерческими проектами, а не только деятельностью на безвозмездной основе¹⁹⁴. Коммерческая деятельность в основном сводится к руководству Первым банком микрофинансирования, чья совокупная капитализация, по некоторым оценкам, превышает 60 млн долларов США¹⁹⁵. Курирующей организацией в структуре самого Фонда является Агентство Ага Хана по микрофинансированию. Банк занимается выдачей микрокредитов населению Афганистана, но рассчитан преимущественно на работу с люмпенизированными слоями населения и вернувшимися в страну беженцами¹⁹⁶.

Имеются сведения и о контактах руководства Фонда Ага Хана (в основном, членов его семьи) с политическими лидерами Афганистана. В частности, весной 2017 г. визит в Афганистан нанесла дочь Ага Хана IV, которая встретилась с Главным исполнительным лицом Афганистана Абдуллой Абдуллой и вторым вице-президентом страны Сарваром Данешем. В своем выступлении она подтвердила намерения Фонда Ага Хана и в дальнейшем продолжать реализацию программ по экономическому и инфраструктурному восстановлению Афганистана¹⁹⁷. Отметим, что дочь Ага Хана встречалась

¹⁹² The Aga Khan University Report. 2014. P. 7.

¹⁹³ Ibid. P. 11.

¹⁹⁴ Дружиловский С.Б. Конфликт в Афганистане выгоден всем, кроме афганского народа // МГИМО. URL: http://mgimo.ru/about/news/experts/118679/?sphrase_id=2117038

¹⁹⁵ Afghanistan. Annual report // Aga Khan Foundation. 2015. P. 5.

¹⁹⁶ Шабак-е тавсе-е Ага Хан (Система развития Ага Хана). 2007. P. 38.

¹⁹⁷ Комакхо-е боньяд-е Ага Хан ба Афганистан эдома хохад ёфт (Помощь Фонда Ага Хану Афганистану продолжится) // Афган Хабар. URL: <https://goo.su/3fTt>

с таджиком (Абдулла) и хазарейцем (Данеш) – то есть, представителями тех этносов Афганистана, среди которых распространен исмаилизм.

В то же время помощь Афганистану через каналы Фонда Ага Хана носит интернационализированный характер – список доноров программ Фонда весьма внушительный и включает в себя ряд неправительственных и государственных структур. В частности, в нем фигурируют Канадское отделение Фонда Ага Хана, Министерства иностранных дел Австралии, Франции и Норвегии, Фонд ЮНИСЕФ и даже компания Johnson&Johnson, производящая медицинские товары и оборудование. С афганской стороны основными донорами являются Министерство общественного здравоохранения и Министерство сельскохозяйственного развития, в сферах деятельности которых как раз реализуются многие программы Фонда Ага Хана в Афганистане¹⁹⁸.

Анализ деятельности Фонда Ага Хана в Афганистане позволяет сделать выводы, что она не носит исключительно религиозно-конфессионального подтекста. Несмотря на очевидную приоритетную направленность его деятельности на работу с исмаилитскими общинами, Фонд Ага Хана присутствует во всех провинциях страны.

Теоретически, Афганистан может более активно присоединиться к деятельности Фонда на своей территории, стремясь подобным образом взять под правительственный контроль реализацию программ Фонда и попытаться таким образом если не продвинуть собственную повестку дня, то, по крайней мере, укрепить свой авторитет. Однако здесь страна сталкивается с двумя проблемами, которые серьезно осложняют активное сотрудничество Афганистана с Фондом Ага Хана:

1) Афганистан не имеет достаточных объемов финансовых средств для донорства программ Фонда, не говоря

¹⁹⁸ Afghanistan. Annual report // Aga Khan Foundation. 2015. P. 20.

уже о том, что поступающие через программы иностранной помощи деньги расходуются в стране крайне неэффективно;

2) В современном Афганистане отсутствует политическая воля для сотрудничества с Фондом Ага Хана в отношении проектов, осуществляемых за рубежом. Высокопоставленные должностные лица сфокусированы в основном на внутренних проблемах, продвижении собственной повестки (в том числе и на политической борьбе в высших эшелонах власти) и вряд ли будут всерьез рассматривать подобную возможность как соответствующую их интересам. К тому же неисмаилитская часть населения Афганистана, скорее всего, скептически отнесется к потенциальному сотрудничеству с исмаилитами ради реализации таким образом общеафганских интересов; религиозные различия и узость социальной базы исмаилитской трактовки ислама в данном случае сыграют решающую роль.

Подводя итоги, следует констатировать справедливость ранее высказанного предположения об определенной значимости религиозного фактора во внешней политике Афганистана. При этом он, во-первых, не имеет определяющего значения при формулировании внешнеполитической линии ИРА и редко затрагивает уровень первых лиц государства. Во-вторых, религиозный фактор является лишь составной частью афганского вектора политики ряда внешних акторов, и ни в одном случае он не играет однозначно решающей роли. Вновь приходится констатировать, что и сквозь призму данного фактора Афганистан также зачастую выступает не только как активный субъект внешнеполитической активности, но также как объект такой деятельности для сторонних, внешних акторов.

Глава 3

ФАКТОР ВНУТРЕННЕЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ОПАСНОСТИ

3.1. «Торговля безопасностью» и переговоры с экономическими донорами Афганистана

Свержение режима талибов в результате операции сил международной коалиции в 2001 г. принесло Афганистану два крупных вызова – формирование новой политической системы по образу и подобию тех, что сложились в странах Запада, и восстановление экономической базы страны, разрушенной несколькими десятилетиями войны и редуцировавшейся главным образом до культивации опиумного мака. Не менее острым был и вопрос источников финансирования, жизненно необходимого для осуществления столь масштабных трансформаций. Опирайтесь на внутренние ресурсы Афганистан не мог в силу их ограниченности: даже в довоенное время Афганистан не покидал списка наименее развитых стран мира (Least Developed Countries), подготавливаемого ООН¹⁹⁹ (их список ведется с 1971 г.), а к моменту начала восстановления страны после свержения режима талибов ее ВВП составлял всего 2,462 миллиарда долларов США (по текущим ценам)²⁰⁰.

Невозможность самостоятельного обеспечения постконфликтного восстановления Афганистана и планомерного развития страны сформировала еще одно направление внеш-

¹⁹⁹ LDC Membership // UN StatPlanet. URL: http://esango.un.org/sp/ldc_mem/web/StatPlanet.html

²⁰⁰ Afghanistan Data // World Bank. URL: <http://data.worldbank.org/country/afghanistan>

неполитической деятельности, связанное с получением максимально возможных средств в качестве безвозмездной иностранной помощи. На фоне сохраняющегося слабого экономического развития страны и продолжающегося вооруженного конфликта, Афганистан, несмотря на постепенный экономический рост в первое десятилетие после свержения режима талибов²⁰¹, по-прежнему является хроническим реципиентом иностранной помощи. Согласно официальным данным, даже через почти два десятилетия функционирования новой, постталибской политико-экономической системы, до 60% национального бюджета ИРА формируются за счет притоков иностранной финансовой помощи²⁰².

Точкой отсчета для привлечения иностранной финансовой помощи современному Афганистану является Токийская конференция стран-доноров Афганистана, прошедшая в начале 2002 г., где было представлено 61 государство, включая сам Афганистан, и 21 международная организация. По результатам Токийской конференции участники согласились выделить тогда еще Временной администрации под руководством Хамида Карзая 4,5 млрд долларов США в течение 5 лет²⁰³, из которых 1,8 млрд должны быть предоставлены в течение 2002 года²⁰⁴. С того момента главными донорами афганской экономики стали США, страны ЕС (в частности, Великобритания и ФРГ) и Япония.

На начальном этапе эволюции современного Афганистана в списке основных доноров страны значился и Иран, который к настоящему времени уже выпал из него, год от года сокращая объемы выделенной Афганистану безвозмездной денежной помощи. Если на Токийской конференции ИРИ

²⁰¹ Ibid.

²⁰² The USAID Afghanistan Plan for Transition. 2015–2018. P. 6.

²⁰³ Коргун В.Г. История Афганистана. XX век. С. 464.

²⁰⁴ О Токийской международной конференции по восстановлению Афганистана // МИД России. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/af/-/asset_publisher/gehUa6O4gSTV/content/id/568464

взяла на себя обязательства по предоставлению Афганистану 560 млн долларов США в течение пяти лет²⁰⁵, то в 2009–2010 гг. объем иранских дотаций составил лишь полтора млн долларов²⁰⁶; притом ИРИ после истечения вышеупомянутого пятилетнего срока уклонялась от принятия обязательств по предоставлению Афганистану денежных средств. Основное отличие иранской финансовой помощи Афганистану от предоставления средств коллективным Западом заключалось в их предназначении для развития реального сектора экономики и реализации конкретных проектов. В основном деньги из ИРИ поступали в промышленный и сельскохозяйственный сектора афганской экономики, а также на инфраструктурное развитие²⁰⁷. Активную политику ИРИ проводила и в топливно-энергетическом секторе: так, на западе Афганистана Иран финансировал строительство линий электропередач²⁰⁸, одновременно осуществляя поставки нефтепродуктов – к началу 2010-х годов его доля на рынке нефтепродуктов ИРА достигала 30%²⁰⁹. Проанализированные в предыдущей главе действия Ирана по строительству образовательных и медицинских учреждений не входили в обязательства страны по оказанию помощи Афганистану.

С 2001 по 2016 г. регулярно проводились международные конференции по афганской проблематике, в ходе которых одной из центральных тем неизменно становился вопрос предоставления Афганистану безвозмездной финансовой помощи. После 2016 г. основные решения по выделению Афганистану финансовых средств решались главным обра-

²⁰⁵ Мамедова Н.М. Иранские интересы в Афганистане и основные параметры ирано-афганских отношений // Современный Афганистан и сопредельные страны. Сборник статей. М.: ИВ РАН, 2011. С. 78.

²⁰⁶ Там же. С. 79.

²⁰⁷ Мамедова Н.М. Афганское направление иранской политики в период М. Ахмадинежада // Иран при М. Ахмадинежаде. Памяти А.З. Арабаджяна. М.: ИВ РАН, Центр стратегической конъюнктуры, 2013. С. 124.

²⁰⁸ Мамедова Н.М. Иранские интересы в Афганистане... С. 81.

²⁰⁹ Там же. С. 84.

зом в более узких многосторонних форматах – так, центральными площадками для обсуждения стали НАТО и ЕС. Еще одним, хотя и гораздо менее значимым каналом предоставления финансовой помощи стала Миссия ООН по содействию Афганистану (МООНСА).

Второй крупной международной конференцией по Афганистану после Токийской стала Берлинская, созванная весной 2004 г. Фактически она ознаменовала завершение двух лет работы Переходной администрации Хамида Карзая и окончательное оформление новой, постталибской политической системы Афганистана. Поэтому на повестке дня Берлинской конференции стояли преимущественно политические вопросы, касающиеся дальнейшего развития политико-экономической системы современного Афганистана: организация президентских выборов, борьба с производством наркотиков и выращиванием опиатов на территории страны, обеспечение верховенства права. Тем не менее среди результатов конференции необходимо отметить обязательство стран-участников предоставить Исламской Республике Афганистан 8,2 млрд долларов в течение трех лет (т. е. до марта 2007 г.), около половины которых (4,4 млрд долларов) будут выделены за период одного календарного года (т. е. до конца марта 2005 г.)²¹⁰. Кроме того, страны НАТО приняли решение об увеличении численного состава миссии МССБ на территории Афганистана.

Состоявшаяся через 2 года в Лондоне очередная международная конференция по Афганистану решала непростую задачу содействия стране в выработке дальнейшего вектора развития – формально Боннский процесс, связанный с выстраиванием новой политической и экономической системы Афганистана, завершился в конце 2005 г. Была сформирована и опробована на практике новая система управления

²¹⁰ Berlin Conference, April 2004 // Office of the Deputy Minister for Policy. Ministry of Finance, Islamic Republic of Afghanistan. URL: <http://policymof.gov.af/berlin-conference-2004/>

государством, однако неясным было направление стратегического развития Афганистана. В ходе Лондонской конференции участники сформулировали «дорожную карту» для развития Афганистана, которая делала основной акцент на развитии в течение ближайших пяти лет трех сфер, необходимых для устойчивого демократического развития государства – безопасность, права человека и обеспечение верховенства закона, последовательное экономическое и социальное развитие²¹¹. В качестве основных целевых показателей развития Афганистана на ближайшие пять лет были названы:

1) увеличение численного состава афганской армии до 70 000 человек;

2) разоружение всех незаконных вооруженных формирований до конца 2007 г.;

3) проведение реформы государственного аппарата до конца 2010 г.;

4) проведение переписи населения до конца 2008 г.;

5) до конца 2010 г. привести аэропорты Кабула и Герата в соответствие с международными стандартами ИКАО, провести глубокую модернизацию инфраструктуры аэропортов Мазари-Шарифа, Джелалабада и Кандагара;

6) к концу 2010 г. обеспечить следующий уровень зачисления в начальную школу: 60% для девочек и 75% для мальчиков. 70% учителей должны будут пройти проверку на профпригодность;

7) обеспечить зачисление в университеты Афганистана 100 000 студентов, среди которых девушки должны составлять как минимум 35%²¹².

В ходе Лондонской конференции доноры афганской экономики приняли обязательства по увеличению объемов финансовой помощи Афганистану до 10,5 млрд долларов

²¹¹ London Conference, January 2004 // Office of the Deputy Minister for Policy. Ministry of Finance, Islamic Republic of Afghanistan. URL: <http://policymof.gov.af/london-conference-2006/>

²¹² Ibid.

в течение следующих 5 лет. При этом около 80% этих средств приходились на новые обязательства провайдеров экономической помощи, среди которых основные объемы иностранной помощи были предоставлены США, Великобританией, Всемирным банком и Азиатским банком развития (АБР)²¹³.

На повестке дня Парижской конференции по Афганистану в 2008 г. вопросы предоставления безвозмездной иностранной помощи являлись уже основной темой. Изменился и внутривнутриполитический контекст в Афганистане – к 2008 г. активизировались боевики Движения талибов, военно-политическая обстановка в стране заметно ухудшилась; при этом, несмотря на рост экономики по абсолютным показателям, каких-либо прорывов добиться не удавалось – страна по-прежнему зависела от иностранной помощи и не могла наладить собственные механизмы получения доходов. Как пишет М.Р. Арунова, в такой ситуации «афганское правительство запросило у доноров предоставить более 50 млрд долларов, заявив при этом, что сами афганцы в состоянии обеспечить только 6,9 млрд за счет внутренних средств»²¹⁴. Совокупный объем обязательств по предоставлению иностранной помощи Афганистану достиг максимума – 21,4 млрд долларов, но данная цифра включает и непогашенные финансовые обязательства иностранных доноров, взятые еще на предыдущих международных конференциях²¹⁵.

Вскоре для Афганистана несколько изменился и внешнеполитический контекст – к власти в США пришла администрация Барака Обамы. Поначалу, во время своего первого президентского срока, Обама был склонен, в духе своего предшественника, к силовому решению проблемы. Поэтому особое значение приобрело военное сотрудничество США

²¹³ Коргун В.Г. Конференция по Афганистану в Лондоне // Afghanistan.ru. URL: <http://afghanistan.ru/doc/5248.html>

²¹⁴ Арунова М.Р. Обострение обстановки в Афганистане и Парижская конференция // Институт Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/?p=7385>

²¹⁵ Ibid.

и Афганистана, в том числе и в виде безвозмездной помощи, что соотносилось с положениями новой комплексной стратегии США в отношении Афганистана и Пакистана, принятой в марте 2009 г. Стратегия Обамы благоприятствовала кабульскому режиму – предусматривалось двукратное увеличение численности личного состава американской армии в Афганистане на фоне интенсификации боевых действий²¹⁶. Основной мишенью американских войск, естественно, являлись талибы – задача разоружения бывших полевых командиров моджахедов была практически полностью решена. Ряд известных моджахедов еще после Боннской конференции были рекрутированы в государственный аппарат, занимая высокие посты вице-президентов и министров (как, к примеру, маршал Мохаммад Фахим или Юнус Кануни). Из бывших лидеров моджахедов сопротивление продолжал лишь Гульбеддин Хекматъяр. Поэтому реальную опасность для правительства и сил коалиции представляли в первую очередь талибы, после разгрома в 2001 г. сумевшие перегруппироваться и набрать новые боееспособные отряды. Именно вопросы безопасности легли в основу интенсификации политического диалога как в рамках международных конференций по Афганистану, так и по линии НАТО и Европейского Союза.

С 2009 г. на фоне постепенного ухудшения внутривнутриполитической ситуации в Афганистане международные конференции доноров стали проводиться практически ежегодно, кроме 2013 и 2015 гг.; параллельно афганская проблематика обсуждалась и на саммитах НАТО и ЕС.

Таким образом, стоит зафиксировать заметную тенденцию в организации международного взаимодействия по Афганистану – 2008 год стал переломным моментом, после него на международных конференциях повестка постконфликтного восстановления и устойчивого, демократического развития Афганистана размывается и замещается

²¹⁶ Кухманд Х. Новая стратегия США и афганско-пакистанские отношения // Afghanistan.ru. URL: <http://afghanistan.ru/doc/16116.html>

вопросами обеспечения безопасности. Немалую роль в этом сыграла смена настроений среди руководства НАТО и США в частности – увеличение численности войск в Афганистане не привело к каким-либо существенным сдвигам в патовой обстановке внутри страны. Напротив, возросли издержки от поддержания двух крупных военных операций США – в Афганистане и Ираке. Поэтому уже в середине первого президентского срока Барака Обамы наметился план своего рода «организованного отступления» – первыми войска США были выведены из Ирака, была инициирована дискуссия и о существенном сокращении личного состава в Афганистане и постепенной передаче афганским Силам безопасности ответственности за обеспечение и поддержание безопасности в стране. С 2011 г. численность войск НАТО начинает сокращаться.

Апофеозом сокращения присутствия НАТО в Афганистане и «транзита ответственности» стало завершение миссии Международных сил содействия безопасности 31 декабря 2014 г., на смену им пришла операция НАТО «Решительная поддержка», среди заявленных целей которой значатся подготовка и консультирование Сил безопасности Афганистана и полиции. По состоянию на начало 2019 г. деятельность миссии поддерживали чуть менее 17 000 человек²¹⁷ из 38 стран мира (в официальных материалах НАТО называется число в 16551 человек, включая небольшие контингенты из государств, не являющихся членами НАТО, например, Австралия, Армения, Монголия или Новая Зеландия²¹⁸), в то время как максимальная численность контингента МССБ в Афганистане составляла почти 130 000 человек²¹⁹. Отдельно на тер-

²¹⁷ NATO and Afghanistan // NATO. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_8189.htm

²¹⁸ Resolute Support Mission: Key Facts and Figures // NATO. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2020/2/pdf/2020-02-RSM-Placemat.pdf

²¹⁹ U.S. Relations with Afghanistan // U.S. Department of State. URL: <https://www.state.gov/r/pa/ei/bgn/5380.htm>

ритории страны находятся подразделения американского спецназа, структурно не входящие в силы миссии «Решительная поддержка»; их численность оценивается примерно в 2–2,5 тысячи человек.

Еще одной темой остается присутствие на территории Афганистана американских частных военных компаний, сведения о которых весьма скудны и фрагментированы. Недостаточность достоверной информации подчас порождает в прессе спекуляции по данному вопросу, затруднение представляют и попытки оценки численности их персонала в ИРА. Если систематизировать имеющуюся информацию, то история ЧВК в Афганистане началась практически одновременно с западным вооруженным вмешательством в целях свержения режима талибов в 2001 г. По типологии их можно разделить на три вида:

- 1) афганские;
- 2) иностранные;
- 3) смешанные (созданные иностранцами, но контингент составляют нанятые афганцы).

Начало военного присутствия НАТО в Афганистане ознаменовалось резким ростом количества различных ЧВК. Часть из них выполняла миссии по охране иностранных посольств (к примеру, известные американская ЧВК Blackwater и компания по предоставлению услуг в сфере безопасности DynCorp²²⁰ с 2001 г. охраняли посольство США и штаб ЦРУ²²¹) и участвовала в обучении афганского персонала, в частности, полиции и национальной группы по пресечению контрабанды наркотиков. В составе последней в подготовительной программе, реализуемой Blackwater, участвовали и афганские женщины (правда, их доля была скромной, по состоянию на 2005 год всего 6%). Курсы длились

²²⁰ Сфера охвата услуг, предоставляемых данной компанией гораздо шире и включает в себя, к примеру, обеспечение техобслуживания самолетов и вертолетов, поэтому ее нельзя однозначно отнести к ЧВК (прим. авт.)

²²¹ Brooking S. Private Security Companies in Afghanistan. 2001–2011. P. 1.

6 недель и включали в том числе отработку навыков обращения со стрелковым оружием, первой помощи и тактики переговоров. Сейчас реализацию данной программы осуществляют сами афганцы²²². В числе иных задач иностранных ЧВК в Афганистане называют также сбор разведывательных данных (intelligence gathering) и охрану первых лиц государства (в период правления Хамида Карзая эту функцию выполняла американская компания DynCorp)²²³.

Афганское правительство предпринимало робкие попытки ограничить или хотя бы урегулировать деятельность частных военных и охранных компаний в стране, но это делалось непоследовательно и подчас беспорядочно – если в 2006 г. МВД Афганистана начало выдачу лицензий на деятельность ЧВК, то уже в 2008 г. было принято решение о запрете их функционирования в стране, отмененное уже 10 дней спустя под давлением международного сообщества. Процесс регистрации возобновился. Изменения в политике афганского руководства в отношении частных военных и охранных компаний были зафиксированы с назначением в 2008 г. министром внутренних дел Ханифа Атмара, который выступил с идеей замены всех частных охранных компаний в стране на находящиеся под контролем МВД ИРА Афганские силы общественной защиты (Afghan Public Protection Force, APPF). В 2010 г. вышел указ президента Карзая, обязующий все частные военные и охранные компании в стране завершить свою деятельность до конца календарного года, но реформа, предложенная Х. Атмаром, была запущена лишь в 2012 г., когда тот уже покинул пост главы МВД²²⁴.

²²² Schulz S., Yeung C. Private Military and Security Companies and Gender. Gender and Security Sector Reform Toolkit / Ed. by Megan Bastick and Kristin Valasek. Geneva, 2008. P. 8.

²²³ Olsson C. The politics of the apolitical: private military companies, humanitarians and the quest for (anti-) politics in post-intervention environments // Journal of International Relations and Development. 2007. № 10. P. 345.

²²⁴ Brooking S. Private Security Companies in Afghanistan. P. 2–3.

Сейчас APPF (после очередной реформы она называется National Public Protection Force, NPPF) является ведущей из подобных компаний в стране и выполняет в основном охранные функции. На ее официальном сайте указано, что в ее составе есть 3 управления, отвечающие за охрану международных объектов, обеспечение безопасности автомобильных колонн и за охрану государственных учреждений²²⁵. Однако к частным компаниям ее относить нельзя, поскольку, как уже отмечалось выше, она является структурным подразделением МВД Афганистана. Интересным представляется сравнение механизма ее формирования с пуштунским племенным ополчением – на низовом, уездном уровне деятельности кандидаты отбираются племенными лидерами, и, в случае утверждения МВД Афганистана, отправляются на трехнедельные подготовительные сборы²²⁶. Однако такой механизм характерен для южных провинций, где как раз в зоне проживания пуштунов сохранилось племенное деление. В других районах страны отбор ведется уездными властями.

Присутствие частных военных и охранных компаний, как афганских, так и иностранных, принесло неоднозначные результаты, и после упоминания их успешных действий в стране, следует отдельно оговорить и отрицательные моменты. Во-первых, существуют сведения о военных преступлениях и нарушениях прав человека, совершаемых сотрудниками ЧВК, проблема их ответственности и подотчетности до сих пор сохраняется на повестке дня²²⁷. Во-вторых, в реальности использование западных ЧВК в Афганистане и их участие в том числе и в боевых действиях не способ-

²²⁵ National Public Protection Force // NPPF. URL: <http://nppf.gov.af/>

²²⁶ Laborie M. Afghanistan and Syria: Nonstate Actors and Their Negative Impact on Human Security // Public International Law and Human Rights Violations by Private Military and Security Companies / Ed. by Torroja H. Springer, Cham, 2017. P. 16.

²²⁷ См., в частности: Schoon E.W., DeRoche C. Legitimacy Building in Policy and Practice: The Case of US Private Military and Security Contractors (PMSCs) in Afghanistan // The Sociology of Privatized Security / Ed. by Swed O., Crosbie T. Palgrave Macmillan, Cham, 2019. P. 75–76.

ствовало укреплению легитимности кабульского правительства и сыграло определенную роль в настрое населения против властей и присутствия в стране их зарубежных партнеров. В-третьих, если речь идет об афганских частных военных и охранных компаниях, то произошло их сращивание с государственными или местными элитами, многие ЧВК подчиняются должностным лицам ИРА или членам их семей, и контролировать их в условиях продолжающейся нестабильности в Афганистане государство не в состоянии²²⁸. В-четвертых, наблюдались разногласия между подходами правительства Афганистана и их иностранных партнеров к формированию частных военных и охранных компаний в ИРА. Если для последних применение ЧВК было, в общем-то, естественным делом, частью сферы услуг в стране, то в Кабуле это (особенно в период президентства Хамида Карзая) воспринималось как угроза безопасности и целостности страны, сводящая на нет результаты программы по разоружению отрядов полевых командиров.

С 2010 г. процесс обсуждения военно-политической ситуации в Афганистане шел по линии НАТО и ЕС, притом первая была заметно активнее на афганском направлении – во многом, это обуславливалось фактором США, которые являются членом НАТО, но не ЕС. В Брюсселе предпочитали обсуждать социально-гуманитарные вопросы и выделять средства именно на развитие этой сферы – так, до 2020 г. ЕС принял обязательства по предоставлению Кабулу 5 млрд евро в дополнение к предоставленным ранее 13,6 млрд²²⁹. На этом фоне деятельность НАТО выглядит гораздо более

²²⁸ Laborie M. Afghanistan and Syria: Nonstate Actors and Their Negative Impact on Human Security. P. 15.

²²⁹ Конаровский М.А. Афганистан: к некоторым итогам 2018 года (Часть 2) // Afghanistan.ru. URL: <http://afghanistan.ru/doc/125901.html>

активной: в 2000-е годы на саммитах НАТО дискуссии шли в основном вокруг различных аспектов военной деятельности НАТО в ИРА, но теперь вопрос был перенесен в принципиально иную плоскость – Силы безопасности Афганистана и правительство должны самостоятельно нести ответственность за обеспечение безопасности. Итоговая декларация Лиссабонского саммита НАТО 2010 г. недвусмысленно гласит: «Мы [НАТО – *прим. авт.*] вступаем в новый этап нашей миссии [в Афганистане – *прим. авт.*]. Процесс перехода всей полноты ответственности за ситуацию в сфере безопасности и управления рядом провинций и районов планируется запустить в начале 2011 г. <...> К концу 2014 г. Силы безопасности Афганистана будут нести полную ответственность за обеспечение безопасности во всем Афганистане»²³⁰.

За передачей военно-политической ответственности прозвучала и идея транзита экономической ответственности: на саммите НАТО в Чикаго в 2012 г. говорилось о необходимости сокращать безвозмездную финансовую помощь Кабулу и повышении экономической ответственности афганского правительства²³¹. В Чикаго, пожалуй, впервые публично была выражена усталость доноров от вложений в Афганистан, которые не приносили большой отдачи и не вели к реформированию и развитию страны. При этом страны НАТО приняли на себя обязательства выделить ИРА 4 млрд долларов для усиления Сил безопасности страны²³². Тематика Афганистана не была обделена вниманием и во время саммита НАТО в Кардиффе в 2014 г., хотя основной акцент делался на наби-

²³⁰ Lisbon Summit Declaration // NATO. URL: http://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_68828.htm#afghanistan

²³¹ Chicago NATO Summit on Afghanistan, May 2012 // Office of the Deputy Minister for Policy. Ministry of Finance, Islamic Republic of Afghanistan. URL: <http://policymof.gov.af/chicago-nato-summit-on-afghanistan-2012/>

²³² NATO and Afghanistan // NATO. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_8189.htm

равшем силу украинском кризисе. Так, государства-члены НАТО приняли обязательства в дальнейшем оказывать содействие Афганистану по трем временным перспективам – краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной:

1) в краткосрочной перспективе миссия НАТО «Решительная поддержка», заменившая МССБ в Афганистане с 1 января 2015 г., будет осуществлять подготовку личного состава, консультировать и оказывать содействие Силам безопасности Афганистана;

2) в среднесрочном периоде финансовая поддержка²³³ Силам безопасности Афганистана будет поступать до конца 2017 г.;

3) в долгосрочной перспективе политические консультации и практическое сотрудничество в ряде сфер будут расширены в рамках механизма «Устойчивое партнерство НАТО-Афганистан», действующего с 2010 г.²³⁴

Вскоре после завершения саммита НАТО в Уэльсе 4–5 сентября 2014 г., в конце месяца США и Афганистан подписали двусторонний договор о безопасности. Путь к подписанию был весьма долгим: впервые об этом соглашении стало известно в 2012 г. – в тексте соглашения о стратегическом партнерстве между США и Афганистаном говорилось о намерении сторон в дальнейшем подписать двусторонний договор о безопасности, который должен был составить правовую основу военно-политического сотрудничества США и Афганистана после прекращения операции МССБ. Подготовка итогового текста соглашения началась практически сразу после подписания договора о стратегическом партнерстве, около года потребовалось на внесение поправок и согласование позиций сторон. Казалось бы, все было готово к подписанию, но тогдашний президент Афганистана Хамид Карзай сначала начал затягивать процедуру подписа-

²³³ Основные провайдеры финансовой помощи Афганистану в данном случае не указаны (прим. авт.).

²³⁴ Ibid.

ния, а потом и вовсе отказался от его заключения²³⁵. Подписание соглашения состоялось только осенью 2014 г. после избрания президентом Ашрафа Гани. Притом даже сама процедура вызвала множество вопросов и критики – соглашение подписывали не главы государств. С афганской стороны это сделал советник президента по национальной безопасности Ханиф Атмар (в настоящее время министр иностранных дел ИРА), с противоположной стороны – посол США в Афганистане.

Также основным удар критиков приняла на себя сохраненная в итоговом тексте договора статья об экстерриториальности военных объектов (в частности, военных баз) США в Афганистане²³⁶. Это означало, что военнослужащие и гражданские лица, находящиеся на территории этих баз/объектов, не могут быть задержаны правоохрнительными органами Афганистана (ст. 13, п. 4), а также не могут быть переданы без согласия США никаким международным судам или трибуналам, а также иным международным органам или государствам (ст. 13, п. 5)²³⁷. Взамен США приняли обязательства «каждый год осуществлять поиск финансовых ресурсов для подготовки личного состава, материально-техническое обеспечение, консультирование и усиление афганских Сил безопасности, пока они не будут в состоянии самостоятельно противодействовать внутренним и внешним угрозам» (ст. 4, п. 3)²³⁸. Предсказуемо, что данные положения Соглашения спровоцировали шквал критики в адрес США, вплоть до настойчивых попыток ведения учета их военных престу-

²³⁵ Мендкович Н. Новое партнерство США и Афганистана // Afghanistan.ru. URL: <http://afghanistan.ru/doc/78544.html>

²³⁶ Карордод-е хамкорихо-е амнияи ва дефай миян-е Джумхури-е Ислами-е Афганистан ва Аялат-е Моттахеда-е Амрика (Договор о сотрудничестве в сфере безопасности и обороны между Исламской Республикой Афганистан и Соединенными Штатами Америки) // Ministry of Foreign Affairs, Islamic Republic of Afghanistan. P. 17. URL: <http://mfa.gov.af/Content/files/BSA%20DARI%20%20AFG.pdf>

²³⁷ Ibid.

²³⁸ Ibid. P. 7.

плений в Афганистане и подсчетов числа погибших мирных жителей при авиаударах коалиции.

После 2014 г. проблематика Афганистана в дискуссиях на саммитах НАТО несколько отходит на второй план, уступая вопросам европейской безопасности. Так, в ходе саммита в Варшаве в 2016 г., где приняли участие президент Ашраф Гани и главное исполнительное лицо Абдулла Абдулла, в итоговой декларации вообще не говорится о конкретных объемах помощи, детально этот вопрос рассматривался на октябрьской конференции в Брюсселе. Декларировалось лишь намерение укрепить созданный в 2010 г. механизм «Устойчивого партнерства НАТО-Афганистан»; ИРА, в свою очередь, принимала обязательства по повышению боеспособности Сил безопасности, реформированию системы государственного управления и обеспечению участия женщин во всех сферах общественной жизни страны. О продолжении военной и финансовой помощи ИРА косвенно свидетельствовала лишь строчка из пункта 3 в итоговой декларации: «Афганистан не останется один»²³⁹.

На саммитах НАТО в 2017, 2018 и 2019 годах также не назывались точные объемы предоставляемой финансовой помощи. Тема Афганистана воспринималась как второстепенная на фоне более актуальных вызовов, связанных с будущим системы европейской безопасности. Так, в совместном заявлении государств-участников миссии «Решительная поддержка», обнародованном в ходе саммита НАТО 2018 г. в Брюсселе, говорится лишь об увеличении финансовой помощи Силам безопасности Афганистана до 2024 г. О финансовых вливаниях в невоенные сектора экономики сведений нет, что весьма симптоматично на фоне продолжающегося вооруженного конфликта в стране²⁴⁰. В итоговой

²³⁹ Warsaw Summit Declaration on Afghanistan // NATO. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133171.htm?selectedLocale=en

²⁴⁰ Joint Statement on the Resolute Support Mission in Afghanistan // NATO. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_156625.htm?selectedLocale=en

декларации Лондонского саммита НАТО в 2019 г. Афганистану посвящено лишь одно предложение: «Мы вновь подтверждаем нашу приверженность установлению долгосрочной безопасности и стабильности в Афганистане»²⁴¹. Более того, акцент международного сообщества сместился от помощи Афганистану к обеспечению мирного процесса – этому немало способствовали контакты и переговоры с талибами назначенного при президенте США Д. Трампе спецпредставителя по мирному урегулированию в Афганистане опытного дипломата афганского происхождения Залмая Халилзада²⁴². Более подробно тема мирного процесса будет рассмотрена в следующем разделе.

Существуют и альтернативные планы развития Афганистана, предлагаемые иностранными партнерами страны. Например, в 2015 г. Агентство США по международному развитию (USAID) разработало так называемый «план перехода» для Афганистана до 2018 г. Основная его тема – постепенный отход от ориентации экономики на получение иностранной помощи за счет роста, достигаемого в частном секторе экономики, который, по задумке, и должен обеспечить увеличение доходов бюджета и повышение уровня жизни населения²⁴³. В качестве потенциальных драйверов экономического роста рассматриваются сельскохозяйственный сектор, развитие образования и здравоохранения, а также укрепление легитимности кабульского правительства²⁴⁴. Однако сохранение внутрисполитической нестабильности в ИРА, высокие риски экономической деятельности и отсутствие внятных перспектив для частной экономической деятельности (в рейтинге сложности ведения бизнеса *Doing Business* по состо-

²⁴¹ London Declaration // NATO. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_171584.htm

²⁴² Указ о назначении Халилзада издал не президент Трамп, а госсекретарь США М. Помпео (прим. авт.).

²⁴³ The USAID Afghanistan Plan for Transition. 2015–2018. P. 3.

²⁴⁴ Ibid. P. 6–22.

янию на май 2018 г. Афганистан занимает 167 место из 190, показывая небольшое улучшение по сравнению с предыдущими годами²⁴⁵) не позволили реализовать этот проект и снижают вероятность успешного осуществления подобных планов в краткосрочной и среднесрочной перспективе практически до нуля.

Из приведенного выше эмпирического материала очевидно, что привлечение финансовой помощи доноров является довольно успешным направлением внешней политики современного Афганистана²⁴⁶. Можно спорить, насколько она адекватна, можно критиковать ее за отсутствие стратегического видения (мы уже отмечали, что концептуальные внешнеполитические документы в ИРА не публикуются), но сухой остаток таков: потоки финансовых средств поступали в Афганистан как во времена двух президентских сроков Хамида Карзая, так и во время нахождения у власти его преемника Ашрафа Гани. При этом, как представляется, подобная модель взаимодействия является выгодной для обеих сторон: Афганистан как более слабый и ограниченный в ресурсах партнер стремится эксплуатировать ресурсы обеспеченной стороны, параллельно добываясь таким образом выживания и сохранения у власти нынешних элит. Для государств-участников международной коалиции предоставление финансовой помощи Афганистану обусловлено, как представляется, в том числе и имиджевой составляющей – оно позволяет демонстрировать участие в восстановлении пострадавшей и слабо развитой страны, в борьбе с терроризмом без потерь личного состава, одновременно обеспечивая лояльность местных властей.

Существует мнение, что отчисления финансовых средств Афганистану являются одной из составляющих сохране-

²⁴⁵ Рейтинг стран // Doing Business. URL: <http://russian.doingbusiness.org/ru/rankings>

²⁴⁶ Автору уже доводилось высказывать этот тезис в более ранних работах по данному вопросу, см., в частности: Дауров Р., Саженов Н. Об общих принципах и особенностях внешнеполитической стратегии современного Афганистана // Восточная аналитика. 2020. № 1. М.: ИВ РАН. С. 80–91.

ния присутствия НАТО в Афганистане ради оказания давления на государства Центральной Азии, Иран и Китай. Однако такая версия представляется сомнительной – ее можно было всерьез рассматривать на пике военного присутствия НАТО в Афганистане, когда численность размещенных в стране военнослужащих доходила до 130 тысяч человек; но нынешнее число натовцев в стране, которые, к тому же, заняты в основном выполнением небоевых задач, явно недостаточно для военно-политического давления на соседние с Афганистаном страны, с которыми у ряда государств-членов НАТО (в первую очередь, США) сложные отношения.

Рассмотрение вопроса выделения иностранной финансовой помощи ИРА с учетом основных характеристик афганского общества дает несколько иной ракурс для понимания логики поведения афганского руководства. Как представляется, ключевым элементом здесь является сохранение такого специфического типа социального взаимодействия, как патронатно-клиентельные отношения. Схематично их можно представить в виде пирамиды, на верхушке которой расположен человек, обладающий достаточным количеством ресурсов для такой роли; как правило, он занимает высокое место и в племенной иерархии. Распределяя имеющиеся ресурсы и выступая в качестве арбитра в спорах, он привлекает к себе младших партнеров – «клиентов», с которыми у него устанавливаются взаимовыгодные отношения: клиент стремится через патрона транслировать и отстаивать свои интересы, в том числе и корпоративные. Как правило, взамен патрон может рассчитывать на лояльность клиента – последние редко обладают интересными патрону ресурсами или возможностями²⁴⁷. Выстраиваемая таким образом система в определенной степени основывается, по большому счету, на отно-

²⁴⁷ Там же. С. 17–18.

шениях спроса и предложения между различными уровнями этой «пирамиды».

Сквозь призму данной системы координат можно представить внешнеполитическую линию Афганистана, не последнюю роль в формулировании которой играет задача привлечения иностранной финансовой помощи, как своего рода проекцию патронатно-клиентельной модели на уровне международных отношений. Слабая ресурсообеспеченность Афганистана в сочетании со сложным внутривластным положением и неблагоприятной экономической ситуацией обуславливают поиск властвующей элитой своего «патрона». Последний выступает и как источник ресурсов, и как арбитр на случай внутренних разногласий (красноречивый пример – посредничество госсекретаря США Джона Керри в урегулировании политического кризиса после второго тура президентских выборов в 2014 г. или же попытка Залмая Халилзада после президентских выборов 2019 г. примирить легитимного президента Ашрафа Гани и не признавшего результаты выборов и объявившего себя президентом Абдуллу Абдуллу). Страны Запада, в основном члены НАТО, стали своего рода коллективным патроном для Афганистана.

Бесспорно, принципы взаимодействия акторов на международной арене отличаются от схемы отношений в традиционном обществе, но в общих чертах сходство между патронатно-клиентельной системой и отдельными направлениями внешней политики ИРА очевидно. В научной литературе подобная точка зрения также озвучивалась: «Выполнение функций патрона по отношению к различным общественным группам внутри страны вынуждало афганское руководство становиться клиентом зарубежных стран»²⁴⁸. Стоит еще раз отметить, что в условиях внутривластной нестабильности сохранение доступа к военной и финансовой помощи являлось своего рода гарантией удержания вла-

²⁴⁸ Лалетин Ю.П. Политическая система Афганистана: воздействие племенной организации // Восток. 2008. № 2. С. 144.

сти – в масштабах страны уже само правительство играло роль патрона, а потому нуждалось в ресурсах для привлечения клиентов.

Таким образом, в условиях ограниченности ресурсов кабульского правительства привлечение иностранной финансовой помощи становится для него своего рода *idea fix*. В ход идут в том числе и манипуляционные механизмы, в частности, «торговля безопасностью». Упрощенно говоря, руководство Афганистана эксплуатирует нестабильную ситуацию в стране ради получения дополнительных объемов финансовой помощи для борьбы с террористами. Из хронологически последних примеров характерно использование афганскими элитами темы присутствия Исламского государства на территории ИРА в целях получения дополнительной финансовой помощи; в 2015 г. Совет национальной безопасности озвучивал цифру в 20000 боевиков²⁴⁹. Оценки представителей внешних игроков были гораздо более скромными. Для сравнения, на начальном этапе деятельности ИГ в Афганистане представители МИДа России оценивали их численность в 3,5 тысячи человек²⁵⁰, впоследствии эти оценки возросли до примерно 10 тысяч человек²⁵¹. Согласно международным оценкам, в 2018 г. численность ИГ в Афганистане составляла 3500–4000 человек²⁵².

Несмотря на долгую историю предоставления ИРА финансовых средств международным сообществом, совре-

²⁴⁹ Степанова Е.А. Фактор ИГИЛ и движение Талибан в политике России по Афганистану и в более широком регионе // Пути к миру и безопасности. 2017. № 1(52). Спецвыпуск: Проблемы терроризма, насильственного экстремизма и радикализации (российские и американские подходы). С. 217.

²⁵⁰ МИД РФ: Численность боевиков ИГ в Афганистане составляет 3,5 тысячи человек // Regnum. URL: <https://regnum.ru/news/1987195.html>

²⁵¹ Кабулов: в группировку ИГ в Афганистане входят более 10 тысяч человек // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20171223/1511571106.html>

²⁵² Двадцать второй доклад Группы по аналитической поддержке и наблюдению за санкциями, представленный во исполнение резолюции 2368 (2017) по ИГИЛ (ДАИШ), «Аль-Каиде» и связанным с ними лицам и организациям // ООН. URL: <https://undocs.org/ru/S/2018/705>

менное состояние национальной экономики Афганистана оставляет желать лучшего. Страна по-прежнему зависит от притоков иностранной помощи. По словам министра экономики Афганистана Мустафы Мاستура, «33% нашего бюджета тратятся на войну, еще 33% – на восстановление после разрушений, вызванных войной. Таким образом, две трети нашего бюджета тратятся на войну»²⁵³. Достигнутый в 2000-е годы существенный экономический рост обеспечивался также за счет притоков иностранной помощи, а не за счет внутренних капиталовложений и повышения эффективности системы. Более того, ожидаемое получение финансовых траншей от стран коллективного Запада блокирует в правительстве Афганистана стимулы к реформированию или хотя бы к формулированию внятной стратегии поступательного развития страны.

Помимо описанных выше механизмов предоставления помощи в международных многосторонних форматах наподобие НАТО, существует практика предоставления ИРА денежных средств и на двусторонней основе для реализации конкретных проектов²⁵⁴, однако, какой-либо заметной отдачи от них не наблюдается. В совокупном бюджете страны велика доля отчислений на нужды национальной безопасности – около 40%. К примеру, в 1395 г. по афганскому календарю (март 2016 – март 2017 гг.) для этих целей было выделено 2644 млрд долларов²⁵⁵. В национальной экономике Афганистана складывается «порочный круг»: эффективное социально-экономическое развитие требует существенного сокращения расходов на нужды обороны и безопасности. Однако в условиях современного Афганистана реализовать этот прин-

²⁵³ US, Allies Are Engaged In Afghanistan: Envoy // Tolo News. URL: <https://tolonews.com/afghanistan/us-allies-are-engaged-afghanistan-envoy>

²⁵⁴ Лавров А.Ю. Политический ислам в Афганистане. Научное издание. М., Бишкек, 2010. С. 166.

²⁵⁵ Islamic Republic of Afghanistan, Ministry of Finance. National Budget Document, Fiscal Year 1395. P. 13.

цип просто невозможно – снижение финансовых отчислений на силовые структуры грозит дальнейшей дестабилизацией обстановки и утратой контроля над ними.

Крупномасштабные экономические проекты, подобные плану проведения трубопровода ТАПИ (Туркменистан – Афганистан – Пакистан – Индия) или прочих транзитных маршрутов по территории Афганистана, гипотетически могли бы принести ИРА дополнительные доходы. Однако и варианты использования географических возможностей Афганистана в настоящее время практически не имеют шансов на реализацию, несмотря на ведущиеся дискуссии в экспертном и бизнес-сообществах. В качестве сдерживающего фактора выступает сложность обеспечения безопасности инфраструктуры, что серьезно повышает риски реализации крупных проектов в ИРА.

Еще одним сдерживающим фактором экономического развития страны, одновременно отпугивающим потенциальных инвесторов, является крайне высокий уровень коррупции в ИРА. Формально руководство Афганистана декларирует необходимость борьбы с коррупцией ради развития страны. В этом отношении показательны заявления, сделанные в интервью ВВС в 2014 г. избранным президентом Афганистана Ашрафом Гани: он дословно заявил, что «не потерпит коррупции в стране», а Афганистан «может подняться минимум на 100 позиций в рейтинге Transparency International»²⁵⁶. Несколькими годами ранее, во время второго президентского срока Хамида Карзая в структуре государственных органов ИРА появился специализированный Национальный антикоррупционный комитет. Однако в реальности демонстрируются обратные результаты – в 2007 г. Афганистан впервые был упомянут в рейтинге «Индекс восприятия коррупции», который готовит международная неправительственная организация Transparency International, и за 11 лет исследований ИРА

²⁵⁶ Afghan President «Will Not Tolerate Corruption» // BBC News. URL: <http://www.bbc.com/news/world-29312884>

стабильно занимала места среди аутсайдеров списка. Безусловно, данная методология не идеальна и отражает именно восприятие уровня коррупции обществом, но на данный момент – это единственный индикатор в этой сфере, на который можно ориентироваться.

Таблица 1

**Место Афганистана в ежегодном рейтинге
«Индекс восприятия коррупции» международной
неправительственной организации Transparency International²⁵⁷**

Год проведения исследования	Результат (Индекс восприятия коррупции в числовом выражении)	Место Афганистана в общей таблице
2007	1,8	172 из 180
2008	1,5	176 из 180
2009	1,3	179 из 180
2010	1,4	176 из 178
2011	1,5	179 из 182
2012	8258	174 из 176
2013	8	175 из 177
2014	12	172 из 175
2015	11	166 из 168
2016	15	169 из 176
2017	15	177 из 180
2018	16	172 из 180
2019	16	173 из 180

²⁵⁷ Составлено автором на основе материалов интернет-сайта <https://www.transparency.org/>

²⁵⁸ С 2012 года Transparency International использует для числового выражения индекса восприятия коррупции стобалльную шкалу, заменившую десятибалльную. Чем выше итоговое числовое выражение коррупции, тем лучше ситуация (прим. авт.).

«Страны с наихудшими показателями, помимо наличия конфликтов и войн, характеризуются недобросовестным управлением, неблагонадежными государственным институтами, такими как полиция и судебные органы, а также недостаточным уровнем независимости средств массовой информации»²⁵⁹, – именно такую характеристику Transparency International дает государствам, находящимся в нижней части сводной таблицы рейтинга «Индекс восприятия коррупции». Действительно, данная характеристика также актуальна и для Афганистана, страдающего в первую очередь именно от неэффективности работы действующих государственных органов Афганистана. Постепенное замещение норм и работающих государственных институтов в пользу неформальных правил и способов взаимодействия привело к формированию «имитационной» политической системы, лишь внешне напоминающей западную демократическую. Парадоксально, но при такой характеристике средства массовой информации ИРА обладают довольно высоким уровнем свободы, но это результат участия западных партнеров в восстановлении страны и сферы печати/телекоммуникаций, в частности, и фрагментированности афганского общества, где любая группа давления (будь то клан, племя или региональный лидер) имеет собственную повестку и подходы к политическим процессам.

Таким образом, с 2001 г. в большинстве сфер жизни современного Афганистана заметного прогресса не произошло. Страна по-прежнему печально славится как крупнейший производитель наркотиков-опиатов в мире, неспокойна и военно-политическая обстановка, продолжаются бое столкновения правительственных войск с талибами и отрядами ИГ. Нет единства и среди политической элиты страны.

²⁵⁹ Коррупция по-прежнему повсеместна, но 2015 год ознаменовался появлением островков надежды // Transparency International. URL: http://www.transparency.org/news/pressrelease/corruption_perceptions_index_2015_corruption_still_rife_but_2015_saw_poc_RU

Однако именно внутренняя нестабильность и сыграла на руку кабульскому правительству, которое разыгрывало эту карту на переговорах с западными партнерами, стремясь привлечь денежные средства «для борьбы с общим врагом» в лице террористических организаций. В научном сообществе даются весьма емкие и точные определения сущности подобной политики: «Сегодня можно определенно утверждать, что неблагополучие и конфликтность целого государства, да еще такого, как Афганистан, находящегося на культурно-цивилизационных и торгово-экономических перекрестках – своеобразный товар, хотя дивиденды от его реализации не становятся общенациональным достоянием»²⁶⁰.

3.2. Проблема межафганского урегулирования во внешней политике ИРА

Движение талибов появилось на военно-политической арене Афганистана сравнительно недавно, в 1994 г. – в период возобновившейся гражданской войны между лидерами моджахедов, сумевшими захватить власть в стране, но не сумевшими ее поделить. Основная доля его участников на момент основания приходилась на учеников исламских училищ (медресе) из южных провинций Афганистана, этнических пуштунов и в основном выходцев из низших слоев населения страны²⁶¹. В основе идеологии Движения талибов лежали идеи исламского фундаментализма, представители группировки выступали за переформатирование государственного устройства Афганистана в соответствии с нормами шариата²⁶².

²⁶⁰ Дауров Р.Д. Афганистан – декада трансформаций 2014–2024 гг. // Тезисы конференции «Мусульманский Восток на исторических рубежах России». М.: ИВ РАН, 2016. С. 18.

²⁶¹ Белокреницкий В.Я., Сикоев Р.Р. Движение Талибан и перспективы Афганистана и Пакистана. С. 18.

²⁶² Белокреницкий В.Я. Пакистан, Южная Азия, исламский мир, Восток. С. 289.

Превращение маргинального движения в весомую военную и политическую силу в Афганистане заняло всего 2 года – основную роль в усилении и, в конечном счете, приходе к власти талибов, сыграли противоречия между основными полевыми командирами моджахедов, которые увлеклись военными действиями и политическими интригами друг против друга, просмотрев формирование на юге страны нового значимого игрока. Запоздалые их попытки экстренно сформировать боеспособный альянс провалились: 27 сентября 1996 г. талибы практически без боя взяли Кабул и продолжили продвижение на север Афганистана. Еще через 2 года им покорился крупнейший город на севере Афганистана – Мазари-Шариф, под контролем Движения талибов оказались примерно 90% территории страны. Моджахедам удалось удержать под контролем лишь две северо-западные провинции Афганистана – Тахар и Бадахшан.

В научной литературе широко представлена точка зрения о наличии связей талибов с Межведомственной разведкой Пакистана, сочетающаяся с предположениями, что ДТ – ее детище, созданное специально для дестабилизации обстановки в Афганистане и закрепления там влияния Пакистана. Особенно активно подобная точка зрения культивируется в афганском экспертном и политическом сообществах. Ее разделяют и представители отечественной науки, однако, их высказывания несколько осторожнее. Например, известный отечественный востоковед В.Я. Белокреницкий пишет: «Еще в большей степени, чем муджахеды, афганские талибы были порождением эры Зия-уль-Хака и пакистанских властей. Косвенным свидетельством этого можно назвать факт дипломатического признания правительства талибов в Кабуле Пакистаном»²⁶³. Версии о сотрудничестве Межведомственной разведки Пакистана с ДТ придерживается и другой российский востоковед В.Н. Пластун: «Стратегия Пакистана предусма-

²⁶³ Там же.

тривала движение талибов по линии Пешавар – Джалалабад – Кабул – Мазари-Шариф – Ташкент, но дорога в этом направлении была блокирована гражданской войной в Кабуле. <...> Первый отряд, отправленный пакистанцами, возглавил полковник Имам – офицер УМР <...>»²⁶⁴.

Можно спорить об интенсивности контактов пакистанской стороны с талибами, равно как и о первичности пакистанского участия или стихийности формирования ДТ, но как бы то ни было, Движению талибов удавалось удерживать под своим контролем практически всю территорию Афганистана за исключением двух провинций до их свержения в результате вооруженной операции сил международной коалиции в 2001 г. С момента взятия Кабула талибы создали свое правительство Афганистана, соратники прежнего президента Бурхануддина Раббани были вынуждены покинуть страну или же вместе с ним формально осуществляли руководство двумя подконтрольными Раббани провинциями. После установления контроля талибов над большей частью страны лидер движения муллы Омар принял титул «Амир аль-Муминин», что переводится с арабского как «повелитель правоверных». По всей видимости, этот шаг был предпринят для легитимизации лидерского положения муллы Омара, который являлся выходцем из низших слоев населения – он родился в семье крестьян, участвовал в борьбе моджахедов против советского присутствия в Афганистане и режима НДПА, в начале 1990-х годов был муллой в сельской мечети²⁶⁵. Такой громкий титул мог бы закрепить авторитет лидера талибов как новой верховной власти в стране и повысить его статус в исламском мире. Хотя впоследствии представитель ДТ Забиулла Моджахед в интервью неоднократно говорил, что титул «повелителя правоверных» муллы Омара распростра-

²⁶⁴ Пластун В.Н. Эволюция деятельности экстремистских организаций в странах Востока. Н.: Сибирский хронограф, 2002. С. 387–388.

²⁶⁵ Власти Афганистана заявили о смерти Муллы Омара // Лента.ру. URL: <https://lenta.ru/news/2015/07/29/mullahomar/>

нялся только на территорию Афганистана и не подразумевал притязаний на лидерство в исламском мире. Примечательно, что и нынешний глава ДТ мулла Хайбатулла Ахундзада также носит этот титул, который, видимо, стал своего рода «наследством» для лидеров талибов²⁶⁶.

Там, где устанавливалась власть талибов, незамедлительно вводились нормы шариата; для контроля за их соблюдением была создана «полиция нравов» – в особенности, они следили за внешним видом афганцев и их поведением в общественных местах. Для провинившихся устанавливались телесные наказания. При этом, несмотря на практически полностью пуштунский состав талибов на начальном этапе их деятельности, политика ДТ способствовала размыванию некоторых традиционных пуштунских обычаев – к примеру, по указу муллы Омара в 1998 г. были отменены такие нормы пуштунского кодекса «паштунвалай», как право женщин на наследование или передача женщин из одного рода другому в качестве компенсации за умышленное убийство²⁶⁷. Это позволяет говорить о приоритете в политике талибов норм шариата (исламского права) над адатом (обычным правом, которое не регулируется нормами шариата). При этом под исламистскими лозунгами талибы нанесли ущерб и памятникам всемирного культурного наследия – в частности, под предлогом борьбы с идолопоклонством были взорваны древние статуи Будды в провинции Бамиан²⁶⁸.

Талибы поддерживали связи и с другими радикальными исламистскими группировками в мире – в частности, с «Аль-Каидой» и ее лидером на рубеже XX–XXI веков Усамой бен Ладеном, который пользовался правом гостя в Афга-

²⁶⁶ См., в частности: Message of Esteemed Amir ul Mumineen, Sheikh-ul-Hadith Mawlawi Hibatullah Akhundzada (HA), regarding Termination of Occupation Agreement with the United States // Al-Emarah. URL: <https://alemarahenglish.com/?p=33121>

²⁶⁷ Белокреницкий В.Я., Сикоев Р.Р. Движение Талибан и перспективы Афганистана и Пакистана. С. 73.

²⁶⁸ Там же. С. 462.

нистане и скрывался в районе горного массива Тора-Бора, в афганско-пакистанском приграничье. О его отношениях с талибами В.Г. Коргун пишет: «Открыто не вмешиваясь во внешнюю политику талибов, бен Ладен все больше использовал их государственную и военную машину в своих геополитических целях: в стране создавались центры подготовки международных террористов, которые становились неотъемлемой частью военной инфраструктуры Исламского Эмирата»²⁶⁹.

Превращение Афганистана в благоприятную для развития терроризма территорию не могло остаться без внимания международного сообщества, афганская проблематика стала одной из центральных тем обсуждения на заседания Совета Безопасности ООН. В резолюциях СБ по Афганистану содержатся требования о запрете предоставления убежища экстремистам на территории Афганистана, в более поздних резолюциях (начиная с резолюции № 1267 от 15 октября 1999 г.) на режим талибов уже налагаются санкции – запрещается предоставление права посадки и взлета для всех летательных аппаратов, принадлежащим талибам, также замораживались банковские счета за пределами Афганистана, принадлежащие лидерам и полевым командирам движения²⁷⁰. В 2000 г. принимается очередная резолюция СБ ООН № 1333 по Афганистану, в которой вводилось эмбарго на поставки оружия талибам²⁷¹.

Будущее режима талибов было предопределено после резонансного террористического акта 11 сентября 2001 г. – США объявили о начале тотальной войны с международным терроризмом. Первой мишенью стала именно группировка

²⁶⁹ Коргун В.Г. История Афганистана. XX век. С. 460.

²⁷⁰ Резолюция 1267 (1999), принятая Советом Безопасности на его 4051-м заседании 15 октября 1999 года // ООН. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N99/300/46/PDF/N9930046.pdf?OpenElement>

²⁷¹ Резолюция 1333 (2000), принятая Советом Безопасности на его 4251-м заседании 19 декабря 2000 года // ООН. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N00/806/64/PDF/N0080664.pdf?OpenElement>

«Аль-Каида», ответственная за совершение данного террористического акта, талибы же воспринимались американской верхушкой как ее союзники и пособники. Уже к декабрю 2001 г. силы международной коалиции вместе с уцелевшими силами Северного альянса (союза лидеров моджахедов против талибов) достигли основных целей своего вооруженного вмешательства в Афганистане – им удалось уничтожить основные тренировочные лагеря и базы террористов на территории страны, а также разгромить основные силы талибов²⁷². Однако главная цель осталась недостижимой – Усаму бен Ладена ликвидировать не удалось, он укрылся в гористой местности на территории Пакистана.

Движение талибов было разгромлено, но уцелевшие боевики сумели пересечь границу с соседним Пакистаном в труднодоступных местах и уйти на его территорию. В северных районах страны, в считанных километрах от Афганистана, они приступили к перегруппировке своих сил и рекрутированию новых боевиков. На тот момент Пакистан слабо контролировал приграничную с Афганистаном территорию, что позволило талибам превратить ее в удобные опорные пункты. В первые годы они не проявляли большой активности – казалось военное поражение и, по некоторым предположениям, с ожиданием приглашения к переговорам со стороны США «о включении боевиков в национальную политическую элиту»²⁷³. Подобных предложений не последовало, и уже в 2005 г. талибы возобновили боевые действия, притом они придерживались тактики партизанской войны – сначала ДТ совершало вылазки на территорию Афганистана, нападая на блокпосты Сил безопасности Афганистана и войск коалиции, позже им удалось закрепиться на территории ИРА²⁷⁴.

²⁷² Печатнов В.О., Манькин А.С. История внешней политики США. М.: Междунар. Отношения, 2012. С. 606–607.

²⁷³ Дауров Р.Д., Нессар М.О., Окимбеков У.В. Афганистан: политика, экономика (2011–2019) / Отв. ред. В.Я. Белокрыцкий. М.: ИВ РАН, 2020. С. 27.

²⁷⁴ Лавров А.Ю. Политический ислам в Афганистане. С. 162.

ДТ удалось выработать достаточно простую, но эффективную пропагандистскую линию – главным ее пунктом стала резкая критика присутствия сил международной коалиции в Афганистане. Талибы полагают, что Афганистан оккупирован иностранными войсками, которые якобы навязали стране новое прозападное правительство, вся власть и легитимность которого поддерживается исключительно иностранным военным присутствием. Соответственно, каждый, кто сотрудничает с государственными органами ИРА, является коллаборационистом, который должен либо перейти на «правильную сторону» (т.е. примкнуть к талибам), либо быть уничтоженным. По убеждениям ДТ, долг каждого гражданина Афганистана – с оружием в руках вести джихад против «коллаборационистов и оккупантов», основная цель талибов – добиваться скорейшего вывода иностранных войск из Афганистана и его превращение в «подлинно независимое государство».

При всей примитивности данной линии, рассчитанной в основном на афганское население (однако такой подход не помешал ДТ начать переговоры с США в 2018 г.), талибам нельзя отказать в весьма искусных методах пропаганды. Так, широко используется метод исторической аналогии – например, бывший президент Афганистана Хамид Карзай в пропагандистских материалах ДТ уподоблялся шаху Шуджа – в афганской историографии последний считается слабым правителем, который в 1838 г. при помощи британцев был возведен на афганский трон, но спустя 4 года был свергнут и убит²⁷⁵. Пропаганда талибов в том числе намекала и на то, что Карзай вполне может разделить его судьбу.

Для распространения информации ДТ использует современные средства массовой коммуникации – телерадиовещание и интернет, в особенности социальные сети. Был создан даже официальный сайт талибов «Al-Emarah», помимо

²⁷⁵ Там же.

двух государственных языков Афганистана (дари и пушту) имеющий также версии на английском, арабском языках и урду (государственный язык Пакистана). Основу распространяемых таким образом посылов составляют тексты пропагандистского характера и наглядные визуальные материалы, призванные продемонстрировать страдания афганского народа в результате действий иностранных и правительственных войск, а также силу Движения талибов. К последней группе относятся видеозаписи, иллюстрирующие разрушения и потери среди мирного населения в результате авиаударов ВВС международной коалиции или действий правительственных войск²⁷⁶, а также видео, где демонстрируются простые люди, приветствующие боевиков ДТ, или присоединение местных вооруженных группировок к талибам. Среди сельского населения, где велика доля неграмотных, не говоря уже о доступе к интернету, распространяются листовки (شابنامه) с соответствующим пропагандистским содержанием²⁷⁷. Эффективность такой линии оказалась настолько заметной, что афганские органы власти были вынуждены даже содействовать созданию проправительственных локальных СМИ на уровне провинций, которые, освещая информацию в соответствующем ключе, нивелировали бы последствия информационно-пропагандистской работы талибов²⁷⁸. Судя по тому, что ДТ в Афганистане сохраняет свою роль основной составляющей вооруженной оппозиции, этот шаг не привел к какому-либо заметному улучшению ситуации.

²⁷⁶ Акцент в пропагандистских усилиях талибов на жертвах среди мирного населения оказался довольно эффективным инструментом. Во времена президентства и Хамида Карзая, и Ашрафа Гани ДТ рекрутировало новых боевиков из недовольных иностранным присутствием; многие примыкали к ДТ, потеряв родственников в результате действий сил НАТО или афганских сил безопасности (прим. авт.).

²⁷⁷ Taliban Propaganda: Winning the War of Words? // International Crisis Group. URL: <https://www.crisisgroup.org/asia/south-asia/afghanistan/taliban-propaganda-winning-war-words>

²⁷⁸ Джанг-е таблигати, набард-е дигар-е горух-е Талибан (Пропагандистская война – еще одна битва Движения талибов) // Mandegar Daily. URL: <https://goo.su/3IMJ>

Нередки в пропаганде талибов и случаи обращения к моральным вопросам. Так, в феврале 2020 г. представитель ДТ Забиулла Моджахед написал в соцсетях следующее: «Те, кто не могут даже обезопасить голоса тех, кто на них работает, не могут решить вопрос с выборами в течение 5 месяцев, не могут защитить столицу, <...> видят возможность своего выживания в присутствии иностранцев, но все еще бросают вызов остальным – у них нет чести»²⁷⁹.

Каким же образом активность ДТ может повлиять на внешнеполитический курс современного Афганистана? Для ответа на этот вопрос следует обратиться к событиям второго президентского срока Хамида Карзая. Как представляется, в начале военной операции международной коалиции в Афганистане, ее участники ориентировались лишь на тактическую задачу ликвидации баз террористов и уничтожения боевиков «Аль-Каиды» и ДТ. НАТО, взявшая ответственность за происходящее в стране, и США в частности не сумели выработать четкий дальнейший план действий после поражения талибов, предпочитая по-прежнему ориентироваться на решение конкретных задач. Не произошло перелома этой ситуации и во время первого президентского срока Хамида Карзая. Однако с первых же лет его второй каденции (2009–2014 годы) стала заметна определенная трансформация внешнеполитического контекста для Афганистана, в связи с чем на повестке внешней политики ИРА появилась тема мирных переговоров с ДТ. Не следует забывать и описанный в предыдущем разделе фактор деятельности талибов как основание для получения Афганистаном иностранной финансовой помощи.

В указанный период отмечается постепенное смещение тематики безопасности вокруг Афганистана на региональный уровень, возрастающую активность демонстрируют географически близкие к Афганистану государства: Турция, Паки-

²⁷⁹ Official Twitter Account of the Spokesman of Islamic Emirate of Afghanistan, Zabihullah Mujahid // Twitter. URL: https://twitter.com/Zabehulah_M33/status/1229296816782442497

стан, КНР, Россия. За точку отсчета для этого явления можно взять начало уже упоминавшейся выше политики «организованного отступления» США из региона Ближнего и Среднего Востока и Афганистана в частности. Этот процесс происходил не синхронно – если вывод войск США из Ирака начался в 2009 г., то существенное сокращение их контингента в Афганистане – в 2011–2012 гг. За точку отсчета можно принять известную Каирскую речь Барака Обамы в 2009 г., где он представил свои подходы к развитию отношений США с государствами исламского мира: «На протяжении семи последних лет мы преследовали «Аль-Каиду» и «Талибан», пользуясь широкой мировой поддержкой. Это было обусловлено не нашим выбором, а необходимостью. <...> У них [«Аль-Каиды»] есть отделения во многих странах, и они стремятся расширить свое влияние. Это не просто частные мнения, подлежащие обсуждению, это объективная реальность, с которой необходимо бороться. <...> Мы не хотим, чтобы наши войска оставались в Афганистане. Мы не стремимся иметь там военные базы. Для США крайне тяжело терять наших юношей и девушек. Продолжение этого конфликта сложно политически и будет стоить дорого. Если бы мы были уверены, что в Афганистане и Пакистане не осталось ни одного жестокого экстремиста, стремящегося убить как можно больше американцев, мы бы с радостью вернули домой всех наших солдат до единого. Но еще не время для этого»²⁸⁰. Более активное подключение к урегулированию афганского конфликта региональных игроков на фоне заявленного президентом США постепенного сокращения численности американских войск в ИРА стало еще одним измерением внешней политики Афганистана.

Представители кабульского правительства пытались установить контакты с талибами и склонить их к проведению переговоров по урегулированию конфликта еще с момента

²⁸⁰ Obama's speech in Cairo // New York Times. URL: <http://www.nytimes.com/2009/06/04/us/politics/04obama.text.html>

избрания Хамида Карзая президентом Афганистана в 2004 г., тогда же по его указу была создана Комиссия по национальному примирению, предназначенная для работы по вопросам мирного процесса в стране. Впрочем, талибы отвергли предложения правительства Афганистана о проведении мирных переговоров. Не дало заметных результатов и проведение в 2007 г. Джирги мира, на которую были приглашены и лидеры пуштунских племен, проживающих в афгано-пакистанском приграничье, где позиции талибов были весьма сильны. Не состоялось и конструктивных дискуссий – талибы не были приглашены правительством на Джиргу, которая в итоге приняла резолюцию, содержащую лишь декларации и призывы к талибам сложить оружие и начать мирные переговоры²⁸¹.

С 2008 г. отмечаются попытки афганского правительства вывести проблему мирного урегулирования в плоскость внешней политики. Когда начались поиски приемлемого внешнего посредника для проведения переговоров, талибы по-прежнему отказывались вести диалог с правительством страны и скептически смотрели на контактирование с НАТО, воспринимая ее как противника. Тогда же в СМИ появилась информация о секретных переговорах между представителями кабульского правительства и Движения талибов в Саудовской Аравии. Однако внятной и полной информации об этой встрече в источниках нет, талибы и вовсе отрицали ее проведение, говоря о продолжении сопротивления правительству в Кабуле и сохранении своего главного требования – вывода иностранных войск из Афганистана²⁸².

Однако окончательно понимание невозможности решения внутриафганского конфликта исключительно военным путем пришло к афганскому и натовскому руководствам лишь к началу второго десятилетия XXI века. Необходимы были

²⁸¹ Коргун В.Г. Мирный процесс в Афганистане. Мекканский эпизод 2008 года // Азия и Африка сегодня. 2013. № 6. С. 13.

²⁸² Там же. С. 13–14.

комплексные и сбалансированные шаги, включая ведение переговоров с умеренными фракциями талибов. Во время своего первого президентского срока, в ходе кампании по разоружению незаконных вооруженных формирований Хамид Карзай, очевидно, ожидал раскола в рядах талибов, предложив им амнистию и беспрепятственное возвращение к мирной жизни в случае перехода на сторону правительства. Однако на практике так поступила лишь незначительная часть боевиков, остальные выбрали продолжение вооруженной борьбы против кабульского правительства и иностранного присутствия в стране²⁸³. Инициативы Хамида Карзая потребовали даже создания Фонда поддержки мира и интеграции, из которого выделялись средства на адаптацию бывших боевиков Движения талибов и на текущее обеспечение мирного процесса в Афганистане. Однако его деятельность оценивается неоднозначно, периодически в прессе появляется информация о выделении средств на реабилитацию талибов, которые впоследствии все равно возвращаются в ряды ДТ²⁸⁴.

Стоит отдельно оговориться, что вряд ли можно рассчитывать на сплоченность и монолитность Движения талибов. Оно разделено на несколько фракций, подчас конфликтующих между собой, которые различаются по степени радикальности идеологии от умеренных до экстремистских. Лидеры этих фракций, а также региональные полевые командиры имеют собственную повестку. Одна из групп внутри Движения талибов в середине 2013 г. даже открыла свой офис на территории Катар – эта ветвь талибов придерживается прагматичных взглядов и выразила готовность к переговорам, хотя первоначально открытие офиса ДТ в Дохе спровоцировало резко негативную реакцию афганских властей и НАТО²⁸⁵. Афганистан

²⁸³ Лавров А. Ю. Политический ислам в Афганистане. С. 165.

²⁸⁴ Кабульская конференция по Афганистану: И денег добавят, и международные силы останутся // ИА Фергана. URL: <http://www.fergananews.com/articles/6667>

²⁸⁵ Открытие офиса Талибана в Катаре – «План Б» в действии // Afghanistan.ru. URL: <http://afghanistan.ru/doc/62628.html>

даже отозвал посла из Катара, когда сведения об открытии офиса ДТ просочились в СМИ. В конечном счете, американо-талибские переговоры и подписание взаимного соглашения 29 февраля 2020 г. были осуществлены именно представителями катарского офиса ДТ.

В политических кругах, близких к Хамиду Карзаю, выдвигались идеи ведения переговоров с умеренным крылом Движения талибов, однако здесь возникла проблема – как отличить умеренных талибов среди различных фракций ДТ и по каким критериям? По мнению В.Г. Коргуна, в наиболее широком смысле к умеренным талибам относили представителей Движения, готовых идти на переговоры с афганским правительством²⁸⁶. Однако вслед за этим тезисом он приводит цитату близкого к ДТ публициста Вахида Можда, отражающую противоположный подход к переговорному процессу в Афганистане: «переговоры в рамках национального примирения следует вести не с «умеренными» талибами, а с экстремистски настроенными лидерами движения, которые руководят войной против Кабула и его западных партнеров»²⁸⁷.

Однако первые прямые переговоры кабульских властей с ДТ начали подготавливаться только после смены президентской администрации в 2014 г., им предшествовал раунд переговоров между США и ДТ в Катаре²⁸⁸. Подготовительный раунд потребовался из-за жесткой позиции талибов по поводу межафганского диалога – они не воспринимали кабульское правительство как независимого игрока и были готовы обсуждать перспективы афганского урегулирования лишь с «оккупантами», как представители ДТ называли НАТО. При этом первым пунктом среди требований талибов по-прежнему оставался и остается вывод иностранных войск из Афганистана.

²⁸⁶ Коргун В.Г. Мирный процесс в Афганистане. Мекканский эпизод 2008 года. С. 15.

²⁸⁷ Там же.

²⁸⁸ Движение «Талибан» проведет первый раунд мирных переговоров с США // ТАСС. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1778274>

Вышеупомянутая встреча с участием представителей афганского правительства и талибов прошла в июле 2015 г. в Пакистане – на ее подготовку ушел почти год. Талибы согласились на участие кабульских властей, однако посредниками на переговорах выступили США и КНР. Вряд ли следовало ожидать каких-то заметных результатов от первого раунда межафганских переговоров – стороны лишь озвучили свои позиции, при этом выразив приверженность мирному урегулированию конфликта в Афганистане. Следующий раунд переговоров стороны собирались провести после окончания священного месяца Рамадан²⁸⁹, однако эта договоренность так и не была реализована.

Проведение встречи подверглось критике со стороны остальных фракций талибов: в частности, представители катарского офиса ДТ в своем заявлении отметили, что участники переговоров от ДТ не должны были выступать от имени всего движения²⁹⁰. Подобная позиция служит очевидным индикатором отсутствия единой позиции в рядах ДТ; кроме того, столь болезненная реакция одного крыла талибов позволяет сделать осторожное предположение о наличии на тот момент конкуренции в ДТ за возможность представлять его на переговорах с США и афганским правительством. По-видимому, мотивировка такой конкуренции среди талибов была связана не столько с восприятием участия в переговорах как доказательства своего лидерства в ДТ, сколько с возможностью добиться для себя определенных выгод в ходе переговорного процесса.

С того момента переговорный процесс зашел в тупик из-за различий в позициях сторон. Реанимировать его уда-

²⁸⁹ Аввалин давр-е гофтогухо-е сольх-е Афганистан ва Талибан дар Пакистан баргузор шод (Первый раунд мирных переговоров между Афганистаном и Движением талибов прошел в Пакистане) // BBC Persian. URL: http://www.bbc.com/persian/afghanistan/2015/07/150708_k03_afghan_taliban_met_in_pakistan

²⁹⁰ Талибское представительство в Катаре осудило мирные переговоры в Исламабаде // Afghanistan.ru. URL: <http://afghanistan.ru/doc/87267.html>

лось лишь после назначения осенью 2018 г. на пост спецпредставителя президента США по мирному урегулированию в Афганистане дипломата афганского происхождения Залмая Халилзада, имевшего опыт работы в качестве посла США в Афганистане, Ираке и постоянного представителя в ООН. При этом российский востоковед В.Б. Кравцов указывает на наличие конфликта между Халилзадом и президентом Гани, восходящего еще к временам их совместного обучения в Американском университете в Бейруте, результатом чего стали систематические интриги З. Халилзада против А. Гани, проявившиеся в том числе и в ходе грядущего переговорного процесса²⁹¹.

Практически одновременно с этим шагом американского руководства президент США Дональд Трамп заявил о намерении вывести войска из Сирии и Афганистана – вероятно, сказалась его логика бизнесмена: объективно США не имели весомых экономических интересов в этих странах, а политические выгоды представлялись, мягко говоря, сомнительными. Также для США существовали и в определенной степени сохраняются риски стать заложниками внутривнутриполитической динамики в Афганистане и вольно или невольно быть вовлеченными в конкуренцию различных групп интересов. К тому моменту уже стало очевидно, что инициированная Трампом новая стратегия США в отношении Южной Азии и Афганистана, предусматривающая оказание давления на Пакистан в целях сокращения его поддержки вооруженной оппозиции в ИРА, не оправдала себя. Назначение Халилзада и активизация переговорного процесса США с талибами ознаменовали новый этап американской политики по отношению к Афганистану.

За точку отсчета нового витка активности США на миренческом треке можно взять сентябрь–октябрь 2018 г.,

²⁹¹ Круглый стол «Станут ли межафганские переговоры началом нового мирного процесса?» // Международный мультимедийный пресс-центр «Россия сегодня». URL: <http://pressmia.ru/pressclub/20200311/952678056.html>

когда состоялись первые встречи Залмая Халилзада с представителями катарского офиса ДТ. Этот процесс охватил 10 раундов переговоров и завершился 29 февраля 2020 г. подписанием в Дохе соглашения между США и талибами с двумя секретными протоколами²⁹². В ходе переговоров талибы настаивали на скорейшем выводе из Афганистана всех иностранных войск. США имели свою повестку – они просили ДТ не использовать территорию Афганистана для подготовки террористических актов против них, также обсуждались вопросы прекращения огня и межафганских переговоров. Переговоры шли весьма медленно и сложно, существенным препятствием была разница в подходах сторон к вопросу вывода войск – талибы настаивали на немедленном уходе из Афганистана, США предлагали растянуть процесс на 18 месяцев. В прессе же публиковались весьма отрывочные и общие сведения о прогрессе переговоров²⁹³. В сентябре 2019 г., когда речь уже шла о приглашении в резиденцию американского президента в Кэмп-Дэвиде президента Гани и представителей талибов, Дональд Трамп прервал переговоры с последними после террористического акта в Кабуле, унесшего жизнь американского солдата. После этого они возобновились лишь в декабре 2019 г.

А вот на заключенном 29 февраля 2020 г. соглашении между США и талибами (примечательно, что в итоговый текст

²⁹² Более подробный обзор первых девяти раундов переговоров см.: Мачитидзе Г.Г. США – Талибан: сравнительный анализ этапов переговоров // Сравнительная политика. 2020. № 1. С. 65–74.

²⁹³ См. в частности: US-Taliban Talks Enter 2nd Day As Jirga Continues In Kabul // Tolo News. URL: <https://www.tolonews.com/afghanistan/us-taliban-talks-enter-2nd-day-jirga-continues-kabul>; US-Taliban talks: Two sides take a break amid bid for peace // Al-Jazeera. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2019/03/taliban-talks-sides-break-bid-peace-190308070831143.html>; Afghan Taliban cancel peace talks with US officials in Qatar // Al-Jazeera. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2019/01/afghan-taliban-hold-fourth-peace-talks-qatar-190108070441726.html>; 3rd round of U.S.-Taliban talks start without Afghan government reps. // CBS News. URL: <https://www.cbsnews.com/news/us-taliban-talks-uae-no-afghanistan-reps-pakistan-saudi-arabia-khalilzad/>

соглашения было включено официальное самоназвание талибов «Исламский эмират Афганистана» (The Islamic Emirate of Afghanistan), хоть и с ремаркой, что США не признают его в качестве государства) стоит остановиться подробнее в силу существенного его значения для афганской внутри- и внешне-политической жизни в краткосрочной перспективе.

Структура соглашения включает 4 части, соответствующие четырем основным вопросам на переговорах между США и талибами, о которых уже упоминалось выше: предотвращение использования территории Афганистана какой-либо группировкой или индивидом против безопасности США и их союзников, вывод иностранных войск из Афганистана, межафганские переговоры и прекращение огня. Основные положения этого документа таковы:

- США соглашаются на вывод из Афганистана всех вооруженных сил, включая ВС их союзников и партнеров по коалиции в течение 14 месяцев. В течение 135 дней США сокращают численность своего контингента до 8600 человек с пропорциональным сокращением численности контингентов их союзников, а также выводят все свои силы с 5 военных баз;
- С началом межафганских переговоров США обращаются в СБ ООН с целью исключения ДТ из санкционного списка (до 29 мая 2020 г.)²⁹⁴;
- ДТ подтверждает свое намерение не использовать территорию Афганистана против безопасности США и их союзников и будет препятствовать этому со стороны других группировок;
- Межафганские переговоры должны начаться 10 марта 2020 г., в ходе них сторонам предстоит решить вопрос о прекращении огня;

²⁹⁴ Этот вопрос уже был рассмотрен на заседании СБ ООН 10 марта 2020 г., в резолюции 2513 (2020) говорится о намерении СБ ООН «рассмотреть с началом внутриафганских переговоров возможность начала обзора статуса физических лиц, групп, предприятий и организаций, включенных в санкционный перечень <...>». См. Резолюция 2513 (2020), принятая Советом Безопасности на его 8742-м заседании 10 марта 2020 года // ООН. URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/2513\(2020\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2513(2020))

- Освобождение 5000 боевиков ДТ, отбывающих наказание в тюрьмах, и освобождение 1000 человек, находящихся в плену у Движения талибов^{295, 296}.

Подписание данного соглашения, безусловно, расценивалось как шаг вперед в афганском урегулировании, однако к опубликованному документу есть и серьезные вопросы, в частности:

- Отсутствие четкого правового статуса талибов как негосударственного субъекта;
- Отсутствие механизма урегулирования возможных противоречий и коллизий в трактовке положений договора;
- Заключение данного соглашения не порождает каких-либо международно-правовых обязательств для афганского правительства^{297, 298}.

Еще один вопрос к соглашению связан с пунктом 5 из части 2, который звучит следующим образом: «“Исламский эмират Афганистана”, который США не признают в качестве государства и известный как “Талибан”, не будет выдавать визы, паспорта, разрешения на передвижение и прочие юридические документы для въезда в Афганистан тем, кто представляет угрозу для США и их союзников». Можно, конечно, предположить, что у ДТ есть определенные мощности для изготовления поддельных документов (в условиях Афганистана это не сложно), но почему им фактически пре-

²⁹⁵ Agreement for Bringing Peace to Afghanistan between the Islamic Emirate of Afghanistan which is not recognized by the United States as a state and is known as the Taliban and the United States of America, 2020. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/02/Agreement-For-Bringing-Peace-to-Afghanistan-02.29.20.pdf>

²⁹⁶ Последнее положение о начале межафганских переговоров уже было сорвано (прим. авт.).

²⁹⁷ Джанбаз Г. В соглашении США и Талибана обнаружены правовые ловушки // Независимая газета. URL: http://www.ng.ru/kartblansh/2020-03-04/3_7809_kartblansh.html

²⁹⁸ Отсутствие упоминания афганского правительства в тексте американо-талибского соглашения привело к тому, что после его заключения талибы прекратили нападения на объекты НАТО, но продолжали боевые столкновения с афганскими силами безопасности (прим. авт.).

доставляются государственные функции? Вероятно, в этом пункте речь шла о потенциальном предоставлении талибами права передвигаться через подконтрольную территорию угрожающим безопасности США и их союзников элементам, но, как представляется, не обязательно было выносить этот пункт в итоговый текст, да еще именно в такой редакции. В любом случае, в Афганистане любые «документы», выданные талибами, не считаются действительными, кроме как на подконтрольных им территориях.

Наконец, подписанное соглашение идет вразрез с нормами действующего с 2015 г. Договора о сотрудничестве в сфере безопасности и обороны между ИРА и США, согласно ст. 26 п. 1 которого он действует до конца 2024 г.²⁹⁹ По последнему договору, американские войска остаются на территории Афганистана для оказания содействия в борьбе против терроризма, техническом оснащении и подготовке афганских сил безопасности. Отчасти эти противоречия были сглажены принятием совместной декларации ИРА и США о достижении мира в Афганистане (принята в Кабуле в день подписания американо-талибского соглашения). Ее нормы повторяют основные положения американо-талибского соглашения по части вывода войск США и их союзников из Афганистана, необходимости начала межафганских переговоров и установления режима прекращения огня. Более интересным представляется подтвержденное обязательство США ежегодно «изыскивать средства на подготовку, оснащение, консультирование и поддержание афганских сил безопасности, чтобы Афганистан мог самостоятельно обезопасить и защитить себя от внутренних и внешних угроз»³⁰⁰. В первой части соглаше-

²⁹⁹ Карордод-е хамкорихо-е амнияи ва дефаи миян-е Джумхури-е Ислами-е Афганистан ва Аялат-е Моттахеда-е Амрика (Договор о сотрудничестве в сфере безопасности и обороны между Исламской Республикой Афганистан и Соединенными Штатами Америки) // Ministry of Foreign Affairs, Islamic Republic of Afghanistan. P. 28. URL: <http://mfa.gov.af/Content/files/BSA%20DARI%20%20AFG.pdf>

³⁰⁰ Joint Declaration between the Islamic Republic of Afghanistan and the United States of America for Bringing Peace to Afghanistan. 2020. P. 3.

ния отдельно говорится, что США продолжают оказывать поддержку афганским силам безопасности, чтобы не допустить использования территории Афганистана против безопасности США и их союзников такими террористическими группировками, как «Аль-Каида» и «ИГ-Хорасан» (более подробно о последнем речь пойдет ниже)³⁰¹. При этом в американо-талибском соглашении «ИГ-Хорасан» не упоминается вовсе, в отличие от «Аль-Каиды». В пункте 3 части 1 говорится, что «США вновь подтверждают свою готовность продолжить проведение военных операций в Афганистане с согласия ИРА для противодействия попыткам «Аль-Каиды», «ИГ-Хорасан» и прочих международных террористических группировок осуществить нападения на США и их союзников <...>»³⁰². Здесь не вполне ясно, за счет каких сил и средств планируется осуществлять эти операции, если по нормам американо-талибского соглашения весь иностранный воинский контингент выводится из Афганистана, следовательно, прекращаются миссии «Решительная поддержка» (НАТО) и «Страж свободы» (антитеррористическая миссия США). Нет ясности и по поводу сроков, в течение которых будет действовать данное обязательство США.

Весной 2017 г. к афганскому урегулированию подключилась и Россия³⁰³, которая предложила свои услуги в рамках двух форматов (московский формат консультаций по Афганистану и неформальный межафганский диалог в Москве), где она выступала в качестве «либо главного организатора, либо в виде принимающей стороны и спонсора»³⁰⁴. Впоследствии Россия принимала в ноябре 2018 и феврале и мае 2019 г. кон-

³⁰¹ Ibid. P. 2.

³⁰² Ibid.

³⁰³ Здесь мы вынесем за скобки консультации в Москве в декабре 2016 года, в которых приняли участие лишь Россия, Китай и Пакистан, поскольку там обсуждались вопросы региональной безопасности (прим. авт.).

³⁰⁴ Степанова Е.А. Мирный процесс по Афганистану и роль России // Пути к миру и безопасности. 2019. № 2(57). С. 26.

ференции по мирному процессу в Афганистане с участием представителей катарского офиса талибов и ряда афганских политиков, включая Хамида Карзая, которого российский официоз считает пророссийским деятелем. В организации февральской встречи значительную роль сыграли представители афганской диаспоры в Москве. США и афганское правительство не приняли участия в мероприятии. Официальные круги в России заявили о крупной дипломатической победе и начале межафганского диалога, однако подобная интерпретация вызывает сомнения – как представляется, катарский офис талибов использовал эти конференции как средство давления на США, демонстративно взаимодействуя с Россией на фоне ухудшения ее отношений с США. Для российской стороны организация подобного мероприятия имела и «имиджевую» составляющую, позволяя продемонстрировать странам Запада свою вовлеченность в процесс межафганского урегулирования.

В такой обстановке, без участия основных сторон конфликта в лице США и правительства говорить о каком-либо достижении прорывных договоренностей было бы, пожалуй, преждевременным. Безусловно, в научной литературе отмечается факт прямого диалога между талибами и афганскими политиками в Москве без внешнего вмешательства или принуждения³⁰⁵, однако существуют сомнения, насколько это в реальности продвинет мирный процесс в Афганистане, который не имеет смысла без участия правительства страны. Тем не менее мы фиксируем факт, что Россия, подобно Турции и Узбекистану, также позиционирует себя в качестве возможной нейтральной «третьей стороны» в межафганском урегулировании. Кроме того, российская сторона участвует и в механизме консультаций спецпредставителей по Афганистану Китай – Россия – США, к которым в 2019 г. примкнул Пакистан³⁰⁶.

³⁰⁵ Там же. С. 30.

³⁰⁶ Там же.

На других площадках для мирных переговоров периодически также фиксировалась активность, однако они все же уступали по значимости. После смерти президента Ислама Каримова и прихода к власти Шавката Мирзиёева в качестве потенциального посредника предложил свои услуги Узбекистан. Ташкент даже принял в 2018 г. международную конференцию по Афганистану, собравшую за одним столом основных региональных и внерегиональных игроков: в общей сложности 21 государство, а также представители ООН и ЕС. Первую скрипку в афганском урегулировании Узбекистан не играет, но, подобно всем внешним акторам, имеет собственную повестку, связанную преимущественно с транспортно-логистическими и инфраструктурными проектами в регионе, и поддерживает рабочие контакты с талибами и афганским правительством.

Иран в силу политических противоречий с США в последнее десятилетие был маргинализирован в афганском мирном процессе. Страна участвовала лишь в заседаниях Стамбульского формата («Сердце Азии») и в Ташкентской конференции в 2018 г. Как показано во второй главе, Иран активно взаимодействует с хазарейским меньшинством Афганистана, реже с непустунскими этносами на севере страны, в частности, с таджиками. В то же время Иран проявлял беспокойство по поводу нестабильности в Афганистане, наркотрафика и присутствия в ИРА войск НАТО. Последний фактор особенно обострился в период нахождения у власти в ИРИ Махмуда Ахмадинежада.

Роль Ирана в отношениях с Афганистаном по поводу безопасности видится двойственной: с одной стороны, он заинтересован в афганском урегулировании, с другой – может попытаться в меру своих возможностей противодействовать присутствию в регионе Запада, в особенности, США. В афганском дискурсе образ Ирана заметно ухудшился к концу 2010-х годов, прежде всего, за счет участия иранского Корпуса стражей исламской революции (КСИР) в при-

влечении шиитов Афганистана, главным образом хазарейцев, к участию в боевых действиях в Сирии в составе дивизии «Фатимийон»³⁰⁷.

В отношении образа Ирана среди афганских элит заслуживают внимания результаты исследования, опубликованные в 2018 г. Афганским институтом стратегических исследований. В опросе приняли участие 730 человек из 10 провинций Афганистана, участвующие в принятии политических решений в стране. По гендерному признаку большинство участников составили мужчины (61%), по конфессиональному – мусульмане-сунниты (69%), по возрастному – люди моложе 44 лет, по 44% на возрастные группы 18–29 лет и 30–44 года. Большинство опрошенных (72%) не имели опыта проживания в Иране. На этническом признаке стоит остановиться отдельно для последующего анализа результатов – здесь большинство составили пуштуны (34,5%), но процентный разрыв с опрошенными таджиками невелик (30,9%), третье место по количеству респондентов заняли хазарейцы (21,6%), а доля узбеков и представителей других этносов заметно меньше (6,5 и 6,3 процента соответственно)³⁰⁸.

Результаты этого исследования продемонстрировали, что большинство респондентов негативно относятся к иранской политике в области безопасности (6% дали ответ «резко негативно», 48,9% – «негативно»), при этом, предсказуемо, для суннитов были характерны негативные ответы, для шиитов – позитивные. Симптоматично, что представители не всех провинций Афганистана, по отношению к которым Иран проявляет политико-экономическую активность, продемонстрировали положительное отношение к ИРИ в области безопас-

³⁰⁷ Более подробно об истории этого формирования, механизмах рекрутирования и деятельности см., в частности: Schneider, T. The Fatemiyoun Division: Afghan Fighters in the Syrian Civil War // Middle East Institute. 2018. URL: <https://www.mei.edu/publications/fatemiyoun-division-afghan-fighters-syrian-civil-war>

³⁰⁸ Chegenizadeh G.A. The Perception of Afghanistan's Elite Regarding the Islamic Republic of Iran. Afghanistan Institute for Strategic Studies. 2018. P. 16–20.

ности: в частности, такие результаты показали респонденты из Герата, Балха, Бадахшана, Бамиана и Кабула³⁰⁹. По вопросам, касающимся отношения к религиозной, социальной и экономической политике Ирана в Афганистане респонденты давали в целом позитивные оценки, суммарное значение показателей «позитивно» и «очень позитивно» варьировалось в районе 60%, однако в данной главе нас интересуют вопросы безопасности. В части опроса, касающейся доверия к Ирану, большинство также дало позитивные ответы – 39,6% показали «высокое» доверие к Ирану, 4% «очень высокое» против 6,3% «очень низкого» доверия и 27,5% «низкого». 22,6% респондентов сообщили о «среднем» доверии Ирану³¹⁰.

Как представляется, отмечаемое в результатах исследования небольшое преимущество позитивного отношения к Ирану во многом задается малым представительством пуштунов среди респондентов и сильным противовесом в лице более лояльных Ирану таджиков и хазарейцев, которые в сумме составили 52,5% респондентов. При изменении их этнического баланса хотя бы до 40% пуштунов за счет снижения представительства других этносов, итоговые результаты, скорее всего, отразили бы более низкий уровень поддержки и доверия Ирану. К тому же, при увеличении числа пуштунов-респондентов, снижение результатов «проиранских голосов» будет связано с большим числом голосов из пуштунских провинций, где Иран слабо или вообще не вовлечен в реализацию социально-экономических проектов. Применительно к условиям рассмотренного опроса, такой расклад мог бы наблюдаться в преимущественно пуштунских провинциях: Кандагар, Нангархар и Пактия.

На образе Ирана в Афганистане негативно отразились и новости начала мая 2020 г., когда в афганской прессе поя-

³⁰⁹ Ibid. P. 21, 23, 25.

³¹⁰ Ibid. P. 41.

вилась информация о задержании иранскими пограничниками афганских граждан, которые пытались пересечь границу с Ираном, после чего их подвергли пыткам и бросили в реку. Точное число погибших не называется. Афганская сторона проводит расследование произошедшего³¹¹.

Кроме того, афганские чиновники и аналитики (в частности, глава ГУНБ Афганистана в 2010–2012 гг. Рахматулла Набиль³¹²) говорили об оказании Ираном финансовой поддержки талибам в западных провинциях Афганистана, а также предоставлении им оружия и возможностей для лечения боевиков на территории ИРИ. В качестве мотивов назывались противостояние западному присутствию в Афганистане, борьба с «ИГ-Хорасан» на территории ИРА и, что более неожиданно, упование на помощь талибов в решении водных проблем – якобы, талибы могут поставить под угрозу строительство дамб на реках, протекающих из Афганистана в восточный Иран (Гильменд или Герируд)³¹³. Каких-либо внятных доказательств помощи талибам со стороны Ирана афганская сторона не предъявила.

Иранская сторона не отрицает наличия контактов с талибами. По материалам СМИ на персидском языке, впервые об этом было объявлено в декабре 2018 г. Впоследствии появились сведения и о встрече 27 ноября 2019 г. муллы Барадара с министром иностранных дел ИРИ Джавадом Зарифом³¹⁴. Как представляется, в данном случае речь идет не о поддержке талибов со стороны Ирана, тем более, в дека-

³¹¹ Iranian Border Guards Accused of Drowning Afghan Workers // Tolo News. URL: <https://tolonews.com/afghanistan/iranian-border-guards-accused-drowning-afghan-workers>

³¹² Набиль: Иран аз Талибан хемайт-е мали ва таслихати миконад (Р. Набиль: Иран оказывает финансовую поддержку Движению талибов и поставляет им вооружение) // Хашт-е собх. URL: <https://goo.su/3imL>

³¹³ Aria Z. Iran-Taliban Relation: Strategic Partnership or Strategic Toolkit? // KHAAMA Press. URL: <https://www.khaama.com/iran-taliban-relation-strategic-partnership-or-strategic-toolkit/>

³¹⁴ Ibid.

бре 2019 г. в прессе появилась информация о том, что иранская сторона выступила против проведения американо-талибских переговоров, мотивируя это отсутствием афганского правительства в качестве участника, то есть, сыграв на стороне последнего³¹⁵. У Ирана довольно гибкий подход к афганскому вопросу, в котором опасения из-за исламского радикализма в соседней стране все же явно перевешивает антизападничество даже на фоне качнувшегося после 2015 г. маятника в сторону консерваторов во внутренней политике и продолжающегося санкционного давления. Талибы же не упускают возможности для расширения своих международных связей и обретения таким образом большей легитимности вкуче с демонстрационным эффектом по отношению к странам Запада. Подобный подход они демонстрировали и во взаимодействии с Россией.

Заклучение американо-талибского соглашения, сдвинувшее с мертвой точки процесс урегулирования конфликта внутри Афганистана, не снимает кардинальных различий во взглядах афганского правительства и талибов на будущее страны. Последние настаивают на формировании Исламского эмирата – теократического государства, возглавляемого единоличным лидером, который должен принадлежать к духовенству. В таком контексте встает вопрос о конкретных параметрах западной политической системы по форме нынешней системы Афганистана после гипотетического мирного урегулирования. Вполне вероятно, что талибы будут настаивать на хотя бы частичном ее демонтаже. Это потребует и внесения изменений в действующую конституцию страны, которую представители ДТ и так не признают.

³¹⁵ Джумхури-е Ислами-е Иран бо анджам-е мозакерат миян-е Амирка ва Талибан мохалефат кард (Исламская Республика Иран выступила против проведения переговоров между США и Движением талибов) // URL: <https://goo.su/3IMK>

Существенной проблемой на пути установления мира в Афганистане остается и двойная лояльность населения. Как неоднократно отмечалось выше, в афганском обществе существует развитая система неформальных взаимоотношений, обычно определяемая кровнородственными связями или местными традициями. Поэтому для Афганистана нормальной является ситуация нахождения разных членов одной семьи «по разные стороны баррикад» – вплоть до того, что один может служить в полиции или армии, другой являться боевиком вооруженной оппозиции. Приоритет родственных и племенных связей зачастую способствует стиранию грани между государством и террористами – один и тот же человек может занимать должность на государственной службе, при этом добровольно жертвуя средства вооруженной оппозиции из-за этнической или кровнородственной близости с кем-либо из боевиков.

Исходя из этого, перспективы мирного урегулирования конфликта в ИРА выглядят весьма туманными. Бесспорно, в истории Афганистана можно найти достаточное количество примеров на первый взгляд противоречащих всякой логике и здравому смыслу договоренностей между политическими лидерами. Показательным примером может служить приведенная в биографическом разделе судьба маршала Дустума, который в 1990-е годы последовательно находился на службе у правящего режима НДПА, затем заключал союзы с Б. Раббани и А.Ш. Масудом, а затем и с их оппонентом Г. Хекматъяром. Последний также имеет богатую историю смены союзников в Афганистане.

Однако слишком уж велико расхождение подходов и интересов правительства и талибов при отсутствии каких-либо точек соприкосновения, которые могли бы быть использованы для сближения. Первостепенные противоречия можно свести к вопросу раздела или же новой конфигурации власти – эта проблема не раз служила камнем преткновения в различные периоды истории Афганистана. Вполне вероятно, в случае организации межафганских переговоров пер-

вым требованием талибов станет формирование временного правительства ради установления мира в стране. Как в таком случае стоит поступать президенту Ашрафу Гани? Соглашаться – значит сокращать доступ к принятию политических решений своим сторонникам, которые в таком случае могут покинуть его команду и ослабить и без того сложное положение Гани. Отказываться еще хуже – тем самым президент выступит против самой идеи мирного процесса в Афганистане. Каким будет этнический состав правительства после гипотетических переговоров правительства с талибами, основная масса которых пуштуны, и не приведет ли это к сокращению доступа к принятию политических решений для других этносов? Существует и другой риск, связанный с увеличением численности сторон переговоров – сейчас в Афганистане идет дискуссия о подключении к диалогу с талибами также представителей гражданского общества и политических партий. Некоторые варианты подразумевают их участие отдельно от правительственной делегации. Риск заключается в том, что увеличение числа участников переговоров неизбежно повлечет за собой сужение области взаимно приемлемого консенсуса.

Даже если представить себе возможность заключения мирного соглашения между сторонами конфликта при выводе контингента НАТО из Афганистана, вряд ли это событие ознаменует окончательное межафганское урегулирование. Напротив, такие события обнажат другой комплекс проблем, связанный с выстраиванием постконфликтного Афганистана и формированием новой конфигурации в политической системе страны. Здесь уместно держать в уме пример 1993 года – тогда лидеры моджахедов после серии столкновений подписали в апреле Джелалабадское соглашение о разделе власти в стране и распределении основных государственных постов. Однако его положения соблюдались лишь полгода, после чего боевые действия возобновились. Нет никакой гарантии окончательного урегулирования и в случае гипотетического мир-

ного договора кабульского правительства с Движением талибов – нельзя исключать, что конфликт вновь разгорится на стадии деления властных полномочий.

Талибы в меру располагаемых возможностей также стремятся уравновесить или даже склонить в свою пользу чашу весов на переговорах. Их позиция подкрепляется присутствием боевиков в большинстве провинций страны, иногда в ход идет блеф ради демонстрации силы и решимости. Впрочем, талибы активно используют и военные средства – от нападений на блокпосты афганской армии до осады крупных городов – так, осенью 2015 г. ДТ смогло ненадолго захватить город Кундуз, центр одноименной провинции и один из крупнейших городов на севере Афганистана. Теоретически, в их пользу может сыграть и вооруженное противостояние с появившимися в Афганистане в начале 2015 г. ячейками ИГ (хотя первые сведения об их появлении на территории ИРА появились еще в конце 2014 г.), которые представляются более опасной угрозой. Впрочем, талибы недостаточно сильны, чтобы обладать инициативой в боях в масштабе всей страны – обычно они придерживались тактики «hit and run» («бей и беги») и избегали крупных боевых столкновений с силами НАТО или афганской армии; к примеру, тот же Кундуз талибы оставили добровольно через несколько дней, узнав о приближении значительных сил афганской армии.

При этом талибы берут на себя ответственность главным образом за совершение террористических актов против объектов или представителей гражданской администрации, полиции или армии, а не за террористические акты против мирного населения. Последние более характерны для сравнительно нового игрока в Афганистане – Исламского государства (ИГ), хотя, если быть более точным, в Афганистане присутствует не само ИГ, а местное движение «Вилаят Хорасан» (еще точнее – конгломерат различных отрядов и группировок), использующее название ИГ как франшизу и выступающее за объединение под своей властью исторического реги-

она Хорасан. Несмотря на громкие заявления о совершенных террористических актах, реальное влияние этого движения в Афганистане ограничивается несколькими восточными провинциями, в остальных частях страны их присутствие слабее. В данной ситуации вряд ли будет корректным говорить о значительном влиянии франшизы ИГИЛ на обстановку в Афганистане или же о готовности этой группировки к массовому проникновению в Центральную Азию.

В качестве основной базы для рекрутирования боевиков «ИГ-Хорасан», как показывает практика, стали боевики движения «Техрик-е Талибан-е Пакистан», вытесненные в 2014 г. пакистанской армией на территорию Афганистана, бывшие талибы, исключенные или вышедшие из этого движения, а также афганские беженцы в Пакистане. Существуют также основания говорить и об участии в деятельности ИГ-Х боевиков Исламского движения Узбекистана (ИДУ). Так, в частности, в апреле 2018 г. в уезде Дарзаб северо-западной провинции Фарьяб был убит один из лидеров ИГИЛ на севере Афганистана Кари Хекматулла, являвшийся этническим узбеком и бывший одним из полевых командиров ИДУ³¹⁶.

Представляется, что заявления о совершенных террористических актах нужны ИГИЛ для пропаганды и создания иллюзии собственной мощи. Талибы же, как отмечалось выше, не берут ответственность за все подряд совершенные нападения, поскольку так или иначе с момента силового отстранения от власти в 2001 г. представляли себя в качестве альтернативной кабульскому правительству политической силы. И главная их задача – не устрашение населения, а позиционирование себя в качестве игрока, не воюющего против простого афганского народа, что соответствует их стремлению к получению власти в Афганистане. Кроме того, важное отличие заключается в идеологических воззрениях ИГ и ДТ.

³¹⁶ Фарманда-е омуми-е Даэш дар велаятхо-е шамали кошта шод (Убит командир ИГ в северных провинциях Афганистана) // Этиллаат Руз. URL: <https://goo.su/3IMS>

Если для первых существенную роль играет идеология радикального ислама и принцип такфира (т. е. обвинение оппонентов или просто неугодных в неверии – куфр), то талибы в последние полтора десятилетия делают акцент на необходимости противостояния действующей власти и внешней интервенции, заметно смягчив свои первоначально фундаменталистские подходы. В то же время, как справедливо отмечается в научной литературе, зачастую даже проблематично установить, действительно ли боевики той или иной группировки в полной мере разделяют идеологические установки ИГ или же просто используют его символику³¹⁷.

Выводы из представленного выше эмпирического материала весьма пессимистичны – вряд ли в ближайшее время стоит ожидать окончательного урегулирования внутриафганского конфликта. Потенциальный вывод сил НАТО из Афганистана, которые ранее аккумулировали на себе негативные настроения населения страны, скорее, несет дополнительные риски, чем способствует сглаживанию противоречий. Можно предположить продолжение вооруженного конфликта в стране, при этом его стороны будут последовательно придерживаться своих позиций. Правительство продолжит операции против ДТ, те, в свою очередь, будут отвечать уже привычными лозунгами о «марионеточном правительстве» и «оккупации страны», продолжая позиционировать себя в качестве альтернативы нынешним политикам и оспаривать легитимность действующего правительства (здесь мы используем классическое понимание легитимности как «веры общества в то, что существующий политический режим является единственно правильным и справедливым» – *прим. авт.*)³¹⁸.

В свою очередь, заинтересованные внешние акторы, по всей видимости, продолжают свою линию на поддержание

³¹⁷ Степанова Е.А. Фактор ИГИЛ и движение Талибан в политике России по Афганистану и в более широком регионе. С. 217.

³¹⁸ Хрусталева М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза: Учеб. пособие для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2018. С. 111.

контактов как с представителями правительства в Кабуле, так и с талибами. Притом наличие контактов с последними совершенно не означает еще их поддержки (разве что за исключением Пакистана). Как представляется, основную роль здесь играет невозможность решения афганской проблемы военным путем, что вынуждает крупных внешних игроков устанавливать контакты с ДТ и быть готовыми даже к самым неблагоприятным сценариям. Это укладывается в логику явления, которое по-английски называется «hedging strategy», то есть, попытка оградить себя от нежелательных рисков, тем более, в такой чувствительной сфере, как национальная безопасность.

3.3. Отношения Афганистана с Индией и Китаем

В предыдущих разделах крайне малое внимание было уделено отношениям Афганистана с еще двумя крупными азиатскими странами – Индией и Китаем. Это объяснимо с точки зрения, что двусторонние отношения ИРА с ними задаются преимущественно вопросами безопасности и экономического сотрудничества, что мы увидим на рассматриваемом ниже эмпирическом материале. Роль этнического и конфессионального фактора здесь минимальна – представители этносов или религиозных групп КНР и Индии не проживают на территории Афганистана в значительных количествах и не мобилизованы политически. Конфессиональный фактор присутствует как фон или осложняющее обстоятельство для проблем безопасности, которые сводятся в основном к угрозе исламистского экстремизма.

Индия

С начала операции международной коалиции в 2001 г. Индия последовательно воздерживалась от какого-либо военного участия в Афганистане. Напротив, акцент делался в пер-

вую очередь на гуманитарных аспектах, включающих обеспечение поступательного экономического развития ИРА и содействие восстановлению ее инфраструктуры. В подобных действиях Индии также присутствует составляющая «мягкой силы» через формирование позитивного образа страны в афганском обществе.

Среди основных интересов Индии на афганском направлении внешней политики в научно-аналитической литературе обычно называют:

- недопущение превращения Афганистана в «тихую гавань» для террористов и какой-либо их деятельности против Индии;
- предотвращение увеличения влияния Пакистана в Афганистане;
- участие в восстановлении инфраструктуры Афганистана, по возможности участие в разработке сырьевых месторождений³¹⁹.

В свою очередь, подходы Афганистана к сотрудничеству с Индией после 2001 г. во многом определяются конфликтной динамикой отношений с Пакистаном. За исключением нескольких коротких периодов улучшения отношений ИРА с ИРП, Афганистан стремился использовать теплые отношения с Индией как способ усилить свою позицию перед пакистанской стороной. Частые взаимные визиты первых лиц двух стран стали нормой – к примеру, за 10 лет президентства Хамид Карзай 14 раз совершал официальные визиты в Индию (хотя при этом более 20 раз – в Пакистан)³²⁰. Со своей стороны, Индия, хотя и проявляла закономерную обеспокоенность по поводу ситуации в Афганистане, не ставила на первое место

³¹⁹ Hooper E., Garrigues J. Mapping the Sources of Tension and the Interests of Regional Powers in Afghanistan and Pakistan. CIDOB, December, 2012. P. 11; Mukhopadhyaya G. India // Is a Regional Strategy Viable in Afghanistan? / Ed. by Tellis A., Mukharji A. Carnegie Endowment, 2010. P. 27–28.

³²⁰ Mullen R. India in Afghanistan: Understanding Development Assistance by Emerging Donors to Conflict-Affected Countries. Stimson Center Policy Brief. August 2017. P. 8.

в афганской политике фактор Пакистана и не рассматривала ее как производную от конфликтных взаимоотношений с ИРП³²¹.

В 2005 г. Индия выступила за присоединение Афганистана к СААРК, которое официально состоялось на саммите организации в 2007 г. Данная организация создавалась для международного сотрудничества государств Южной Азии в социально-экономической сфере. Несмотря на то, что СААРК не является примером успешной региональной экономической интеграции и не сумела продвинуться дальше первой стадии зоны свободной торговли, Афганистан получил доступ к еще одной международной площадке с ярко выраженной экономической повесткой. Впрочем, заслуживает внимания мнение, что лоббирование Индией присоединения Афганистана к СААРК было во многом символическим жестом, призванным «закрепить» место ИРА в регионе Южной Азии, где Индия является лидером³²².

Экономическое и гуманитарное сотрудничество Индии с Афганистаном после 2001 г. сводится к предоставлению донорской помощи для реализации проектов по развитию страны (более 2 млрд долларов с 2001 г., т.е. Индия является пятым по объемам донором Афганистана³²³), регулярным предоставлением стипендий на обучение афганских студентов в Индии, а также реализацией ряда крупных инфраструктурных и социальных инициатив в Афганистане, в частности:

- шоссе Диларам – Зарандж в провинции Нимруз;
- здание парламента Афганистана (открыто в 2015 г. во время визита премьер-министра Индии Нарендры Моди в Кабул);
- плотина «Салма» в провинции Герат (открыта в 2016 г. во время еще одного визита Нарендры Моди в Афганистан,

³²¹ Mukhopadhaya G. India. P. 35–36.

³²² Hanif M. Indian Involvement in Afghanistan: Stepping Stone or Stumbling Block to Regional Hegemony? // German Institute of Global and Area Studies (GIGA), Working Papers. № 98. April 2009. P. 17.

³²³ Krishnamurthy R. India's Afghanistan Policy and Perceptions. P. 7.

впоследствии переименована в Плотины афгано-индийской дружбы. Плотина входит в структуру гидроэлектростанции установленной мощностью 42 мегаватта³²⁴⁾³²⁵.

- сооружение линии электропередач из Пули-Хумри (провинция Баглан) в Кабул;
- поставки питания для учеников начальных школ Афганистана.

Участие Индии в восстановлении Афганистана сталкивалось с болезненной реакцией Пакистана, который утверждал, что индийские консульства в ИРА участвуют в подготовке и финансировании белуджских сепаратистов. Дипломатические учреждения Индии в Афганистане неоднократно подвергались нападениям: в 2008 и 2009 гг. это было посольство в Кабуле, в 2013 и 2014 гг. – консульства в Джелалабаде и Герате соответственно. Сообщалось также о террористическом акте у консульства Индии в Мазари-Шарифе³²⁶. Индийская сторона предсказуемо обвиняла Пакистан в организации нападений.

С 2011 г. афгано-индийские отношения развиваются в рамках заключенного договора о стратегическом партнерстве, который содержит ряд заслуживающих внимания договоренностей, в частности:

- Взаимодействие двух стран в рамках ООН и иных международных форумах, в том числе поддержку реформы

³²⁴ Taliban Attack Checkpoint Near India-made Dam in Afghanistan, Kill 10 Police-men // The Economic Times. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/taliban-attack-checkpost-near-india-made-dam-in-afghanistan-kill-10-police-men/articleshow/59310405.cms>

³²⁵ Открытие этой плотины в провинции Герат вызвало недовольство иранской стороны, которая проявляет особое внимание к экономическим и политическим процессам в этом регионе Афганистана. Реализация данного проекта позволила снизить зависимость от поставок электроэнергии из Ирана (прим. авт.).

³²⁶ Hu S., Pantucci R., Sawhney R., Winterbotham E. Communication, Co-operation and Challenges. A Roadmap for Sino-Indian Engagement in Afghanistan // Royal United Services Institute for Defence and Security Studies. Occasional Paper. February 2016. P. 5.

и расширения СБ ООН и предоставление Индии места постоянного его члена;

- Индия будет оказывать содействие Афганистану по программам подготовки, оснащения и наращивания потенциала Сил безопасности Афганистана;

- Поощрение контактов между регионами/провинциями двух стран в целях развития торгово-экономического и культурного сотрудничества;

- Укрепление регионального сотрудничества в рамках СААРК;

- Индия принимает обязательства по содействию развитию таких отраслей, как сельское хозяйство, горнодобывающая промышленность и здравоохранение, «в соответствии с приоритетами Афганистана»³²⁷.

Несмотря на заметный фокус на экономическое сотрудничество, взаимодействие в сфере безопасности также предусмотрено, хотя и определено весьма размыто. В соответствии с данными положениями, после подписания соглашения Индия более существенно включилась в процесс подготовки афганских военных и полицейских – сообщалось, что с 2013 г. число курсантов, обучающихся в Индии, превысило 1000 человек. Это не так много, но по сравнению с 2012 г., когда Афганистан направил всего 574 человека, рост очевиден³²⁸. По обновленным данным, по состоянию на 2019 г. обучение в Индии прошли более 4000 человек³²⁹. Также, по некоторым сведениям, Индия поставила Афганистану вооружения, способные поражать цели, летящие на большой высоте (общей суммой на 8 млн долларов США), а также направила в Афганистан военных советников и специалистов по тех-

³²⁷ Text of Agreement on Strategic Partnership between the Republic of India and the Islamic Republic of Afghanistan // Ministry of External Affairs. Media Center. URL: <https://mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/5383/Text+of+Agreement+on+Strategic+Partnership+between+the+Republic+of+India+and+the+Islamic+Republic+of+Afghanistan>

³²⁸ Price G. India's Policy Towards Afghanistan // Chatham House. August 2013. P. 6.

³²⁹ Krishnamurthy R. India's Afghanistan Policy and Perceptions. P. 9.

ническому обслуживанию вертолетов³³⁰. Однако масштабы военного сотрудничества Индии и Афганистана существенно меньше, чем у ИРА со странами Запада.

Подписание афгано-индийского соглашения о стратегическом партнерстве спровоцировало резко негативную реакцию пакистанской стороны. Для смягчения последствий тогдашнему послу Афганистана в Пакистане Омару Даудзаю пришлось последовательно встретиться с начальником штаба Сухопутных войск генералом Ашфаком Кайани и Секретарем по иностранным делам Салманом Баширом и заверить их, что соглашение между ИРА и Индией не направлено против Пакистана³³¹.

По мере углубления экономических связей Индии с пост-талибским Афганистаном, оба государства выразили заинтересованность в обеспечении торговли в обход Пакистана, который последовательно отказывал Индии в обеспечении прямого сухопутного маршрута транспортировки товаров через свою территорию в Афганистан и Центральную Азию, и в обратном направлении³³². В таких условиях Индия и Афганистан сделали ставку на развитие порта Чабахар в провинции Систан и Белуджистан на юго-востоке Ирана, в том числе для его использования индийской стороной был реализован вышеупомянутый проект автодороги между Диларамом и Заранджем в юго-западной афганской провинции Нимруз, которая подходит к границе Афганистана с Ираном.

Режим сотрудничества трех стран по поводу использования порта Чабахар регулируется подписанными в мае 2016 г. и в октябре 2018 г. соответственно соглашениями о создании международного транспортного и транзитного коридора и о транзите товаров. Официальное открытие транспортного коридора состоялось в Кабуле в феврале 2019 г. По данным

³³⁰ Ganguly S. India's Role in Afghanistan // CIDOB. January 2012. P. 4.

³³¹ Ibid. P. 6.

³³² Mohammadi Q. Chabahar: The Decay of Geo-strategic Importance of Afghanistan and Pakistan // Kardan Journal of Economics and Management Sciences. Vol. 1. № 1. P. 70.

иранской стороны на вторую половину апреля 2020 г., в 1398 г. по солнечной хиджре (21 марта 2019 г.– 20 марта 2020 г.) совокупный объем погрузки и разгрузки товаров в Чабахаре достиг почти 3 млн тонн, а за последние 2 года перевалочную мощность порта удалось увеличить в 4 раза³³³. При этом портовый комплекс еще нуждается в дальнейшем развитии, поэтому объемы перевозимых товаров между Индией и Афганистаном в перспективе могут возрасти.

По данным исследований, в афганском обществе превалирует позитивное отношение к Индии – так, о позитивном восприятии Индии заявили 75% опрошенных госслужащих, работников афганских неправительственных организаций и простых афганцев³³⁴. Точное число опрошенных не указано, однако подобные результаты свидетельствуют о том, что большинство граждан вполне устраивает политическая линия Индии в отношении ИРА. Также в научной литературе приводятся сведения о восприятии афганцами индийской помощи как более эффективной по сравнению с западной и китайской. В первом случае жалобы касаются в основном неэффективного расходования средств, во втором – крайне низкого качества предоставляемых услуг (аналитик Шакти Синха приводит пример с больницами в Кабуле, отремонтированными китайской стороной, которые вскоре после открытия пришлось закрывать из-за множества конструктивных недостатков)³³⁵.

Политическая линия Индии на дистанцирование от участия в военных операциях на территории Афганистана и международных усилий по продвижению мирного процесса сохраняется в сочетании с заметной секьюритизацией дву-

³³³ MFA Digest. Centre for Public and Media Diplomacy // Ministry of Foreign Affairs, Islamic Republic of Iran. № 14, April 2020. P. 17.

³³⁴ Archiwal. Overwhelming Majority of Afghans Has a Positive Perception of India // India in South Asia. Challenges and Management / Ed. by Ranjan A. Springer, 2019. P. 125, 128.

³³⁵ Sinha Sh. Rising Powers and Peacebuilding: India's Role in Afghanistan // Rising Powers and Peacebuilding. Breaking the Mold? / Ed. by Call T., de Coning C. Palgrave Macmillan, 2017. P. 148, 152.

сторонних отношений с ИРА. Основными темами для диалога двух стран в сфере безопасности остаются недопущение расширения влияния исламистов в Афганистане, а также фактор Пакистана. В случае гипотетического ухода войск международной коалиции с территории ИРА в соответствии с положениями американо-талибского соглашения вариант их замены индийскими силами представляется невероятным сценарием. Однако потенциал для невоенной кооперации Индии с заинтересованными региональными и внерегиональными игроками в Афганистане является весьма широким. Осторожная позиция Индии по Афганистану согласуется с подходами всех заинтересованных государств за исключением разве что Пакистана. Ее участие в мирном процессе не вызывает отторжения среди западных партнеров Афганистана – так, в мае 2020 г. во время визита в Дели З. Халилзад выступил в поддержку более активной роли Индии в афганском мирном процессе, включая переговоры с талибами³³⁶.

Можно предположить, что Индия в своей политике на афганском направлении сохранит и в дальнейшем акцент на экономическом и гуманитарном участии, а ее способность оказывать реальное влияние на ситуацию в Афганистане будет весьма ограниченной. Недостатком индийской политики на афганском направлении видится отсутствие ее стратегической проработки, но, учитывая нежелание Индиишний раз раздражать Пакистан и сложный набор региональных противоречий, ее осторожный подход в отношении Афганистана после 2001 г. выглядит вполне релевантным.

Kumai

Афгано-китайские отношения после 2001 г. характеризуются еще меньшей интенсивностью, чем афгано-индийские. КНР сама проявляла большую осторожность на афганском

³³⁶ Khalilzad: India Should Talk Directly to Taliban // Tolo News. URL: <https://tolonews.com/afghanistan/khalilzad-india-should-talk-directly-taliban>

направлении, избегая подключения в той или иной форме к миссиям МССБ и «Решительная поддержка». Приоритеты Китая сводились к инвестициям в отдельные экономические проекты на территории ИРА при ограниченном финансировании миссии ООН в Афганистане³³⁷.

В качестве основных целей Китая на афганском направлении внешней политики обычно называют:

- предотвращение подготовки уйгурских боевиков на территории Афганистана и их проникновение в Синцзянь-Уйгурский автономный район (СУАР) КНР, населенный преимущественно уйгурами;
- обеспечение доступа к разработке сырьевых месторождений Афганистана и безопасности масштабных китайских экономических проектов (на настоящем этапе – КПЭК (китайско-пакистанского экономического коридора) и в перспективе – «Нового шелкового пути»);
- пресечение наркотрафика из Афганистана в Китай;
- поддержание союзнических отношений с Пакистаном, недопущение усиления роли Индии на афганском направлении³³⁸.

С 2001 г. Китай проявлял крайне осторожный подход к нахождению на территории Афганистана западных войск. С одной стороны, КНР выступала против долгосрочного присутствия сил НАТО в соседнем государстве, мотивируя это опасностью «окружения» страны иностранными войсками. Показательно, как китайский автор Вань Джин характеризует подход КНР: «После 2001 года, <...> Китай рассматривал Афганистан как военную базу США, которая может угрожать западной части страны»³³⁹.

³³⁷ Shahid S. Engaging Regional Players in Afghanistan. Threats and Opportunities. Center for Strategic & Regional Studies (CSIS). November 2009. P. 1.

³³⁸ Hooper E., Garrigues J. Mapping the Sources of Tension and the Interests of Regional Powers in Afghanistan and Pakistan. P. 13.

³³⁹ Jin W. The US Withdrawal and One Belt One Road: Chinese Concerns and Challenges in Afghanistan // Strategic Assessment. 2016. Vol. 19. № 3. P. 69.

С другой стороны, Китай стремился избежать восприятия своей позиции по Афганистану как антизападной и поддерживал идею иностранной помощи ради стабилизации обстановки в ИРА³⁴⁰. Учитывая серьезные опасения в КНР по вопросу уйгурского сепаратизма, антитеррористическая операция в Афганистане, очевидно, казалась им «меньшим злом». Прозападное правительство, возникшее в Афганистане после 2001 г., также не рассматривалось Китаем как проблема – страна одной из первых возобновила прерванные при талибах дипломатические отношения, в феврале 2002 г. было вновь открыто посольство КНР в Кабуле. Также Китай принял обязательства по предоставлению Афганистану примерно 5 млн долларов для постконфликтного восстановления³⁴¹. При этом вопрос об участии китайских вооруженных сил в миссии в Афганистане не рассматривался руководством страны.

Афганская сторона в первые годы выстраивания новой политической системы не проявляла большого интереса к сотрудничеству с Китаем, отдавая приоритет странам Запада. Хамид Карзай посещал с визитами КНР в 2002, 2006 и 2010 годах, однако к существенному прорыву в двусторонних отношениях это не привело. Лишь в 2006 г. стороны подписали договор о добрососедской дружбе (*sic!*) и сотрудничестве (the Treaty of Good Neighborly Friendship and Cooperation), где центральной темой стала борьба с терроризмом и экстремизмом^{342, 343}.

КНР выступила инициатором привлечения Афганистана к деятельности Шанхайской организации сотрудниче-

³⁴⁰ Swaine M., Ng T. China // Is a Regional Strategy Viable in Afghanistan? / Ed. by Tellis A., Mukharji A. Carnegie Endowment, 2010. P. 63.

³⁴¹ Ng T.P. China's Role in Shaping the Future of Afghanistan // The Carnegie Endowment, Policy Outlook. September 1, 2010. P. 3.

³⁴² Huasheng Z. China and Afghanistan. Center for Strategic & International Studies (CSIS). March 2012. P. 2.

³⁴³ В Китае для обозначения основных угроз в сфере безопасности после 2001 года обычно используют понятие «трех зол» – религиозного экстремизма, этнического сепаратизма и терроризма (*прим. авт.*).

ства (ШОС): в 2005 г. был подписан протокол о создании контактной группы ШОС-Афганистан, а начиная с 2006 г. президент ИРА ежегодно принимает участие в работе саммитов ШОС³⁴⁴. С 2012 г. Афганистан получил статус наблюдателя в ШОС. Как представляется, Афганистан охотно согласился на подключение к работе данной международной организации в силу необходимости расширения контактов с международными партнерами для придания дополнительной легитимности правительству страны, а также в целях сотрудничества для обеспечения безопасности в Азии.

В 2014 г. второй президент Афганистана Ашраф Гани совершил свой первый государственный визит именно в Китай³⁴⁵, что укладывалось в его внешнеполитическую концепцию «пяти кругов сотрудничества». По всей видимости, его расчет заключался в попытке заручиться поддержкой Китая для возможного давления на Пакистан по вопросу продвижения мирного процесса и отказа от поддержки талибов. Не случайно на начальном этапе своего первого президентского срока Гани отказался от конфронтационной риторики по отношению к Пакистану – очевидно, ставка делалась на достижение прогресса в трехстороннем формате диалога, который начался еще с 2012 г., но не принес заметных результатов. Однако расчет президента Гани на давление на пакистанскую сторону таким образом не оправдался, и уже меньше чем через год афганская сторона вернулась к критической риторике по отношению к южному соседу. На этот период пришлось и незначительное охлаждение отношений с Индией, которая с подозрением отнеслась к попыткам нового афганского президента укрепить диалог с Китаем.

³⁴⁴ Huasheng Z. China and Afghanistan. P. 11.

³⁴⁵ В ряде источников первым зарубежным визитом Ашрафа Гани называется поездка в Саудовскую Аравию осенью 2014 года. Однако, несмотря на встречу с королем и представителями королевского двора Саудовской Аравии, визит не имел официального статуса, а в качестве основной его цели было заявлено совершение афганским президентом умры (малого хаджа) (прим. авт.).

После визита Ашрафа Гани и проведения в 2014 г. в Пекине заседания Стамбульского процесса – «Сердце Азии», КНР заметно интенсифицировала свои усилия на афганском направлении. В КНР появилась должность Спецпосланника по Афганистану, состоялись несколько визитов китайских чиновников в Афганистан, затем было инициировано создание четырехсторонней координационной группы (КНР, Афганистан, Пакистан и США), единственное заседание которой прошло в 2017 г. Еще одним форматом стал четырехсторонний механизм сотрудничества и координации, схожий по составу – только вместо США в его работе участвовал Таджикистан. Последний формат созывался несколько раз, однако также не принес какого-либо заметного прогресса в деле афганского урегулирования³⁴⁶. Как представляется, проблема заключалась в узком круге участников данных форматов – в первом случае были представлены лишь два из шести государств-соседей Афганистана и только США как внерегиональный игрок, во втором случае США вовсе отсутствовали. В таких условиях вряд ли стоило ожидать серьезных прорывов.

Также китайская сторона сумела наладить взаимодействие с представителями катарского офиса Движения талибов. Китай разделяет распространенный среди внешних игроков в Афганистане подход о «ведомом и руководимом самими афганцами» (Afghan-owned and Afghan-led) мирном процессе, что не исключает возможности установления контактов с ДТ и де-факто означает готовность сотрудничать с любым правительством в Кабуле, если оно не занимает антикитайскую позицию. Для Китая это еще и попытка минимизировать потенциальную исламистскую угрозу в расчете на способность ДТ оказать влияние на уйгурских исламистов и в особенности на Исламское движение Восточного Туркестана (ИДВТ), с которым у талибов установились союзнические отношения.

³⁴⁶ Andersen L., Jiang Y. China's Engagement in Pakistan, Afghanistan and Xinjiang // DIIS Report. 2018. № 06. P. 46–47.

Первая официальная встреча китайской стороны с представителями ДТ состоялась в 2014 г. – тогда представители катарского офиса совершили визит в Пекин для донесения своей позиции по мирному урегулированию в Афганистане до китайского руководства³⁴⁷. Затем в 2015 г. в Урумчи состоялась встреча представителей афганского правительства и катарского офиса ДТ, которая не привела к каким-либо результатам. Далее Китай проявил инициативу в 2019 г., когда в октябре зашла речь о проведении в Пекине раунда мирных переговоров с участием представителей афганского правительства³⁴⁸. Однако переговоры не состоялись – вероятно, не без давления стран Запада, не желавших упускать инициативу на переговорах и создавать дополнительные конкурирующие форматы урегулирования.

Выше говорилось о взглядах Индии на Движение талибов: она полагает, что ДТ находится под полным контролем Пакистана. Китайская сторона придерживается несколько иного подхода – не отрицая связей Пакистана с ДТ, в КНР не без оснований считают, что ИРП не обладает всей полной влиянием на талибов, роль которых во многом определяется внутривластной динамикой в Афганистане³⁴⁹. В контексте рассмотренных нами в разделе 3.2 особенностей возникновения и деятельности ДТ позиция Китая по этому вопросу представляется более реалистичной.

В свою очередь, афганские правящие круги рассматривают участие Китая как одну из составляющих мирного урегулирования, продвигая идею необходимости «регионального консенсуса» (اجماع منطقوى). Она получила широкое рас-

³⁴⁷ Чин ва чашмандаз-е сольх миян-е Афганистан ва Талибан (Китай и перспектива мира между Афганистаном и Движением талибов) // Afghan Voice Agency. URL: <https://goo.su/3IOJ>

³⁴⁸ Талибан: Чин мизбан-е нешаст-е сольх-е Афганистан хохад буд (Китай примет заседание по миру в Афганистане) // BBC Persian. URL: <https://www.bbc.com/persian/afghanistan-50150003>

³⁴⁹ Hu S., Pantucci R., Sawhney R., Winterbotham E. Communication, Co-operation and Challenges. A Roadmap for Sino-Indian Engagement in Afghanistan. P. 14.

пространение после 2014 г., когда президент Ашраф Гани обозначил сотрудничество со странами-соседями в качестве одного из приоритетов внешнеполитической деятельности. После его переизбрания в 2020 г., совпавшем хронологически с актуализацией вопроса мирного процесса в стране на фоне заключения американо-талибского соглашения, назначенный новым министром иностранных дел Ханиф Атмар в одном из первых телефонных звонков иностранным коллегам обсудил с министром иностранных дел КНР вопросы борьбы с пандемией COVID-19 и региональной безопасности³⁵⁰. Подобные телефонные разговоры Атмар провел и с коллегами из других стран-соседей, поэтому предположения об интенсификации сотрудничества ИРА и КНР преждевременны. Пока что на китайском направлении афганской внешней политики акцент на региональный консенсус не привел к какому-либо прорыву в сотрудничестве, несмотря на поддержание диалога.

Помимо политического сотрудничества Афганистана и КНР, стороны развивали и экономическое взаимодействие. Китай традиционно сделал акцент на разработке полезных ископаемых в Афганистане. В частности, в 2007 г. Металлургическая корпорация Китая выиграла тендер на разработку крупного медного месторождения Айнак в провинции Логар. Представленный китайской стороной проект включал также сооружение теплоэлектростанции, железных дорог, школ, мечетей и больниц недалеко от разрабатываемого месторождения, общая сумма инвестиций оценивалась в более чем 10 млрд долларов США.

Вторым крупным проектом китайской стороны стала совместная разработка Китайской национальной нефтегазовой корпорацией (CNPC) и афганской компанией Watan Oil & Gas нефтяных месторождений в провинциях Сари-Пуль

³⁵⁰ Telephone Call between Afghan and Chinese Foreign Ministers // Ministry of Foreign Affairs, Islamic Republic of Afghanistan. URL: <https://www.mfa.gov.af/news/1753-telephone-call-between-afghan-and-chinese-foreign-ministers.html>

и Фарьяб, в бассейне реки Амударья³⁵¹. Контракт на разработку трех нефтяных месторождений был подписан сроком на 25 лет, очистка нефти будет проводиться в Туркменистане. Запасы этих месторождений оцениваются всего в 87 млн баррелей, в день будут добываться лишь 1950³⁵² (для сравнения – в 2019 г. Россия ежедневно добывала более 10 млн баррелей в день). По меркам мировых рынков нефти это ничтожно малое количество.

Реализация обоих проектов столкнулась с рядом сложностей. Во время подготовки работ на месторождении Айнак были обнаружены остатки древнего буддийского города. Ввиду его большой археологической ценности и опасений утраты артефактов древности старт разработок в Айнаке был отложен, и до сих пор неизвестно, когда именно его ожидать. Также рабочие, прибывшие в конце 2000-х годов для освоения месторождения (КНР по обыкновению прислала своих рабочих, афганцы не получили трудовых мест), неоднократно подвергались нападениям боевиков. Есть вопросы и к окупаемости проекта – в лучшем случае, по некоторым оценкам, он начнет приносить прибыль лишь через 7–10 лет после запуска³⁵³. Еще одной проблемой стали обвинения в коррупции – по некоторым сведениям, тогдашний министр горнодобывающей промышленности ИРА Ибрагим Адель получил взятку в размере 30 млн долларов от Металлургической корпорации Китая и при рассмотрении заявок на разработку месторождения Айнак отказался обсуждать слабые стороны китайского проекта и сильные стороны его альтернатив³⁵⁴.

³⁵¹ Jin W. The US Withdrawal and One Belt One Road: Chinese Concerns and Challenges in Afghanistan. P. 70.

³⁵² China's CNPC Begins Oil Production in Afghanistan // Reuters. URL: <https://www.reuters.com/article/us-afghanistan-oil/chinas-cnpc-begins-oil-production-in-afghanistan-idUSBRE89K08G20121021>

³⁵³ Ng T.P. China's Role in Shaping the Future of Afghanistan. P. 6.

³⁵⁴ Zyck S. The Role of China in Afghanistan's Economic Development & Reconstruction. Civil-Military Fusion Center. March 2012. P. 5.

Проблема безопасности существует и на месторождениях в бассейне Амударьи – по некоторым данным, CNPC была вынуждена даже платить местным вооруженным формированиям за защиту китайских рабочих и их оборудования³⁵⁵. По всей видимости, здесь речь идет о местном ополчении, подконтрольном Абдуллаху Дустуму.

Кроме того, проект CNPC и Watan Oil & Gas также вызвал подозрения в коррупции: афганская компания принадлежит братьям Попаль (пуштуны-попользай), т. е. соплеменники тогдашнего президента Хамида Карзая. Газета The New York Times сообщала даже о том, что крупнейшим акционером одного из подразделений группы компаний Watan Group является брат президента Каюм Карзай, однако впоследствии было выпущено опровержение этой информации³⁵⁶.

После объявления в 2013 г. о начале реализации китайской стороной крупномасштабного транспортно-логистического и экономического проекта «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП, иногда в научной литературе встречаются обозначения «Новый шелковый путь» и инициатива «Один пояс – один путь»), на повестку дня был поставлен вопрос о его маршруте. Как показала практика, по этому вопросу Китай и Афганистан занимают разнонаправленные позиции: на официальных картах сухопутной части транспортного коридора (морскую мы не рассматриваем, поскольку Афганистан не имеет выхода к морю) через ИРА основной маршрут не проходит, в лучшем случае речь идет о «планируемых» или второстепенных ответвлениях³⁵⁷. Несмотря на поддержку дан-

³⁵⁵ Jin W. The US Withdrawal and One Belt One Road: Chinese Concerns and Challenges in Afghanistan. P. 76.

³⁵⁶ Corrections. Aug. 9, 2010 // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2010/08/10/pageoneplus/corrections.html>.

³⁵⁷ См., в частности: К великому океану – 3. Экономический пояс Шелкового пути и приоритеты совместного развития евразийских государств // Аналитический доклад международного дискуссионного клуба «Валдай» (краткая версия), М., 2015. С. 18–19; Safi M., Alizada B. Integrating Afghanistan Into the Belt and Road Initiative // Friedrich Ebert Stiftung. August 2018. P. 5.

ного проекта с афганской стороны (с соответствующими заявлениями выступал президент Гани), готовность подключиться к его реализации в качестве хаба для региональной торговли и аргументацию в пользу этого³⁵⁸, будущее участия Афганистана транспортном коридоре ЭПШП остается туманным. Каких-либо официальных заявлений первых лиц ИРА или КНР по этому поводу нет.

Гуманитарное сотрудничество Афганистана и КНР пока весьма скромное в силу избирательного подхода последней к сотрудничеству – сообщалось о предоставлении китайской стороной 500 грантов на обучение афганских студентов, ремонте больниц в Кабуле и Кандагаре, а также о сооружении больницы «Джумхурият» в Кабуле. В 2010 г. в Кабульском университете был открыт Институт Конфуция³⁵⁹ – эти учреждения традиционно рассматриваются китайской стороной как один из главных инструментов продвижения «мягкой силы».

В целом, отношения Афганистана и Китая после 2001 г. характеризовались невысокой интенсивностью. ИРА проявляла ограниченный интерес к сотрудничеству с КНР, отдавая предпочтение странам Запада. Китай также проявлял осторожность, поддерживая все усилия международного сообщества по стабилизации и восстановлению Афганистана, но избегая активного и широкого вовлечения в вопросы безопасности в ИРА в пользу реализации там точечных экономических проектов. При этом тема уйгурского сепаратизма и исламистского экстремизма все равно остается на повестке дня в КНР и в том числе в ШОС. В 2010-х годах КНР предлагала ряд многосторонних форматов для обсуждения проблемы мирного урегулирования в Афганистане, однако результатов они не дали.

³⁵⁸ 12 Reasons the Silk Road Through Afghanistan is Underway // The Embassy of Afghanistan in Turkmenistan. URL: <https://afghanembassyturkmenistan.com/12-reasons-the-silk-road-through-afghanistan-is-underway/>

³⁵⁹ Zyck S. The Role of China in Afghanistan's Economic Development & Reconstruction. P. 2.

Вряд ли можно рассчитывать на то, что после намеченного вывода западных войск из Афганистана Китай «придет и порядок наведет». Маловероятно, что китайские власти будут готовы размещать какие-либо воинские контингенты в Афганистане в случае нового витка гражданской войны, они предпочитают действовать экономическими методами, в том числе и для умиротворения нестабильных территорий. К тому же риск повторить сценарий СССР и НАТО весьма велик, и в КНР это прекрасно понимают.

Внешиполитические линии Индии и Китая на афганском направлении во многом схожи и отмечаются прагматизмом с акцентом на экономическое и гуманитарное сотрудничество. При этом обе страны исходят из необходимости предотвращения потенциальной угрозы исламистского радикализма. Примечательно, что, будучи донорами афганской экономики, они не позиционируют себя в таком качестве, предпочитая образ «партнера, содействующего развитию»³⁶⁰.

На афганском направлении обе страны сталкиваются и с общими проблемами – нестабильность в ИРА, слабая экономическая система и коррумпированность, низкий уровень качества государственного управления в Афганистане. Несмотря на сложные отношения между Индией и КНР, а также союзнические отношения последней с враждебным Индии Пакистаном, интересы двух стран сходятся в отношении экономического сотрудничества с Афганистаном, где они занимают свои ниши и пока не являются прямыми конкурентами. Вторая точка схождения интересов Индии и КНР – стремление не допустить полного коллапса в Афганистане как с точки зрения экономики, так и с точки зрения безопасности и функционирования государственных структур. При этом для ИРА и стран Запада более предпочтительным партнером по афганскому вопросу видится Индия.

³⁶⁰ Sinha Sh. Rising Powers and Peacebuilding: India's Role in Afghanistan. P. 129.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты проведенного исследования позволяют сделать следующие выводы: основные внутренние факторы, оказывающие влияние на внешнюю политику современного Афганистана, имеют давнюю историю и отмечаются гораздо раньше 2001 г., ознаменовавшего новый этап в развитии страны. При этом события 2001 г. и формирование новой политической системы Афганистана значительно изменили внутри- и внешнеполитический контекст в новейшей истории страны. Основными факторами, задающими внутриполитическую динамику, как уже неоднократно отмечалось выше, являются этнические разногласия, религиозный дискурс и внутренняя нестабильность. Также следует учитывать, что они тесно связаны друг с другом и подчас оказывают взаимное влияние.

Однако степень их значимости в формулировании внешней политики страны разная. Прежде всего, заметен этнополитический конфликт в Афганистане между пуштунами как этническим большинством, историческими носителями власти и иными крупными этносами, недовольными своей депривацией от принятия политических решений. Фактором осложнения ситуации является и наличие в регионе этносов, частично проживающих на территории Афганистана. Его страны-соседи зачастую сотрудничают с соответствующими национальными меньшинствами в Афганистане. Впрочем, такое взаимодействие носит явный тактический характер и не преследует далеко идущих целей.

Вопрос присоединения афганских территорий, населенных соответствующим этносом, равно как и тема ирредентизма части некоторых этносов, проживающих в сосед-

них с Афганистаном странах, ныне относится к маргинальным точкам зрения и не может рассматриваться всерьез. Если речь идет о северных соседях Афганистана, то, пожалуй, главной причиной этого является различие в модернизационном развитии обществ Центральной Азии: этносы, развивавшиеся в русле российского, а затем и советского проектов, серьезно разошлись в культурно-ментальном плане с частью своего этноса, развивавшейся в рамках афганской модели модернизации.

Самая напряженная динамика этнического фактора во внешнеполитической проекции фиксируется в отношениях ИРА и Пакистана, по обе стороны границы которых проживает пуштунский этнос. Если для Пакистана вопрос с северными границами закрыт, то Афганистан не признает нынешнюю границу законной, пуштунское население приграничной зоны ее попросту игнорирует, пользуясь ее слабой защищенностью. Стоит добавить, что и в этом случае шансов на ирредентистский проект практически нет, несмотря на пристальное внимание афганского руководства к пакистанским пуштунам. Существенным отталкивающим фактором служит слабая привлекательность Афганистана как государства проживания вкупе с категорической позицией пакистанского руководства о недопустимости каких-либо территориальных изменений страны. В остальном с формированием политической системы постталибского Афганистана, этнический фактор в подходах внешних игроков, более явный в 1990-е годы, практически полностью сошел на нет.

Проекция религиозного фактора во внешней политике Афганистана заметна слабее, однако не учитывать его нельзя. Во-первых, политический ислам как одно из измерений этого фактора обладает серьезным потенциалом для политической мобилизации афганского общества, за исключением разве что некоторых племен и кочевников. Второе измерение религиозного фактора связано с проживанием на территории ИРА конфессиональных меньшинств шиитов (имамитского толка)

и исмаилитов. У первых налажен контакт с Ираном, вторые пользуются поддержкой мирового лидера исмаилитов Ага Хана IV, в том числе и привлекая средства его Фонда на территорию Афганистана.

Под влиянием третьего фактора – нестабильной обстановки в стране – афганское правительство с 2001 г. предпринимает активные усилия во внешнеполитической деятельности, направленные на привлечение максимально возможных объемов безвозмездной иностранной финансовой помощи для различных целей. Изначальная повестка восстановления инфраструктуры Афганистана и строительства демократической политической системы примерно с 2010 г. вытесняется задачами обеспечения безопасности в стране. Это направление внешней политики ИРА можно признать успешным, поскольку оно позволяет достигать поставленных целей. По сути, успешность Афганистана в этом отношении стала залогом сохранения у власти нынешних элит, которые являются основными бенефициарами притоков финансовой помощи.

На международной арене кабульское правительство «разыгрывает карту» нестабильности в стране, обосновывая тем самым необходимость новых притоков денежных средств. Поэтому, пожалуй, среди трех проанализированных факторов именно последний, связанный с внутренней нестабильностью, стоит признать приоритетным, поскольку именно с ним связано пополнение ресурсов Афганистана за счет притоков безвозмездной иностранной финансовой помощи и, следовательно, способность кабульского режима к сохранению власти. Остальные два фактора лишь дополняют его.

Очевидно, что главным условием как внутренней, так и внешней стабильности Афганистана является достижение реального компромисса между нынешними властями и представителями Движения талибов, которые являются основной группировкой антиправительственной вооруженной оппози-

ции. Все вышеприведенные факторы наиболее остро проявляются именно в данном вопросе.

Переговорный процесс с талибами сдвинулся с мертвой точки лишь после назначения в 2018 г. Залмая Халилзада специальным представителем США по афганскому урегулированию. Его деятельность, направленная на взаимодействие с представителями катарского офиса Движения талибов, и консультации с заинтересованными внешними игроками привела к подписанию 29 февраля 2020 г. американо-талибского соглашения, в котором обговариваются сроки вывода иностранных войск из страны. Тем не менее говорить об установлении мира в Афганистане пока рано. И дело даже не в том, будет ли это соглашение выполнено. Как представляется, гораздо большую важность будут иметь межафганские переговоры, проведение которых осложняется рядом факторов:

- Фундаментальное расхождение кабульского правительства и представителей талибов по поводу взглядов на будущее Афганистана;
- Отсутствие единства среди афганских элит;
- Полицентричная структура Движения талибов. Даже если талибы выступают по какому-либо вопросу с более или менее единых позиций, это не гарантирует то, что местные полевые командиры будут иметь совпадающие мнения по всему спектру вопросов государственного устройства;
- Дополнительным фактором может стать недостаточное взаимодействие внешних игроков. Среди них существует понимание необходимости внутриафганского урегулирования, но все равно каждый из них стремится к реализации собственной повестки.

Таким образом, спустя почти два десятилетия после начала нового этапа исторического развития Афганистану практически не удалось избавиться от застарелых проблем и сложностей, которые проецируются и на внешнюю политику страны. Бесспорно, определенные успехи были достиг-

нуты — в частности, выстраивание с нуля политической системы и удержание ее в более или менее функционирующем состоянии. Однако Афганистану предстоит еще долгий путь к созданию стабильного государства и адекватно работающей системы государственных институтов, при этом разумная внешняя политика — не последнее слагаемое успеха. И, безусловно, основными приоритетами внешней политики современного Афганистана по-прежнему остаются обеспечение безопасности внутри страны и восстановление национальной экономики.

Краткие биографии основных политических деятелей современного Афганистана³⁶¹

Абдулла, Абдулла

Родился 5 сентября 1960 г. в г. Кабуле в смешанной семье. Его отец – пуштун (дуррани), мать – таджичка.

Начальное образование получил в школе «Айюб Хан», среднее – в школе «Надерия», которую закончил в 1976 г. В 1983 г. окончил медицинский факультет Кабульского университета по специальности «офтальмология».

После окончания университета эмигрировал в Пакистан, где осуществлял врачебную практику. Там же вступил в ряды моджахедов, был близок к полковому командиру из Панджера Ахмад Шаху Масуду, в штабе которого отвечал за лечение раненых боевиков. С того времени Абдулла стал однозначно ассоциироваться с таджикским этническим меньшинством Афганистана.

С 1992 по 1996 г. занимал должность пресс-секретаря министерства обороны Афганистана. С 1997 г. – заместитель министра, с 1999 г. – министр иностранных дел Афганистана в правительстве Бурхануддина Раббани. Сохранил за собой этот пост в Переходной, а затем и Временной администрациях под руководством Хамида Карзая, в 2005 г. подал в отставку.

С 2009 г. Абдулла Абдулла участвовал во всех трех избирательных кампаниях на пост президента Афганистана. В первый раз он набрал 30,5% голосов в первом туре и вышел во второй, где его противником должен был стать действующий президент

³⁶¹ Составлено по материалам сайта afghan-bios.info, специализирующегося на биографиях политических и общественных деятелей Афганистана, также по монографии М.Ф. Слинкина «Народно-демократическая партия Афганистана у власти. Время Тараки-Амина (1978–1979 гг.)», биографическим справочникам Г.П. Ежова и О.И. Жарова (Ежов Г.П. Афганистан. Краткий биографический справочник. М.: Ключ С, 2002; Жаров О.И. Кто есть кто в Афганистане бурных лет (Биографический справочник). М.: Гуманитарий, 2001).

Хамид Карзай. Однако Абдулла отозвал свою кандидатуру, мотивировав это решение высокой вероятностью подтасовок результатов в пользу Карзая. В 2014 г. Абдулла также вышел во второй тур, одержав победу в первом (44,94% голосов), но в итоге уступил Ашрафу Гани Ахмадзаю.

Абдулла не признал результаты выборов; при посредничестве госсекретаря США Джона Керри между участниками второго тура президентских выборов было заключено соглашение, согласно которому президентом стал Гани, а для Абдуллы был создан пост главного исполнительного лица.

В 2019 г. Абдулла проиграл Гани на выборах уже в первом туре, набрав 39,52% голосов. Результаты выборов он так же не признал и 9 марта 2020 г. в один день с Ашрафом Гани принес присягу в качестве президента Афганистана. Участвовавшие с ним в команде Инаятулла Бабар Фарахманд (узбек) и Асадулла Садати (хазарец) принесли присягу вместе с ним в качестве первого и второго вице-президентов соответственно. После заключения 17 мая 2020 г. соглашения о разделе власти с Ашрафом Гани возглавил новообразованный Высший совет по национальному примирению.

Абдулла Абдулла женат, имеет 3 дочерей и сына. Семья проживает в Индии.

Атмар. Мохаммад Ханиф

Родился 10 сентября 1968 г. в провинции Лагман. Этнический пуштун.

Во времена правления Наджибуллы в конце 1980-х годов служил в системе органов государственной безопасности, в том числе в силах специальных операций, в 1988 г. был тяжело ранен в перестрелке с моджахедами.

После падения просоветского режима эмигрировал в Великобританию, где получил образование в университете Йорка (магистр в области международных отношений). Затем работал в ряде международных неправительственных организаций, в частности, в Международном комитете спасения (International Rescue Committee), участвовал в различных проектах, в том числе и на афганском направлении.

После свержения режима талибов вернулся в Афганистан, в 2002 г. получил назначение на пост министра восстановления и развития сельского хозяйства, в 2006 г. стал министром образования, в 2008 г. – министром внутренних дел. Был отправлен в отставку в июне 2010 г., после того, как не сумел предотвратить террористический акт против проводимой Лояя Джирги. После отставки стал одним из сооснователей оппозиционной Партии права и справедливости.

После избрания в 2014 г. президентом Ашрафа Гани Атмар был назначен на должность его советника по национальной безопасности. В этой должности он подписал Договор о сотрудничестве в сфере безопасности и обороны между Афганистаном и США, также участвовал в переговорах с лидером боевого крыла ИПА Гульбеддином Хекматъяром, которые завершились подписанием мирного соглашения в 2016 г. В августе 2018 г. подал в отставку из-за разногласий с президентом.

После отставки Атмар объявил о намерении баллотироваться в президенты Афганистана на предстоящих выборах в 2019 г. В его команду вошли бывший вице-президент и один из лидеров Северного альянса Юнус Кануни (таджик) и хазарейский политик Мохаммад Мохаккик в качестве кандидатов на посты первого и второго вице-президентов соответственно. Однако в августе 2019 г., незадолго до выборов, Атмар снял свою кандидатуру из-за раскола в его команде. По результатам президентских выборов вошел в правительство Ашрафа Гани, получив должность министра иностранных дел страны.

Гани, Мохаммад Ашраф (до 2014 г. – Ашраф Гани Ахмадзай)

Родился 19 мая 1949 г. в провинции Логар. Этнический пуштун из племени сулейманхейль (гильзай), род ахмадзасв. После избрания президентом Афганистана в 2014 г. отказался от использования племенного идентификатора «Ахмадзай» в своем имени.

Окончил престижный кабульский лицей «Хабибия», затем был направлен в Американский университет в Бейруте (Ливан), в 1973 г. получил степень бакалавра по специальности «антропология», после этого вернулся в Афганистан, где стал преподава-

телем в Кабульском университете. Вскоре Гани выиграл государственный грант на обучение в Колумбийском университете (Нью-Йорк, США), где получил магистерскую, а затем и докторскую (PhD) степени.

В 1983 г. Ашраф Гани работал преподавателем в Калифорнийском университете в Беркли и в университете Джонса Хопкинса, с 1991 г. работал во Всемирном банке. Активно занимался научной деятельностью, специализировался на изучении государственных систем так называемых «несостоявшихся государств» (failed states) и проблемах «надлежащего управления» (good governance).

После свержения режима талибов Гани короткое время работал советником спецпосланника Генерального секретаря ООН по Афганистану Лахдара Брахими, участвовал в подготовке Боннского процесса. В 2002–2004 гг. работал министром финансов ИРА, участвовал в становлении экономической системы постталибского Афганистана. После отставки на протяжении четырех лет работал ректором Кабульского университета.

В 2009 г. зарегистрировался кандидатом на президентских выборах, однако набрал лишь около 3 % голосов. Перед президентской кампанией Гани отказался от полученного во время работы на Западе американского гражданства. Во время второго президентского срока Хамида Карзая курировал постепенную передачу ответственности за обеспечение национальной безопасности от войск НАТО силам безопасности Афганистана.

В 2014 г. во втором туре был избран президентом Афганистана в команде с Абдуллахом Дустумом (узбек, первый вице-президент) и Сарваром Данешем (хазарец, второй вице-президент). В 2019 г. переизбран на второй срок вместо перешедшего в оппозицию Дустума. Первым вице-президентом стал бывший руководитель Главного управления по национальной безопасности Афганистана Амрулла Салех.

Ашраф Гани женат на ливанской христианке Руле Гани, с которой познакомился еще во времена своего обучения в Бейруте. Имеет сына и дочь. Дядя действующего президента, Абдулкаюм Кучай, в 2015–2018 гг. был послом Афганистана в России.

Дустум, Абдуррашид

Родился 25 марта 1954 г. в городке Ходжа Ду Кох в провинции Джаузджан на севере Афганистана. Этнический узбек. Имел воинское звание генерала, с мая 2020 г. – маршал Афганистана.

Получил начальное образование, затем работал на объектах нефтяной промышленности на севере Афганистана. После свержения в 1978 г. Мохаммада Дауда и установления в стране просоветского режима сформировал и возглавил узбекское ополчение, воевал на стороне кабульского режима. По мере роста численности его формирования были преобразованы в 53-ю пехотную дивизию.

Незадолго до падения режима Наджибуллы, в начале 1992 г. перешел на сторону моджахедов, поддержал Ахмад Шаха Масуда в его противостоянии с Гульбеддином Хекматъяром. Тогда же Дустум основал политическую партию «Национальное исламское движение Афганистана» (НИДА). По данным М.Ф. Слинкина, после прихода к власти Бурхануддина Раббани, получил звание генерала армии и пост заместителя министра обороны, а впоследствии и вице-президента страны.

Находился в союзе с Раббани до 1994 г., затем перешел на сторону Хекматъяра. В условиях наступления талибов с юга Афганистана в 1995–1996 гг. полевые командиры моджахедов предприняли попытки объединиться, но талибы захватили Кабул и продолжали оттеснять их отряды на север. В мае 1997 г. один из его приближенных, генерал Абдул Малик, перешел на сторону талибов, после чего Дустум был вынужден уехать в Турцию. После того, как Абдул Малик вновь начал боевые действия против талибов, Дустум ненадолго вернулся в Афганистан, но был вынужден вновь эмигрировать в Турцию после того, как в 1998 г. талибы повторно заняли Мазари-Шариф. При этом с 1992 г. Дустум контролировал несколько населенных преимущественно узбеками провинций в северном Афганистане, создав дееспособную систему управления. Иногда эти территории неофициально назывались «Дустумистаном».

Вернулся в Афганистан в 2001 г., участвовал в боевых действиях против талибов на стороне Северного альянса. В 2004 г. участвовал в президентских выборах, занял четвертое место, набрав около 10% голосов.

В 2008 г. назначен начальником Генерального штаба вооруженных сил Афганистана, но был вынужден оставить свой пост и эмигрировать в Турцию после начала следственных действий по обвинению в похищении политика Акбар Бая, который критиковал Дустума. В 2009 г. вернулся в Афганистан и был восстановлен в должности.

На президентских выборах 2014 г. поддержал Ашрафа Гани Ахмадзая, был избран его первым вице-президентом. Де-юре находился в должности до марта 2020 г., однако фактически уже с середины 2017 г. отошел от выполнения обязанностей и уехал в Турцию. Причиной стали выдвинутые обвинения в похищении бывшего губернатора провинции Джаузджан Ахмада Ишчи. В июле 2018 г. вернулся в Кабул.

Имеет ряд правительственных и военных наград. Дважды герой Афганистана (1990 и 1992 гг.). Неоднократно обвинялся в военных преступлениях, похищениях своих политических оппонентов.

Считается лидером узбекского меньшинства в Афганистане. В качестве потенциального преемника Дустума как главного узбекского политика ИРА афганские источники обычно называют старшего сына Батура (с 2018 г. – депутат нижней палаты парламента Афганистана).

Кануни, Юнус

Родился в 1957 г. в Панджере (в то время – часть провинции Парван). Этнический таджик.

Окончил школу «Абу Ханифа» в Кабуле, высшее образование получил в Кабульском университете, специальность – исламское право. В период правления НДПА примкнул к моджахедам, был одним из доверенных людей Ахмад Шаха Масуда. По некоторым данным, был его представителем на территории Пакистана.

В 1992–1996 гг. входил в правительство Бурхануддина Раббани, был заместителем министра обороны, затем министром иностранных дел. Во времена правления талибов оставался в команде Раббани, в 2001 г. представлял Северный альянс на Боннской конференции.

Во Временной администрации под руководством Хамида Карзая (2001–2002 гг.) Кануни получил должность министра внутрен-

них дел, в Переходной администрации (2002–2004 гг.) был назначен министром образования, также был советником главы администрации по национальной безопасности.

Участвовал в президентских выборах 2004 г., набрал 16,3% голосов, заняв второе место. После выборов создал свою партию «Новый Афганистан». На парламентских выборах 2005 г. избран в нижнюю палату парламента Афганистана (Волуси Джирга), стал ее председателем. В 2010 г. вновь избран депутатом нижней палаты парламента. В марте 2014 г. был утвержден первым вице-президентом Афганистана вместо умершего Мохаммада Касима Фахима, но пробыл в должности лишь до сентября, когда истек второй президентский срок Хамида Карзая. В 2019 г. баллотировался на пост первого вице-президента в команде Ханифа Атмара, который заявил об отводе своей кандидатуры незадолго до выборов.

Юнус Кануни женат, имеет трех сыновей и трех дочерей.

Карзай, Хамид

Родился 24 декабря 1957 г. в деревне Карз недалеко от Кандагара в семье афганского политика, бывшего вице-спикера парламента Абдулахада Карзая. Этнический пуштун из племени попользай (дуррани), принадлежит к племенной элите.

Обучался в кандагарской школе, затем вместе с семьей переехал в Кабул, где в 1976 г. окончил лицей «Хабибия». Высшее образование (степени бакалавра и магистра в области международных отношений и политических наук) получил в Индии, в университете штата Химачал-Прадеш (город Симла). В середине 1980-х гг. примкнул к моджахедам, участвовал в деятельности Национального фронта спасения Афганистана под руководством Себгатуллы Моджаддеди, организовывая сбор средств. Вернулся в Афганистан в 1988 г.

После прихода к власти в 1992 г. Бурхануддина Раббани назначен заместителем министра иностранных дел. В 1996 г. поддержал талибов, по некоторым данным, ему даже предлагали стать «послом» Движения в одной из стран, но Карзай отказался. Он довольно быстро разочаровался в талибах и эмигрировал в Пакистан. После убийства отца в 1999 г. (предположительно, нападение осуществили боевики ДТ) Карзай окончательно перешел на антиталибские позиции и поддержал начало операции НАТО в Афганистане.

В конце 2001 г. по итогам Боннского процесса был избран главой сначала Временной, затем Переходной администрации Афганистана. В 2004 и 2009 гг. дважды избирался президентом страны, набрав 55,4% и 49,67% голосов соответственно. Во втором случае должен был проводиться второй тур, однако Абдулла Абдулла отказался от участия. Независимая избирательная комиссия объявила Карзая избранным президентом. С 2001 г. его взгляды эволюционировали от прозападных к националистическим и антиамериканским. После ухода с поста президента занимается общественной деятельностью, но по-прежнему сохраняет большой вес в афганской политической системе.

Хамид Карзай женат, имеет сына и трех дочерей. Его ближайшие родственники занимали различные государственные должности, в частности, брат Абдулкаюм Карзай в 2005 г. был избран депутатом нижней палаты парламента, другой брат Ахмад Вали Карзай в 2005–2010 гг. был председателем провинциального совета в Кандагаре, дядя Азизулла Карзай в 2010–2013 гг. был послом Афганистана в России.

Мохакик, Мохаммад

Родился в 1955 г. недалеко от города Мазари-Шариф (провинция Балх). Этнический хазарец, последователь шиитского ислама.

Сведения о его образовании скудны и противоречивы; по некоторым данным, он получил высшее образование в Иране по специальности «исламское право». В 1980-х гг. примкнул к моджахедам, воевал в северных провинциях страны.

В 1989–1990 гг. вместе с другими крупными политическими деятелями хазарейского происхождения Абдулом Али Мазари и Каримом Халили стоял у истоков формирования Партии исламского единства Афганистана (ПИЕА). По данным афганского информационного агентства КНААМА Press, был одним из немногих полевых командиров, кто никогда не покидал территории Афганистана – даже в период правления талибов его отряды продолжали сопротивление в провинциях Сари-Пуль и Бамиан³⁶².

³⁶² Haji Mohammad Mohaqiq // KHAAMA Press. URL: <https://www.khaama.com/haji-mohamamd-mohaqiq/>

По результатам Боннского процесса в декабре 2001 г. Мохаккик стал одним из пяти заместителей руководителя Временной администрации Афганистана Хамида Карзая, одновременно он исполнял обязанности министра планирования. Последний пост Мохаккик сохранил за собой и в Переходной администрации (2002–2004 гг.).

В 2004 г. Мохаккик баллотировался в президенты Афганистана, но набрал 11,7%, одержав победу лишь в хазарейских провинциях Бамиан и Дайкунди, и занял третье место. Перед парламентскими выборами 2005 г создал новую Партию исламского единства афганского народа, отколовшуюся от ПИЕА, был избран депутатом нижней палаты парламента. Мохаккик до настоящего времени остается бессменным лидером этой партии.

В 2009 г. поддержал Хамида Карзая на президентских выборах, однако после повторного избрания депутатом нижней палаты парламента Мохаккик перешел в оппозицию. Во время второго депутатского срока возглавлял комитет по вопросам юстиции, административных реформ и борьбы с коррупцией нижней палаты парламента Афганистана. На президентских выборах 2014 г. поддержал Абдуллу Абдуллу, баллотировался в его команде на пост второго вице-президента. После достижения договоренности о разделе власти между избранным президентом Гани и Абдуллой стал вторым заместителем Главного исполнительного лица Афганистана. В начале 2019 г. был освобожден от занимаемой должности решением президента Гани, однако отказался его принять и де-факто продолжил исполнение своих обязанностей.

На президентских выборах 2019 г. вошел в команду Ханифа Атмара, выдвигался на пост второго вице-президента. После выхода Атмара из предвыборной кампании поддержал Абдуллу Абдуллу.

Нур. Агта Мохаммад

Родился в 1965 г. в Мазари-Шарифе (провинция Балх). Этнический таджик.

В 1980-х годах примкнул к моджахедам, поддержал Исламское общество Афганистана (ИОА) под руководством таджика Бурхануддина Раббани. С этого периода началось его противостояние

с другим полевым командиром северного Афганистана –Абдурашидом Дустумом, который командовал проправительственным ополчением. После падения режима НДПА сражался с отрядами Дустума в районе Мазари-Шарифа, но без особого успеха. В период противостояния с талибами в конце 1990-х годов на время примирился с Дустумом, войдя вместе с ним в Северный альянс. Воевал против талибов на севере Афганистана, командовал седьмым армейским корпусом и с тех пор позиционирует себя как «генерал».

После свержения талибов и установления в Афганистане власти Хамида Карзая во главе Временной, а затем и Переходной администрации, вновь обострился конфликт Нура и Дустума за контроль над рядом территорий северного Афганистана, в том числе крупным городом Мазари-Шарифом. Несмотря на несколько чувствительных поражений, Нур сохранил за собой контроль над своим родным городом.

В 2004 г. был назначен губернатором провинции Балх с центром в Мазари-Шарифе. Довольно быстро сумел укрепить личную власть на подконтрольных территориях, мобилизовать существенные объемы ресурсов и выстроить эффективную по меркам Афганистана систему управления, в том числе и на основе неформальных инструментов управления.

На президентских выборах 2009 и 2014 гг. поддерживал бывшего соратника по Северному альянсу таджика Абдуллу Абдуллу, особенно активно вступился за него после объявления результатов выборов 2014 г. Тогда Нур счел эти результаты сфальсифицированными и отказался признавать Ашрафа Гани в качестве легитимного президента Афганистана. В последующие годы Нур допустил ряд резких высказываний в адрес президента Гани, и в конце 2017 г. решением президента был отстранен от занимаемой должности. Нур отказался уходить с поста губернатора, угрожая поднять общенациональное восстание, а то и вовсе вывести подконтрольные ему территории из состава Афганистана³⁶³. Конфликт был улажен только в начале 2018 г., Нур согласился уйти в отставку.

³⁶³ Атта Мохаммад Нур предупредил правительство о возможности общенационального восстания // Afghanistan.ru. URL: <http://afghanistan.ru/doc/117932.html>

В ходе предвыборной кампании 2019 г. воздержался от открытой поддержки какого-либо кандидата в президенты Афганистана, но присутствовал на инаугурации Ашрафа Гани, что косвенно свидетельствует об их сближении.

Омар, Мохаммад (мулла Омар)³⁶⁴

Родился в 1960 г. в провинции Кандагар в бедной семье. Этнический пуштун из племени хотак (гильзаи).

В 1980-х годах примкнул к моджахедам, по некоторым данным, воевал в составе Движения исламской революции под руководством Мохаммада Наби Мохаммади. В боях четырежды был ранен и потерял глаз. После войны стал муллой в сельской мечети, одновременно был учителем в медресе при мечети. Именно учащиеся медресе (талибы) составили основу его вооруженных отрядов, которые в 1994 г. начали борьбу против полевых командиров Афганистана, не сумевших договориться между собой о разделе власти.

В 1996 г. принял титул «Амир аль-Муминин» (Повелитель правоверных). После захвата талибами Кабула де-факто стал главой афганского государства, получившего в 1997 г. наименование «Исламский эмират Афганистан». Официально, «по должности» мулла Омар был главой Высшего руководящего совета. Впрочем, международное сообщество признавало в 1990-х годах Бурхануддина Раббани легитимным главой Афганистана, талибы установили контакты лишь с Саудовской Аравией, ОАЭ и Пакистаном. При этом мулла Омар руководил подконтрольными территориями, находясь в Кандагаре и практически не покидая его.

После военной операции сил международной коалиции в 2001 г. и отстранения талибов от власти, мулла Омар был вынужден скрываться. Данные о его жизни после 2001 г. сильно разнятся. По одним данным, он скрывался на территории Пакистана³⁶⁵, по другим – так и не покинул Афганистан, обосновавшись в про-

³⁶⁴ При подготовке данного биографического очерка использовались в т.ч. и материалы монографии В.Я. Белокреницкого и Р.Р. Сиккоева «Движение Талибан и перспективы Афганистана и Пакистана» (прим. авт.).

³⁶⁵ Exclusive: Taliban Chief Hides in Pakistan // The Washington Times. URL: <https://www.washingtontimes.com/news/2009/nov/20/taliban-chief-takes-cover-in-pakistan-populace/>

винции Заболь³⁶⁶. После 2001 г. неоднократно появлялись сообщения о его смерти или же воззвания различного содержания от его имени. Лишь в 2015 г. представители Движения талибов заявили о смерти муллы Омара двумя годами ранее, этот факт был подтвержден и Главным управлением по национальной безопасности Афганистана. Старший сын муллы Омара Мохаммад Якуб некоторое время рассматривался в качестве вероятного преемника отца в качестве лидера ДТ, но в 2015 г. талибов возглавил мулла Ахтар Мансур.

Раббани, Салахуддин

Родился 10 мая 1971 г. в Кабуле. Этнический таджик. Сын известного полевого командира моджахедов, президента Афганистана (1992–2001 гг.) и председателя Высшего совета мира (2010–2011 гг.) Бурхануддина Раббани.

Окончил среднюю школу в Кабуле, в 1995 г. получил степень бакалавра в Университете нефти и минералов короля Фахда (г. Дархан, Саудовская Аравия) по специальности «Менеджмент и маркетинг». После окончания университета работал в бизнес-структурах, в частности, в саудовской нефтяной компании Saudi Aramco, затем в аппарате президента Афганистана Б. Раббани. В 1998 г. уехал в Великобританию для продолжения обучения, и в 2000 г. получил степень магистра по специальности «менеджмент» в Кингстонском университете³⁶⁷.

С 2002 г. работал в системе Министерства иностранных дел Афганистана. В 2003–2006 гг. занимал должность советника по политическим вопросам в Постоянном представительстве Афганистана при ООН (г. Нью-Йорк), в т. ч. представлял Афганистан в Комитете Генеральной Ассамблеи ООН по вопросам разоружения и международной безопасности (Первый комитет ГА ООН).

В 2006–2008 гг. обучался по программе международных отношений в Колумбийском университете (США), получил еще

³⁶⁶ Fugitive Taliban Leader Mullah Omar 'Lived Close to US Bases' // BBC News. URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-47519157>

³⁶⁷ Biography of H.E. Salahuddin Rabbani, Minister of Foreign Affairs of the Islamic Republic of Afghanistan // Embassy of the I. R. of Afghanistan in Turkmenistan. URL: <https://afghanembassyturkmenistan.com/biography-of-h-e-salahuddin-rabbani-minister-of-foreign-affairs-of-the-islamic-republic-of-afghanistan/>

одну степень магистра. После возвращения в Афганистан работал в аппарате партии Исламское общество Афганистана, одним из лидеров которой был его отец.

В конце 2010 г. назначен послом Афганистана в Турции, занимал этот пост до апреля 2012 г. Осенью 2011 г., после гибели Бурхануддина Раббани в результате террористического акта, был избран председателем партии Исламское общество Афганистана. Также в апреле 2012 г. назначен на пост председателя Высшего совета мира, который ранее также занимал Раббани-старший.

В феврале 2015 г. Салахуддин Раббани назначен министром иностранных дел Афганистана. В ноябре 2016 г. был одним из трех министров, которым нижняя палата парламента Афганистана вынесла вотум недоверия, однако президент Гани оставил Раббани в должности. В 2019 г. подал в отставку с поста министра иностранных дел Афганистана, подвергнув критике качество работы политических институтов ИРА³⁶⁸.

Салахуддин Раббани женат, четверо детей. Имеет гражданство Великобритании.

Спанта, Рангин Дадфар

Родился в 1954 г. (по другим данным – в 1953 г.)³⁶⁹ в уезде Карох провинции Герат в зажиточной семье землевладельца и политического деятеля (его отец избирался в парламент Афганистана в 1960-х годах). Этнический таджик.

Среднее образование получил в Герате. Поступил в Кабульский университет, но затем уехал учиться в университет Анкары (Турция), где получил степень бакалавра по специальности «турецкая филология» и степень магистра по специальности «международные отношения». В молодости увлекался левыми идеями, симпатизировал леворадикальному маоистскому движению «Шоале-е Джавид».

В 1982 г. эмигрировал в ФРГ, где почти на два десятилетия связал свою жизнь с Рейнско-Вестфальским техническим универ-

³⁶⁸ Rabbani Steps Down as Acting Foreign Minister // Tolo News. URL: <https://tolo-news.com/afghanistan/rabbani-steps-down-acting-foreign-minister>

³⁶⁹ Cabinet Biographies // Embassy of Afghanistan. Tokyo, Japan. URL: <http://www.afghanembassyjp.com/cabinetbiographies.html>

ситетом Ахена. В 1990-м г. в этом университете Спанта получил степени доктора философии (PhD) по политическим наукам, затем получил ученое звание доцента и преподавал политологию, одновременно занимал должность директора Института изучения стран третьего мира. Активно занимался общественной деятельностью, был пресс-секретарем Альянса за демократию в Афганистане, участвовал в деятельности Партии зеленых Германии.

Вернулся в Афганистан в 2005 г., короткое время преподавал в Кабульском университете, затем получил назначение на должность советника президента Хамида Карзая по иностранным делам. В 2006–2010 гг. – министр иностранных дел Афганистана. В 2007 г. нижняя палата парламента страны предпринимала попытки вынести ему вотум недоверия, мотивировав это невниманием Министерства иностранных дел ИРА к проблемам афганских беженцев³⁷⁰, однако голосование провалилось, а позднее президент Карзай выразил поддержку Р.Д. Спанта. После отставки с поста министра иностранных дел Афганистана отошел от активной политической деятельности.

Женат, двое детей. Семья проживает в Германии, гражданство которой имеет и сам Спанта.

Фахим, Мохаммад Касим

Родился в 1957 г. в деревне Омарз (ныне – провинция Панджер). Этнический таджик. Начальное образование получил в Панджере, затем учился в Арабском институте Кабула по специальности «исламское право».

После прихода к власти НДПА на год эмигрировал в Пакистан, затем вернулся в Афганистан и примкнул к моджахедам³⁷¹. Сблизился с Ахмад Шахом Масудом, который также был панджшерским таджиком. После свержения режима НДПА некоторое время руководил афганскими спецслужбами.

В конце 1990-х годов Фахим был одним из лидеров Северного альянса, воевал против талибов на севере Афганистана. В 2001 г.

³⁷⁰ Biography of Rangin Dadfar Spanta // Afghanistan Online. URL: <https://www.afghan-web.com/biographies/biography-of-rangin-dadfar-spanta/>

³⁷¹ Biography of Marshal Mohammad Qasim Fahim // Bakhtar News. URL: <http://www.bakhtarnews.com.af/eng/politics/item/11334-biography-of-marshal-mohammad-qasim-fahim.html>

во время операции международной коалиции против талибов его отряды заняли Кабул и Кундуз.

Во время Боннского процесса Фахим поддержал кандидатуру Хамида Карзая в качестве руководителя Временной администрации и был назначен одним из пяти его заместителей. В Переходной администрации 2002–2004 гг. Фахим был единственным, кто сохранил пост одного из пяти заместителей руководителя, одновременно исполняя обязанности министра обороны.

В 2004 г. на президентских выборах поддержал своего соратника по Северному альянсу Юнуса Кануни после того, как Хамид Карзай выдвинул кандидатом на пост первого вице-президента в своей команде Ахмада Зию Масуда, брата Ахмад Шаха Масуда. В конце того же года Карзай присвоил Фахиму первое в постталибской истории страны воинское звание маршала (в 2020 г. звание маршала получил Абдуллах Дустум). В 2006 г. назначен советником президента Карзая.

На президентских выборах 2009 г. вошел в команду Хамида Карзая, выдвигался на пост первого вице-президента, что помогло привлечь часть голосов таджикского меньшинства, которые могли бы быть отданы за главного соперника Карзая Абдуллу Абдуллу.

В последние годы тяжело болел, скончался 9 марта 2014 г., за месяц до проведения первого тура новых президентских выборов. Был женат, имел 12 детей.

Хекматъяр, Гульбедин

Сведения о ранних годах его жизни отличаются крайней противоречивостью. По одним источникам, он родился в провинции Кундуз в 1947 г.³⁷², по другим – в 1949 г.³⁷³ Третьи источники называют годом его рождения 1937 (в частности, Г.П. Ежов в работе «Афганистан: краткий биографический справочник»). Этнический пуштун из племени харотай (гильзаи).

³⁷² Hekmatyar, Gulbuddin // Afghan-Bios. URL: http://www.afghan-bios.info/index.php?option=com_afghanbios&id=668&task=view&total=4276&start=1531&Itemid=2

³⁷³ Security Council ISIL (Da'esh) and Al-Qaida Sanctions Committee Removes One Entry from Its Sanctions List // United Nations. URL: <https://www.un.org/press/en/2017/sc12705.doc.htm>

В 1968 г. зачислен в военную академию Махтаб Кала в Кабуле, но быстро был исключен. В 1969 г. поступил на инженерный факультет Кабульского университета, где продолжал общественно-политическую деятельность, был одним из лидеров организации «Мусульманская молодежь». В 1972 г. вновь был исключен из университета, но уже по более серьезным основаниям – Хекматъяр обвинялся в убийстве студента, придерживающегося лево-радикальных взглядов, и полтора года провел в тюрьме.

В 1975 г. принял активное участие в антиправительственном мятеже. После его подавления движение «Мусульманская молодежь» прекратило существование. Хекматъяр эмигрировал в Пакистан, где основал собственную фундаменталистскую организацию «Исламская партия Афганистана» (ИПА), пользовался поддержкой пакистанской стороны. С тех пор бессменно руководит ИПА за исключением 1978 г., когда он уступил свой пост Мохаммаду Амину Векаду. В 1979 г. из ИПА вышла группировка Юнуса Халеса, который также использовал название ИПА (с тех пор в научной литературе можно встретить обозначение ИПА-Г для фракции Гульбединна Хекматъяра и ИПА-Х для фракции Халеса).

Отряды Хекматъяра были одними из главных формирований моджахедов в период военных действий 1979–1989 гг., входили в состав т. н. «Пешаварской семерки» – альянса основных полевых командиров моджахедов. В 1989 г. вошел в состав сформированного «переходного правительства» моджахедов, заняв должность министра иностранных дел. Вскоре вышел из его состава из-за разногласий среди лидеров моджахедов³⁷⁴.

После свержения режима НДПА Хекматъяр стремился использовать свой авторитет для получения верховной власти в формирующихся правящих кругах Афганистана, но проиграл борьбу за пост президента сначала Себгатулле Моджаддеди, затем Бурхануддину Раббани. Тогда Хекматъяр решил прибегнуть к вооруженному давлению – с 1992 г. его отряды обстреливали Кабул ракетами с гор к югу от города. В 1993 г. лидеры моджахедов договорились о разделе власти – Раббани сохранил пост президента, Хекматъяр фактически стал премьер-министром (официально это было подтверждено

³⁷⁴ Коргун В.Г. История Афганистана. XX век. С. 441–442.

по нормам Джелалабадского соглашения в апреле 1993 г.). Однако борьба между полевыми командирами моджахедов продолжилась, и Хекматъяр покинул свой пост.

В 1995 г. отряды Хекматъяра потерпели поражение от наступающих с юга талибов. Моджахеды попытались объединиться, Хекматъяр вновь стал премьер-министром, но в 1997 г., на фоне продвижения талибов на север Афганистана, покинул страну и перебрался в Иран.

После 2001 г. выступал с осуждением присутствия войск Коалиции на территории Афганистана. Вернулся в страну после закрытия офисов ИПА в Иране в 2002 г., вместе с группой сторонников воевал против иностранных войск и кабульского правительства. В 2003 г. внесен в санкционный список Совета Безопасности ООН как международный террорист.

Его отряды продолжали вооруженное сопротивление до сентября 2016 г., когда был подписан мирный договор между Хекматъяром и президентом Гани. После этого исключен из международных санкционных списков. Хекматъяр участвовал в выборах президента Афганистана в 2019 г., занял третье место, набрав 3,85% голосов.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

На русском языке

1. Двадцать второй доклад Группы по аналитической поддержке и наблюдению за санкциями, представленный во исполнение резолюции 2368 (2017) по ИГИЛ (ДАИШ), «Аль-Каиде» и связанным с ними лицам и организациям [Электронный ресурс] // ООН. URL: <https://undocs.org/ru/S/2018/705>
2. Доклад Генерального секретаря ООН «Мировые демографические тенденции» [Электронный ресурс] // База документов ООН [офиц. сайт]. URL: <https://undocs.org/ru/E/CN.9/2014/3>
3. Доклад Фонда ООН в области народонаселения «Народонаселение мира в 2015 г.» [Электронный ресурс] // Фонд ООН в области народонаселения. URL: http://www.unfpa.org/sites/default/files/pub-pdf/State_of_World_Population_2015_RU.pdf
4. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических республик (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 года) [Электронный ресурс] // Сайт Конституции Российской Федерации. URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/red_1936/3958676/
5. Конституция Туркменистана (новая редакция) [Электронный ресурс] // Туркменистан. Золотой век. URL: <http://turkmenistan.gov.tm/?id=11808>
6. Резолюция 1267 (1999), принятая Советом Безопасности на его 4051-м заседании 15 октября 1999 года [Электронный ресурс] // ООН [Офиц. сайт]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N99/300/46/PDF/N9930046.pdf?OpenElement>
7. Резолюция 1333 (2000), принятая Советом Безопасности на его 4251-м заседании 19 декабря 2000 года [Электронный ресурс] // ООН [Офиц. сайт]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N00/806/64/PDF/N0080664.pdf?OpenElement>

8. Резолюция 2513 (2020), принятая Советом Безопасности на его 8742-м заседании 10 марта 2020 года [Электронный ресурс] // ООН [Офиц. сайт]. URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/2513\(2020\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2513(2020))

На английском языке

1. Agreement for Bringing Peace to Afghanistan between the Islamic Emirate of Afghanistan which is not recognized by the United States as a state and is known as the Taliban and the United States of America, 2020 [Electronic Resource]. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/02/Agreement-For-Bringing-Peace-to-Afghanistan-02.29.20.pdf>

2. Afghanistan. Annual report. Aga Khan Foundation, 2015.

3. Afghanistan Statistical Yearbook 2018–19 // National Statistic and Information Authority, Islamic Republic of Afghanistan. Issue № 40, July 2019.

4. Islamic Republic of Afghanistan, Ministry of Finance. National Budget Document, Fiscal Year 1395.

5. Joint Declaration between the Islamic Republic of Afghanistan and the United States of America for Bringing Peace to Afghanistan. 2020. 3 pp.

6. Speech By His Excellency Hamid Karzai, President of the Islamic Republic of Afghanistan. The Afghanistan Support Conference. Paris, France. June 12, 2008. 13 pp.

7. Speech by His Excellency Hamid Karzai, President of the Islamic Republic of Afghanistan at the 45th Munich Security Conference. February 2009. 6 pp.

8. Statement by His Excellency Hamid Karzai, President of the Islamic Republic of Afghanistan at the London International Conference on Afghanistan. January 28, 2010. 13 pp.

9. Statement by H.E. Hamid Karzai, President of Islamic Republic of Afghanistan at the Official Reception. Dushanbe, Tajikistan. July 27, 2006. 5 pp.

10. Statement by H.E. Hamid Karzai, President of the Islamic Republic of Afghanistan at the Reception in Kabul in Honor of H.E. Asif Ali Zardari, President of the Islamic Republic of Pakistan. January 6, 2009. 5 pp.

11. Statement by His Excellency Hamid Karzai, President of the Islamic Republic of Afghanistan at the 9th Summit of the Shanghai Cooperation Organization (English Translation). Yekaterinburg, Russia. June 16, 2009. 7 pp.

12. The Aga Khan University Report, 2014.

13. The USAID Afghanistan Plan for Transition, 2015–2018. P. 6.

14. UNHCR Global Report 2017. P. 96–97, 154.

15. Un-Official Translation of the Inaugural Speech by H.E. Hamid Karzai President of the Islamic Republic of Afghanistan [Electronic Resource] // Islamic Republic of Afghanistan, Office of the President. URL: https://web.archive.org/web/20100608230700/http://www.president.gov.af/Contents/72/Documents/960/President_Karzai_s_Inaugural_Speech_Nov.pdf

16. The World Factbook. South Asia: Afghanistan [Electronic resource] // CIA. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/af.html>

На языке дари/персидском языке

1. Канун-е Асаси (Конституция) [Electronic resource] // President.gov.af [Official page]. URL: <http://president.gov.af/fa/%d9%82%d8%a7%d9%86%d9%88%d9%86-%d8%a7%d8%b3%d8%a7%d8%b3%db%8c/>

2. Шабак-е тавсе-е Ага Хан (Система развития Ага Хана) // Aga Khan Development Network. 2007. 66 pp.

3. Карордод-е хамкорихо-е амнияти ва дефай миян-е Джумхури-е Ислами-е Афганистан ва Аялат-е Моттаҳедда-е Амрика (Договор о сотрудничестве в сфере безопасности и обороны между Исламской Республикой Афганистан и Соединенными Штатами Америки) [Electronic Resource] // Ministry of Foreign Affairs, Islamic Republic of Afghanistan. 31 pp. URL: <http://mfa.gov.af/Content/files/BSA%20DARI%20%20AFG.pdf>

4. Зариннама-е як карн-е дипломаси (Золотые страницы одного века дипломатической деятельности) // Ministry of Foreign Affairs, Islamic Republic of Afghanistan. 1395 (2016). 268 pp.

Монографии

На русском языке

1. Акимбеков С.М. История Афганистана. Астана-Алматы: ИМЭП при Фонде Первого Президента, 2015. 847 с.
2. Афонцев С.А. Политические рынки и экономическая политика. М.: ЛЕНАНД, 2018. 384 с.
3. Белокреницкий В.Я. Пакистан, Южная Азия, Исламский мир, Восток. Избранные публикации 2008–2016 гг. М.: ИВ РАН, 2016. 712 с.
4. Белокреницкий В.Я., Сикоев Р.Р. Движение Талибан и перспективы Афганистана и Пакистана. М.: ИВ РАН, 2014. 216 с.
5. Дауров Р.Д., Нессар М.О., Окимбеков У.В. Афганистан: политика, экономика (2001–2019) / Отв. ред. В.Я. Белокреницкий. М.: ИВ РАН, 2020. 412 с.
6. Истомин И.А. Логика поведения государств в международной политике. М.: Аспект Пресс, 2019. 296 с.
7. Казанцев А.А. «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия. М.: МГИМО-Университет, 2008. 361 с.
8. Коргун В.Г. История Афганистана. XX век. М.: ИВ РАН, 2004. 529 с.
9. Лавров А.Ю. Политический ислам в Афганистане. Издание первое. М.-Б., 2010. 180 с.
10. Лалетин Ю.П. Племя и государство в Афганистане: идеальный тип (модель) политсистемы ряда стран Западной Азии. М., 2008. 106 с.
11. Ланда Р.Г. Политический ислам: предварительные итоги. М., 2005. 286 с.
12. Нессар М.О. Политическое развитие Афганистана: оценки и прогнозы (2001–2014 гг.). М.: ИВ РАН, 2017. 192 с.
13. Печатнов В.О., Манькин А.С. История внешней политики США. М.: Междунар. Отношения, 2012. 672 с.
14. Пластун В.Н. Эволюция деятельности экстремистских организаций в странах Востока. Н.: Сибирский хронограф, 2002. 712 с.

15. Рагозина С.А. Дискурс политического ислама (на примере интернет-пространства Северо-Восточного Кавказа) / Пре-
дисл. А.Л. Рябинина, Г.В. Лукьянова. М: Либроком, 2013. 144 с.

16. Слинкин М.Ф. Народно-демократическая партия Афгани-
стана у власти. Время Тараки-Амина (1978–1979 гг.). Симферополь,
1999. 359 с.

17. Сушенцов А.А. Малые войны США. Политическая стра-
тегия США в конфликтах в Афганистане и Ираке в 2000–2010-х
годах / Отв. ред. Богатуров А.Д. М.: Аспект Пресс, 2014. 272 с.

18. Угроза международного терроризма и религиозного экс-
тремизма государствам-членам ОДКБ на центральноазиатском
и афганском направлениях / Под. ред. И.Н. Панарина, А.А. Казан-
цева. М.: Аналитическая ассоциация ОДКБ; Институт международ-
ных исследований МГИМО МИД России, 2017. 50 с.

19. Хрусталева М.А. Анализ международных ситуаций
и политическая экспертиза: Учеб. пособие для вузов. 2-е изд., испр.
и доп. М.: Аспект Пресс, 2018. 224 с.

На персидском языке

1. Мохаммади Г.М. Барреси-е Тарихи-е Хатт-е Дюранд (Исто-
рическое исследование Линии Дюранда). 2010. 274 рр.

Научные статьи и аналитические доклады

На русском языке

1. Акмалов Ш. О некоторых аспектах внешней политики
Ирана в отношении Афганистана [Электронный ресурс]. 11.04.2014.
URL: <http://carnegieendowment.org/2014/04/11/o-некоторых-аспектах-внешней-политики-ирана-в-отношении-афганистана/h7x7#>

2. Арунова М.Р. Обострение обстановки в Афганистане
и Парижская конференция [Электронный ресурс] // Институт Ближ-
него Востока. URL: <http://www.iimes.ru/?p=7385>

3. Арунова М.Р., Тутков Ю.А. К итогам парламентских выбо-
ров в Афганистане // Афганистан, Иран, Пакистан: время выборов
и перемен. М.: 2006. С. 17–24.

4. Асатрян Г. Прошлое и будущее «Сети Хаккани» в Афганистане и Пакистане [Электронный ресурс] // Международная жизнь. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/15748>

5. Белокреницкий В.Я. Грани пуштунской цивилизации [Электронный ресурс] // Afghanistan.ru. URL: <http://afghanistan.ru/doc/18905.html>

6. Белокреницкий В.Я. Пакистан и афганский кризис // *Мировая экономика и международные отношения*. 2016. Том 60. № 3. С. 83–91.

7. Дауров Р.Д. Афганистан – декада трансформаций 2014–2024 гг. // Тезисы конференции «Мусульманский Восток на исторических рубежах России». М.: ИВ РАН, 2016. С. 16–20.

8. Дауров Р., Саженов Н. Об общих принципах и особенностях внешнеполитической стратегии современного Афганистана // *Восточная аналитика*. 2020. № 1. М.: ИВ РАН. С. 80–90.

9. Джанбаз Г. В соглашении США и Талибана обнаружены правовые ловушки [Электронный ресурс] // Независимая газета. URL: http://www.ng.ru/kartblansh/2020-03-04/3_7809_kartblansh.html

10. Дружиловский С.Б. Внешнеполитический процесс в Республике Иран // *Внешнеполитический процесс на Востоке: Учеб. пособие* / Под ред. Д.В. Стрельцова. М.: Аспект Пресс, 2017. С. 76–108.

11. Дружиловский С.Б. Конфликт в Афганистане выгоден всем, кроме афганского народа [Электронный ресурс] // МГИМО [Офиц. сайт]. http://mgimo.ru/about/news/experts/118679/?sphrase_id=2117038

12. Дружиловский С.Б. О теории и практике исламского правления в странах Среднего Востока (Иран, Турция, Афганистан) // *Ислам и политика (взаимодействие ислама и политики в странах Ближнего и Среднего Востока, на Кавказе и в Центральной Азии)* / Отв. ред. В.Я. Белокреницкий, Е.З. Егорин. М.: ИВ РАН, 2001. С. 60–69.

13. Дружиловский С.Б. Шиитский полумесяц на Ближнем Востоке. Миф и реальность // *Иран во втором десятилетии XXI века: вызовы и перспективы*. М.: ИВ РАН, 2016. С. 52–57.

14. Звягельская И.Д. Этноконфессиональные конфликты современности и подходы к их урегулированию // *Конфликты на Востоке: Этнические и конфессиональные: Учеб. пособие для*

студентов вузов / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Аспект Пресс, 2008. С. 23–68.

15. Иванова И.И. Турция и Афганистан // Афганистан-2010. Политические и экономические реалии современного Афганистана в условиях геостратегической экспансии Запада. М., ИВ РАН, 2010. С. 175–196.

16. Ислам в политике: идеология или прагматизм? [Электронный ресурс]. Аналитический доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». Москва, 2013. 57 с. URL: http://vid-1.rian.ru/ig/valdai/Islam_in_politics_rus.pdf

17. К великому океану – 3. Экономический пояс Шелкового пути и приоритеты совместного развития евразийских государств. Аналитический доклад международного дискуссионного клуба «Валдай» (краткая версия). М., 2015. 24 с.

18. Колдунова Е.В. Внутренние факторы внешнеполитического процесса в Таиланде // *Вестник МГИМО-Университета*. 2010. № 1 (10). С. 212–220.

19. Конаровский М.А. Афганистан: к некоторым итогам 2018 года (Часть 2) [Электронный ресурс] // [Afghanistan.ru](http://afghanistan.ru/doc/125901.html). URL: <http://afghanistan.ru/doc/125901.html>

20. Коргун В.Г. Конференция по Афганистану в Лондоне [Электронный ресурс] // [Afghanistan.ru](http://afghanistan.ru/doc/5248.html). URL: <http://afghanistan.ru/doc/5248.html>

21. Коргун В.Г. Мирный процесс в Афганистане. Мекканский эпизод 2008 года // *Азия и Африка сегодня*. 2013. № 6. С. 13–17.

22. Коргун В.Г. Современный Афганистан: возвращение исламских клерикалов // *Исламский фактор в истории и современности* / Отв. ред. В.Я. Белокреницкий, И.В. Зайцев, Н.Ю. Ульченко. М.: Вост. лит., 2011. С. 325–335.

23. Кухманд Х. Новая стратегия США и афганско-пакистанские отношения [Электронный ресурс] // [Afghanistan.ru](http://afghanistan.ru/doc/16116.html). URL: <http://afghanistan.ru/doc/16116.html>

24. Лалетин Ю.П. Межэтническое взаимодействие в Афганистане // *Конфликты на Востоке: этнические и конфессиональные* / Отв. ред. А.Д. Воскресенский. М.: Аспект Пресс, 2008. С. 289–314.

25. Лалетин Ю.П. Политическая система Афганистана: воздействие племенной организации // *Восток*. 2008. № 2. С. 137–149.

26. Мамедова Н.М. Афганское направление иранской политики в период М. Ахмадинежада // Иран при М. Ахмадинежаде. Памяти А.З. Арабаджяна. М.: ИВ РАН, Центр стратегической конъюнктуры, 2013. С. 123–129.

27. Мамедова Н.М. Иранские интересы в Афганистане и основные параметры ирано-афганских отношений // Современный Афганистан и сопредельные страны. Сборник статей / Отв. ред. М.Р. Арунова. М.: ИВ РАН, 2011. С. 71–91.

28. Мачитидзе Г.Г. США-Талибан: сравнительный анализ этапов переговоров // *Сравнительная политика*. 2020. № 1. С. 65–74.

29. Мендкович Н. Новое партнерство США и Афганистана [Электронный ресурс] // Afghanistan.ru. URL: <http://afghanistan.ru/doc/78544.html>

30. Мендкович Н. Туркменистан в системе афганских угроз [Электронный ресурс] // Afghanistan.ru. URL: <http://afghanistan.ru/doc/73872.html>

31. Мирский Г.И. «Политический ислам» и западное общество // *Полис. Политические исследования*. 2002. № 1. С. 78–86.

32. Нессар М.О. Этноплеменной фактор и политический процесс в современном Афганистане // Нации и национализм на мусульманском Востоке / Отв. ред. В.Я. Белокреницкий, Н.Ю. Ульченко. М.: ИВ РАН, 2015. С. 379–383.

33. Сафранчук И.А. Афганистан – геополитический буфер или геоэкономический перекресток? // *Большая игра: политика, бизнес, безопасность в Центральной Азии*. 2017. № 3–4 (54–55). С. 45–49.

34. Серенко А. Саудовская игра: Афганистан вступает в эпоху новых политических коалиций [Электронный ресурс] // Afghanistan.ru. URL: <http://afghanistan.ru/doc/103851.html>

35. Степанова Е.А. Мирный процесс по Афганистану и роль России // *Пути к миру и безопасности*. 2019. № 2 (57). С. 21–33.

36. Степанова Е.А. Фактор ИГИЛ и движение Талибан в политике России по Афганистану и в более широком регионе // *Пути к миру и безопасности*. 2017. № 1 (52): Спецвыпуск: Проблемы терроризма, насильственного экстремизма и радикализации (российские и американские подходы). С. 213–237.

37. Стрельцов Д.В., Колдунова Е.В. Внешнеполитический процесс на Востоке: некоторые подходы к методологии исследования // *Вестник МГИМО-Университета*. 2010. № 1 (10). С. 145–152.

38. Сушенцов А.А. Международный режим противодействия афганским угрозам // *Международные процессы*. Том 11. № 3–4 (34–35). С. 21–32.

39. Умаров А.А. Политика Турции в Афганистане // *Азия и Африка сегодня*. 2017. № 7. С. 50–56.

40. Шарипов У.З., Хашимбеков Х.Х. Исторический и современный аспекты социального и политического положения афганских узбеков // *Афганистан-2010. Политические и экономические реалии современного Афганистана в условиях геостратегической экспансии Запада*. М., ИВ РАН, 2010. С. 103–146.

На английском языке

1. Afghanistan: The Problem of Pashtun Alienation. International Crisis Group Asia Report № 62. August 5, 2003. 27 pp.

2. Andersen L., Jiang Y. China's Engagement in Pakistan, Afghanistan and Xinjiang // DIIS Report. 2018. № 06. 63 pp.

3. Archiwal. Overwhelming Majority of Afghans Has a Positive Perception of India // *India in South Asia. Challenges and Management* / Ed. by Ranjan A. Springer, 2019. P. 123–132.

4. Aria Z. Iran-Taliban Relation: Strategic Partnership or Strategic Toolkit? [Electronic Resource] // KHAAMA Press. URL: <https://www.khaama.com/iran-taliban-relation-strategic-partnership-or-strategic-toolkit/>

5. Bleuer C., Kazemi S.R. Between cooperation and insulation. Afghanistan's relations with the Centrak Asian Republics // *Afghanistan Analysts Network*. June 2014. 74 pp.

6. Brooking S. Private Security Companies in Afghanistan. 2001–2011. 6 pp.

7. Chegenizadeh G.A. The Perception of Afghanistan's Elite Regarding the Islamic Republic of Iran. *Afghanistan Institute for Strategic Studies*, 2018. 52 pp.

8. Sultan-I-Rom Dr. The Durand Line Agreement (1893): – Its Pros and Con [Electronic resource] // *Valley Swat*. 2004. Vol. 1. 16 pp. URL: http://www.valleyswat.net/literature/papers/The_Durand_Line_Agreement.pdf

9. Ganguly S. India's Role in Afghanistan // *CIDOB*. January 2012. 9 pp.

10. Hanif M. Indian Involvement in Afghanistan: Stepping Stone or Stumbling Block to Regional Hegemony? // German Institute of Global and Area Studies, Working Papers. № 98. April 2009. 30 pp.
11. Hooper E., Garrigues J. Mapping the Sources of Tension and the Interests of Regional Powers in Afghanistan and Pakistan // CIDOB. December 2012. 33 pp.
12. Hu S., Pantucci R., Sawhney R., Winterbotham E. Communication, Co-operation and Challenges. A Roadmap for Sino-Indian Engagement in Afghanistan // Royal United Services Institute for Defence and Security Studies. Occasional Paper. February 2016. 29 pp.
13. Huasheng Z. China and Afghanistan. Center for Strategic & International Studies (CSIS), March 2012. 21 pp.
14. Jin W. The US Withdrawal and One Belt One Road: Chinese Concerns and Challenges in Afghanistan // *Strategic Assessment*. October 2016. Vol. 19. № 3. P. 69–79.
15. Kassenova N. Relations Between Afghanistan and Central Asian States After 2014. Incentives, Constraints and Prospects. Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI). May 2014. 31 pp.
16. Krishnamurthy R. India's Afghanistan Policy and Perceptions // *India in South Asia. Challenges and Management* / Ed. by Ranjan A. Springer, 2019. P. 3–18.
17. Kugelman M. Danger on Durand Line. Tensions Rise Between Afghanistan and Pakistan [Electronic resource] // Foreign Affairs. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/afghanistan/2017-03-02/danger-durand-line>
18. Laborie M. Afghanistan and Syria: Nonstate Actors and Their Negative Impact on Human Security // *Public International Law and Human Rights Violations by Private Military and Security Companies* / Ed. by Torroja H. Springer, Cham, 2017. P. 7–29.
19. Majeed G. Ethnicity and Ethnic Conflict in Pakistan // *Journal of Political Studies*, Vol. 1. Issue 2. P. 51–63.
20. Mukhopadhyaya G. India. // *Is a Regional Strategy Viable in Afghanistan?* / Ed. by Tellis A., Mukharji A. Carnegie Endowment, 2010. P. 27–38.
21. Mullen R. India in Afghanistan: Understanding Development Assistance by Emerging Donors to Conflict-Affected Countries. Stimson Center Policy Brief. August 2017. 15 pp.

22. Munoz A.G. Pashtun Tribalism and Ethnic Nationalism. Tribal Analysis Center, 2010. 12 pp.

23. Neumann R. Failed relations between Hamid Karzai and the United States. What can we learn? Special report // United States Institute of Peace. May 2015. 18 pp.

24. Ng T.P. China's Role in Shaping the Future of Afghanistan // The Carnegie Endowment, Policy Outlook. September 1, 2010. 15 pp.

25. Price G. India's Policy Towards Afghanistan. Chatham House, 2013. 9 pp.

26. Olsson C. The politics of the apolitical: private military companies, humanitarians and the quest for (anti-)politics in post-intervention environments // *Journal of International Relations and Development*. 2007. № 10. P. 332–361.

27. Osman B. The Ulama Council: Paid to Win Public Minds – But Do They? // Afghanistan Analysts Network. 2012. 7 pp.

28. Rahi A. Afghanistan's Growing Ethnic and Linguistic Divides // OSCE Academy, Central Asia Security Policy Briefs. № 22. Bishkek, February 2015. 20 pp.

29. Report № 285. Afghanistan: The Future of The National Unity Government [Electronic resource] // International Crisis Group [Official page]. URL: <https://www.crisisgroup.org/asia/south-asia/afghanistan/285-afghanistan-future-national-unity-government>

30. Safi M., Alizada B. Integrating Afghanistan Into the Belt and Road Initiative. Friedrich Ebert Stiftung, August 2018. 78 pp.

31. Schneider T. The Fatemiyoun Division: Afghan Fighters in the Syrian Civil War. Middle East Institute, 2018. 17 pp.

32. Schoon E.W., DeRoche C. Legitimacy Building in Policy and Practice: The Case of US Private Military and Security Contractors (PMSCs) in Afghanistan // *The Sociology of Privatized Security* / Ed. by Swed O., Crosbie T. Palgrave Macmillan, Cham, 2019. P. 67–83.

33. Schulz S., Yeung C. Private Military and Security Companies and Gender. Gender and Security Sector Reform Toolkit / Ed. by Megan Bastick and Kristin Valasek. Geneva: DCAF, OSCE/ODIHR, UN-IN-STRAW, 2008. 32 pp.

34. Shahid S. Engaging Regional Players in Afghanistan. Threats and Opportunities. Center for Strategic & Regional Studies (CSIS), November 2009. 5 pp.

35. Sinha Sh. Rising Powers and Peacebuilding: India's Role in Afghanistan // Rising Powers and Peacebuilding. Breaking the Mold? / Ed. by Call T., de Coning C. Palgrave Macmillan, 2017. P. 129–166.

36. Swaine M., Ng T. China // Is a Regional Strategy Viable in Afghanistan? / Ed. by Tellis A., Mukharji A. Carnegie Endowment, 2010. P. 61–70.

37. Tadjbaksh S. The Persian Gulf and Afghanistan: Iran and Saudi Arabia's Rivalry Projected. Peace Research Institute Oslo, March 2013. 58 pp.

38. Talking About Talks: Toward a Political Settlement in Afghanistan // International Crisis Group. Asia Report № 221. March 26, 2012. 40 pp.

39. Zyck S. The Role of China in Afghanistan's Economic Development & Reconstruction. Civil-Military Fusion Center, March 2012. 8pp.

На персидском языке

1. Гофтогу-е мелли пирамун-е сиясат-е хареджи-е Афганистан (Разговор на национальном уровне о внешней политике Афганистана). Afghan Institute for Strategic Studies, 2017. 18 pp.

Место и год проведения конференции	Участники	Основные результаты конференции
Бонн (ФРГ), 2011 г.	85 государств и 15 международных организаций ³⁹²	Иностранная помощь Афганистану продолжится после 2014 г., к концу которого намечен вывод сил МССБ из Афганистана. Конкретные объемы иностранной помощи не установлены. После 2014 г. и после завершения миссии МССБ в Афганистане начнется т. н. Декада (десятилетие) трансформации, по итогам которой Афганистан должен стать стабильным и состоявшимся государством к 2024 г.³⁹³
Токио (Япония), 2012 г.	55 государств и 25 международных организаций ³⁹⁴	Международные доноры договорились предоставить Афганистану 16 млрд долларов в течение 4 лет. Участники переговоров договорились один раз в два года проводить встречи на уровне министров с целью обсуждения прогресса в деле выполнения их долгосрочных обязательств³⁹⁵.

³⁹² Bonn Conference, December 2011 // Office of the Deputy Minister for Policy. Ministry of Finance, Islamic Republic of Afghanistan. URL: <http://policy.mof.gov.af/bonn-conference-2011/>

³⁹³ Ibid.

³⁹⁴ Tokyo Conference, July 2012 // Office of the Deputy Minister for Policy. Ministry of Finance, Islamic Republic of Afghanistan. URL: <http://policy.mof.gov.af/the-tokyo-conference-2012/>

³⁹⁵ Tokyo Conference on Afghanistan // Permanent Mission of Afghanistan to the United Nations in New York. URL: <http://afghanistan-un.org/category/about-afghanistan/tokyo-conference-on-afghanistan/>

Место и год проведения конференции	Участники	Основные результаты конференции
Лондон (Великобритания), 2014 г.	59 государств и 15 международных организаций ³⁹⁶	Новый президент Афганистана Ашраф Гани озвучил свою программу развития и реформирования Афганистана. Приоритет отдавался экономическим вопросам, в частности, сокращению бедности и созданию рабочих мест ³⁹⁷ .
Брюссель (Бельгия), 2016 г.	75 государств и 26 международных организаций ³⁹⁸	Страны-доноры взяли на себя обязательства по предоставлению Афганистану 15,2 млрд долларов США в течение следующих 4 лет. Также обсуждалась скорректированная программа проведения реформ в Афганистане ³⁹⁹ .
Женева (Швейцария), 2018 г.	62 государства и 35 международных организаций	ЕС принял обязательства по предоставлению Афганистану 474 млн евро в качестве безвозмездной финансовой помощи ⁴⁰⁰ .

³⁹⁶ International community welcomes Afghan reform vision at London conference // UK Government. URL: <https://www.gov.uk/government/news/international-community-welcomes-afghan-reform-vision-at-london-conference>

³⁹⁷ Ibid.

³⁹⁸ Brussels Conference on Afghanistan: main results // European Council. Council of the European Union. URL: <http://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2016/10/05-bca-main-results/>

³⁹⁹ Ibid.

⁴⁰⁰ Евросоюз выделит 474 миллиона евро на поддержку Афганистана // Афганистан.ру. URL: <https://afghanistan.ru/doc/125087.html>

Научное издание

Николай Дмитриевич САЖЕНОВ

**ВНУТРЕННИЕ ФАКТОРЫ
ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ АФГАНИСТАНА
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ
(2001 – НАЧАЛО 2020 г.)**

Редактор *Д. А. Сарабьева*
Верстка *Н. В. Макеева*

Подписано 24.12.2020
Формат 60х90/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 13,875. Уч.-изд. л. 10,2
Тираж 500 экз. Зак. № 460.

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН
107031 Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский отдел
Зав. отделом И. В. Федулов
E-mail: ivran.izd@gmail.com

Отпечатано в:
ПАО «Т8 Издательские Технологии»
г. Москва, Волгоградский проспект,
дом 42, корп. 5
Тел: 8 (495) 322 38 31
www.t8print.ru